This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG3470
V24N3
1884

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Vasilevsky, I. F.

„НАШИ НРАВЫ“

И. Ф. ВАСИЛЕВСКАГО (Буквы)

Рисунки:

Н. А. Богданова, М. М. Далькевича,
А. И. Лебедева, М. Е. Малышева, М. Чемоданова,
† В. С. Шпака, С. И. Эрбера.

NOTE TO THE READER

The paper in this volume is brittle or the inner margins are extremely narrow.

We have bound or rebound the volume utilizing the best means possible.

PLEASE HANDLE WITH CARE

GENERAL BOOKBINDING CO., CHESTERLAND, OHIO

PG-3473
.I24/V3
1884

Всѣ клише исполнены въ фото-цинкографическомъ заведеніи Германа Корнфельдъ,
въ С.-Петербургѣ, 16, Николаевская.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА „СТРЕКОЗА"
(Германа Корнфельдъ)
С.-Петербургъ.
1884.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе 1

I. Козыри и бутерброды.

Въ городскомъ общественномъ собраніи 7

II. Суета и препоны.

Въ редакціи мѣстной газеты 41

III. Законы и люди.

Въ *** окружномъ судѣ 69

IV. Руки и деньги.

Въ городскомъ общественномъ банкѣ 105

V. Комики и трагики.

Передъ бенефисомъ въ захолустномъ театрѣ 131

VI. Въ канцеляріи.

Исторія одной канцелярской бумаги, ею же разсказанная 157

VII. Танцующія денежки.

Изъ дневника благотворительницы 183

VIII. Слово и дѣло.

Въ городской думѣ 205

IX. Въ земскихъ дебряхъ.

Шесть писемъ землевладѣльца Берендеевскаго уѣзда и губернскаго земскаго гласнаго, Ѳ. В. Бузина, къ его супругѣ, и три телеграммы . . . 227

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 декабря 1884 года.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), по Фонтанкѣ, № 99.

„НАШИ НРАВЫ."

Вступленіе.

Первоначально мы хотѣли придать нашему предисловію возможно ученый, историко-философскій характеръ. Изображая въ нынѣшнемъ сочиненіи картины нравовъ, такъ сказать, въ пространствѣ, въ данномъ ихъ положеніи, мы имѣли въ виду уяснить, во введеніи, процессъ послѣдовательнаго образованія этихъ нравовъ во времени. Мы показали бы тогда не только внѣшнюю сторону предмета, но еще вкратцѣ разсказали бы, почему наши нравы сложились именно такъ, какъ они сложились и почему сформироваться иначе они никоимъ образомъ не могли.

Несомнѣнно, что нынѣшнее сочиненіе очень много выиграло бы отъ примѣненія къ нему такого двойнаго анализа. Послѣдній сообщилъ бы нашему труду полноту изложенія, внутреннюю связность и придалъ бы значительный вѣсъ конечнымъ выводамъ.

Мы и попробовали разработать предисловіе въ вышеупомянутомъ духѣ. Мы поставили себѣ цѣлью попытаться примѣнить къ исторіи цивилизаціи средняго русскаго обывателя, обитающаго въ среднемъ русскомъ городѣ, основные законы довольно извѣстнаго, но уже покойнаго, англійскаго историка и философа Генри Томаса Бокля.

Бокль утверждалъ, что главными факторами, могущественно и неизбѣжно вліяющими на постепенный ходъ и

складъ цивилизаціи каждаго народа, слѣдуетъ считать: климатъ, почву, пищу и внѣшній географическій видъ окружающей природы.

Согласно ученію англійскаго авторитета, какъ чрезмѣрно жаркій, такъ и непомѣрно холодный *климаты*, одинаково невыгодны для успѣховъ и развитія цивилизаціи. Въ сильныя жары люди бываютъ нерасположены и до извѣстной степени неспособны къ тѣмъ дѣятельнымъ занятіямъ, которымъ въ болѣе умѣренномъ климатѣ они предавались бы съ охотою; суровые же холода сѣверныхъ широтъ и относительная скупость солнечнаго свѣта дѣлаютъ невозможнымъ для людей продолжать ихъ обычныя занятія внѣ домовъ и лишаютъ ихъ внутреннихъ наклонностей къ неослабному трудолюбію.

Нашъ климатъ географія считаетъ *умѣреннымъ*, то есть наиболѣе подходящимъ для физическаго и нравственнаго процвѣтанія и совершенствованія человѣка.

Относительно *почвы* Бокль тоже высказывается противъ крайностей. Чрезмѣрно плодородная земля хотя и служила въ исторіи колыбелью древнихъ первичныхъ культуръ, но была и причиною ихъ застоя и гибели, такъ какъ слишкомъ щедро надѣляла своими дарами человѣка, и не заставляла его полагаться на свою энергію и на свои производительныя силы. Съ другой стороны, слишкомъ бѣдная и неблагодарная почва, требуя отъ человѣка постоянной и напряженной борьбы за свое физическое существованіе, сообщала и сообщаетъ живущимъ на ней племенамъ и народамъ бѣдность и ограниченность стремленій, склонность къ грубому матеріализму и неподвижность, вялость въ общежитіи.

Наша почва неоспоримо причисляется къ разряду умѣренноплодородныхъ, т. е. такихъ, которыя не разслабляютъ человѣка своею роскошью, но въ то же время и не заставляютъ его только и исключительно заботиться о своемъ пропитаніи.

Третьимъ факторомъ цивилизаціи считается *пища*. Въ жаркихъ странахъ преобладаетъ пища растительная; въ холодныхъ — мясная. Какъ та, такъ и другая вызываютъ извѣстныя, вполнѣ опредѣленныя, послѣдствія. Сопоставляя ихъ между

собою, необходимо, однако, отдать предпочтеніе пищѣ растительной. Она добывается сравнительно съ меньшимъ трудомъ, стоитъ на рынкахъ значительно дешевле мясной пищи и, въ духовно-физіологическомъ отношеніи, вліяетъ болѣе мягко и благотворно на интеллектуальную и нравственную жизнь человѣка.

Наша коренная всероссійская пища состоитъ, какъ извѣстно, изъ *щей* и *каши*. Щи—почти непосредственный продуктъ, неоспоримо принадлежащій къ растительному царству. Каша—нѣсколько болѣе сложное, но тоже неоспоримое видоизмѣненіе растительнаго плода. Значитъ, и въ смыслѣ пищи наша цивилизація всегда была обезпечена и имѣла прекрасный кормъ.

Наконецъ, четвертый и послѣдній факторъ это — *общій географическій видъ природы*, взятой въ ея совокупности. Пышная, чрезмѣрно богатая и блестящая природа подавляетъ, запугиваетъ и принижаетъ человѣка. Она вырабатываетъ въ немъ чувства безсилія, ничтожества и страха. Она развиваетъ воображеніе въ ущербъ разсудку. Съ другой стороны, черезчуръ бѣдная, сѣрая, безличная и неприглядная природа слишкомъ возвышаетъ человѣка въ его собственныхъ глазахъ, развиваетъ въ немъ излишнюю самонадѣянность, не воспитываетъ его въ эстетическомъ отношеніи и дѣлаетъ простымъ слугою разсудка, почти лишеннымъ воображенія.

Наша природа тоже занимаетъ среднее мѣсто. Она не можетъ похвастаться ни землетрясеніями, ни бурями, ни ураганами, ни гигантскими цѣпями горъ, ни разрушительными потоками, ни дѣвственными непроходимыми лѣсами. Но она же и не представляетъ собою безусловной глади и мертвечины. Русская природа склоняетъ къ поэзіи и въ то же время вовсе не дѣлаетъ человѣка врагомъ разсудка.

И такъ, наша обывательская цивилизація, какъ при своемъ зарожденіи, такъ и въ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи, имѣла въ своемъ распоряженіи самыя счастливыя данныя. На ея сторонѣ были: умѣренный климатъ, умѣренно плодородная почва, растительная пища и вполнѣ благопріятныя географическія условія. Подчиняясь взаимодѣйствію этихъ единственныхъ

главныхъ факторовъ, она, по Боклю, должна была неизбѣжно достигнуть полнаго и совершеннаго расцвѣта, сдѣлавъ насъ крѣпкими, здоровыми, предпріимчивыми, этически развитыми, трезвомыслящими и, между прочимъ, создавъ и закрѣпивъ, во славу и на пользу частнаго и гражданскаго общенія, отмѣнно пріятные и безусловно похвальные нравы. Обыватели, которые въ теченіи слишкомъ 1000 лѣтъ пользовались благорастворенным климатомъ, порядочною почвою, растительною пищею и которыхъ не сбивали съ толку ни землетрясенія, ни ураганы, ни обвалы горъ—такіе обыватели должны были въ концѣ концовъ стать истиннымъ и цѣннымъ украшеніемъ человѣчества вообще и Боклевой теоріи въ частности.

Вотъ къ какому выводу должно было бы привести построенное на научныхъ началахъ предисловіе къ этому сочиненію.

Но вовсе не такой результатъ получился, когда мы прочли, хотя и въ корректурѣ, начертанную нами книгу. Она явно противорѣчила задуманному предисловію.

Передъ авторомъ и стала нижеслѣдующая непреложная дилемма. Онъ почувствовалъ себя въ необходимости:

или, согласившись съ Боклемъ, отказаться отъ своего собственнаго произведенія и связанныхъ съ нимъ славы и благополучій,

или возстать противъ Бокля и опровергнуть «Исторію цивилизаціи Англіи» нынѣшнимъ произведеніемъ.

Авторъ предпочелъ второй выходъ.

I.

КОЗЫРИ И БУТЕРБРОДЫ.

ВЪ ГОРОДСКОМЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ.

омъ клубный, послѣ домовъ губернаторскаго и «никоновскаго», въ которомъ помѣщается мѣстное желѣзнодорожное управленіе — лучшій и самый показной въ городѣ: двухэтажный, выкрашенный коричневою масляною краскою, съ большими окнами, съ зеркальными стеклами, съ желѣзнымъ балкономъ, имѣющимъ форму хорошенькой коробки и съ глухимъ обшитымъ подъѣздомъ, выступающимъ во всю ширину панели. На фронтонномъ выступѣ виднѣется круглая заштукатуренная впадина: внутри нея когда-то помѣщалось лѣпное изображеніе княжеской короны, вѣнчавшей гербъ — двѣ взаимно пожимающіяся руки, пушку на лафетѣ, три звѣздочки и голубя, съ извивающеюся лентою въ клювѣ, на которой виднѣлся латинскій девизъ «Est modus in rebus». Домъ составлялъ наслѣдственную собственность рода князей Штукариныхъ. Но со смертію послѣдняго Штукарина, сраженнаго апоплексическимъ ударомъ въ Венеціи въ гондолѣ, старинный барскій отель пріобрѣтенъ мѣстнымъ богачемъ-купцомъ Пафнутьевымъ, — тѣмъ самымъ, который дважды былъ подъ судомъ по винокуреннымъ дѣламъ и состоитъ теперь соборнымъ старостою, — и сданъ имъ въ аренду клубу.

Въ передней, служащей и гардеробной, хозяйничаетъ швейцаръ — отставной уланскій унтеръ, занимающійся въ свободные часы плетеніемъ дѣтскихъ колясокъ и чтеніемъ журнала «Лучъ». Онъ «играетъ» на вѣшалкахъ, какъ Листъ на фортепіанныхъ клавишахъ: вѣшаетъ платья не смотря и достаетъ ихъ ощупью. Можно бы думать, что всѣ бывающіе у него на попеченіи пальто и шубы знакомы ему по запаху.

Швейцаръ тонко различаетъ клубныхъ посѣтителей, мѣняетъ по отношенію къ нимъ тонъ голоса, ритмъ движеній, смотритъ на все

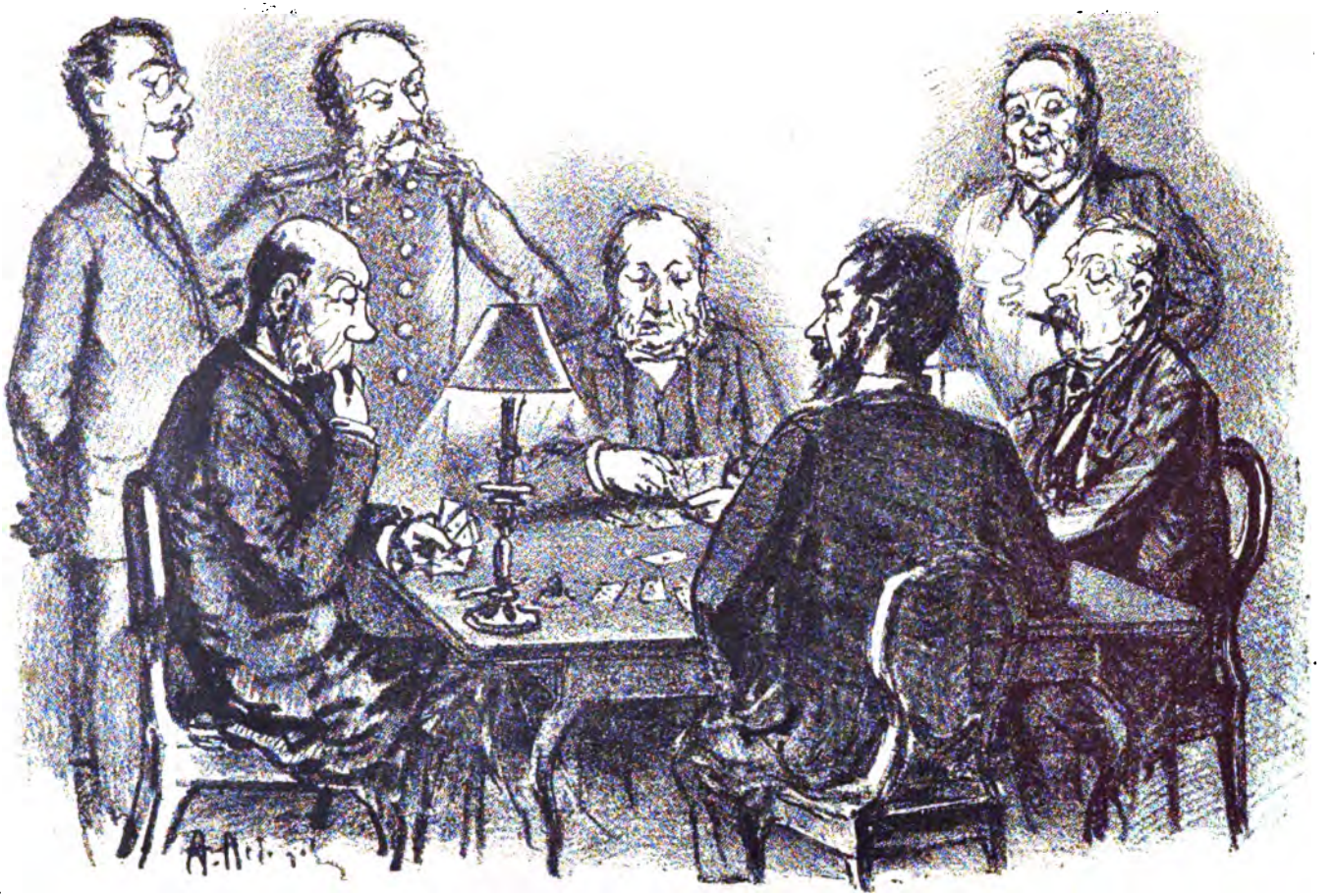
человѣчество съ точки зрѣнія праздничныхъ чаевыхъ и настолько знакомъ съ общественными приличіями, что, сообщая мужу о появленіи въ клубской передней почему-то злословящей и неистовствующей жены, прикладываетъ руку ко рту и низводитъ до pianissimo свой густой, прекрасно вышколенный на эскадронныхъ ученіяхъ, басъ. Клубные остряки называютъ швейцара «Лимбургскимъ сыромъ», имѣя, вѣроятно, для этого псевдонима соотвѣтственныя основанія. Люди тѣмъ похожи на цвѣты, что и у нихъ есть свои ароматы.

Бывалый и просвѣщенный посѣтитель, внимательно осматривая клубъ, съ удовольствіемъ замѣтилъ бы многіе признаки комфорта и культуры. На подоконникахъ виднѣются подушки; въ буфетѣ и въ билліардной разставлены по угламъ мѣдные тазы для окурковъ; при входѣ, въ особомъ шкафчикѣ,— послѣднія телеграммы петербургскаго агентства, выпускаемыя редакціей мѣстныхъ «губернскихъ вѣдомостей», и въ столовой, у дверей, маленькая металлическая фигурка нѣмца, съ сигарою въ зубахъ, вѣчно горящею синимъ газовымъ язычкомъ; нѣмецъ въ колпакѣ съ помазкомъ и прозывается Бисмаркомъ. Носъ у фигурки обожженъ. Подходятъ къ ней закуривать и возвращаются съ маленькими безпритязательными, но не всегда цензурными остротами. Кромѣ того, инвентарь свидѣтельствуетъ, что клубу принадлежатъ еще слѣдующія достопримѣчательности: фрейбергскій билліардъ съ мраморною доскою, чучело медвѣдя съ подносомъ, подаренное клубу въ день его юбилея однимъ генераломъ, нагрѣвающійся шкапчикъ для пирожковъ, три вентилятора отъ Санъ-Галли и цинковая петербургскаго изготовленія дощечка съ надписью «дамская уборная, мужчинъ покорнѣйше просятъ сюда не входить». Слѣдуетъ упомянуть еще о веревочномъ телефонѣ, изъ столовой въ кухню, устроенномъ учителемъ физики, постояннымъ посѣтителемъ клуба. Телефонъ доставилъ публикѣ много удовольствія, особенно въ первые дни своего существованія, когда онъ съ безподобною точностію и раздѣльностію передавалъ повару на кухню разныя неприличныя слова и неумѣстныя восклицанія.

Въ клубѣ много комнатъ, но главная изъ нихъ помѣщается внизу, первою отъ входа. У нея двойное назначеніе и въ ней происходитъ борьба между столами двухъ типовъ—оффиціантскими и ломберными. До семи часовъ вечера, это — большая столовая, единственно оглашающаяся звяканьемъ посуды и чавканіемъ челюстей; послѣ семи часовъ, это—центральная карточная, единственно оглашающаяся пощелкиваніемъ картъ,

Винтовая трилогія.

I. Andante.



— Пасъ.
— Пасъ.

— Пасъ!
— И у насъ.

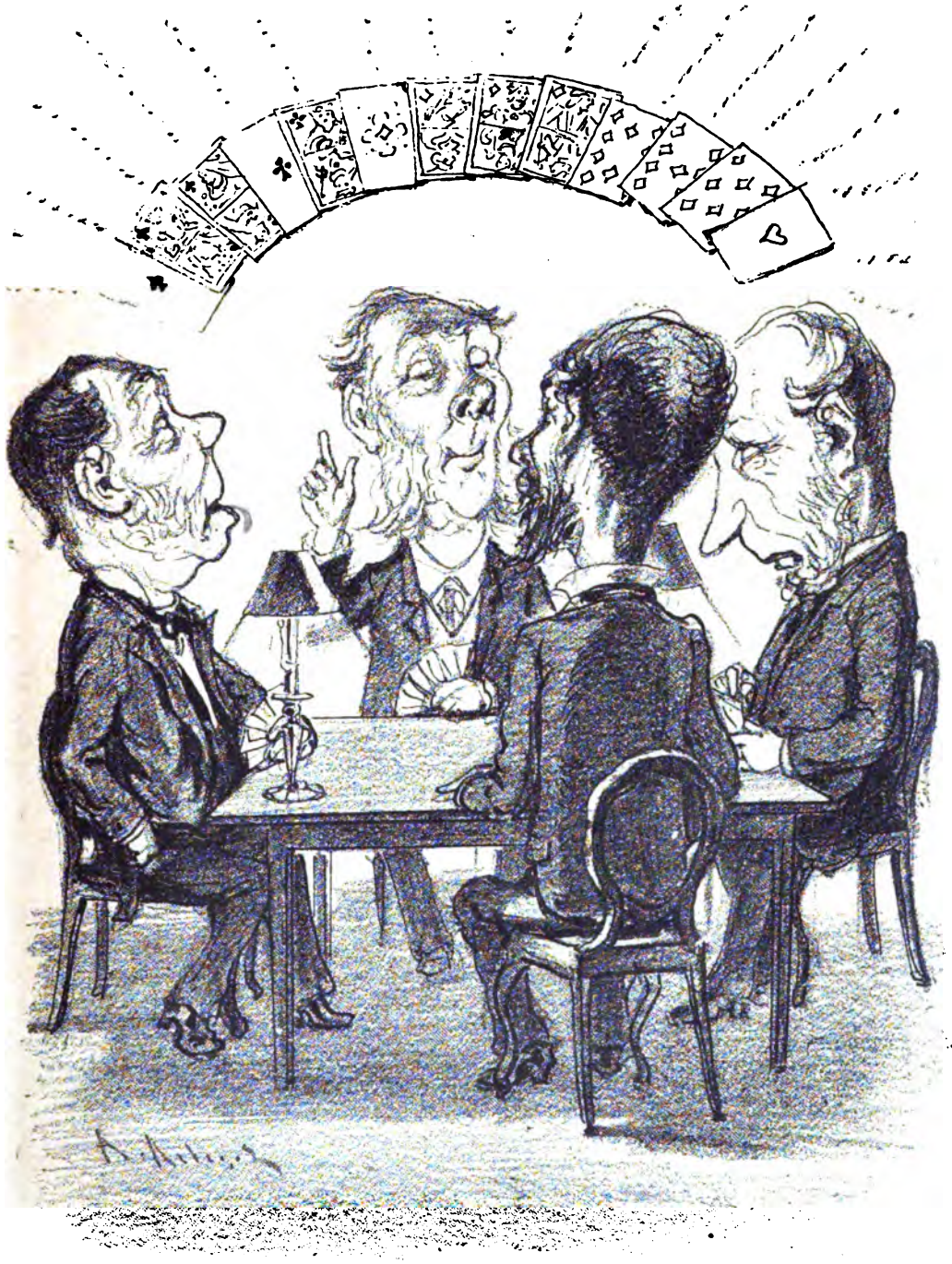
Винтовая трилогія.

II. Con brio e animato.

— На плаху, слышите! — на плаху пойду, если вы докажете, что у васъ были четыре онёра!!.. У меня была дама и десятка.
— У васъ не было десятки!
— Нѣтъ была, была! Была-съ!.. Тысячу разъ была. Да послѣ этого безъ нотаріуса и понятыхъ съ вами играть невозможно!

Винтовая трилогія.

III. Maestuoso.



— Большой шлемъ безъ козырей!!..

Винтовая трилогія.

IV. Finale.

Завинтили!

глухими ударами по зеленому полю согнутыхъ большихъ пальцевъ и отрывочными окликами карточныхъ назначеній. Столы клубовъ «правильные», прочной постановки, нескладывающіеся, съ новенькимъ сукномъ, по которому такъ легко, чисто и пріятно пишется податливымъ меловымъ остріемъ; на каждомъ столѣ четыре подсвѣчника въ колпакахъ и, по угламъ, два маленькіе столика, для чая и закусокъ; свѣтло, тепло, уютно и весело. Вечерній ломберный столъ и утренній канцелярскій столъ—оба столы; это два вида одного и того же рода и въ тоже время—два крайніе, сопоставленные съ чисто демоническою ироніею, контрасты. Люди не умѣютъ цѣнить своихъ лучшихъ друзей и потому исторія до сихъ поръ не знаетъ имени человѣка, изобрѣвшаго ломберный столъ. А для очень многихъ у клубнаго стола на четырехъ—больше захватывающей поэзіи, чѣмъ у супружескаго ложа на двоихъ. Особенно—если приползла, шлепая калошами, осень, если на дворѣ мелкій, промзглый дождикъ, если утро проведенное въ канцеляріи не оставило послѣ себя ничего кромѣ тихихъ удовольствій, и если карта везетъ во всю ширь шкваломъ налетѣвшаго счастія! Что тамъ не говорите, а велика и благотворна воспитательная роль фабрики Воспитательнаго дома.

Всѣ играютъ въ винтъ. Есть только одна преферансная партія, обыкновенно составляемая четырьмя старовѣрами: операторомъ мѣстнаго врачебнаго отдѣленія, однимъ отставнымъ маіоромъ-домовладѣльцемъ, смотрителемъ городской больницы и учителемъ французскаго языка. Какъ то невольно думается, что люди, играющіе до сихъ поръ въ преферансъ—упрямые и прямолинейные консерваторы; что они курятъ жуковскій табакъ въ трубкахъ, остаются вѣрными «Сыну Отечества» и носятъ фонтанель на правыхъ плечахъ. Винтъ единогласно признанъ геніальнымъ изобрѣтеніемъ хитраго на выдумки русскаго ума. Эта игра соединяетъ въ себѣ солидность и строгость виста съ популярностью преферансовыхъ началъ. Она развиваетъ смѣтку, вырабатываетъ анализъ, пріучаетъ къ стратегически-обдуманнымъ поступкамъ, къ партнерской дружности дѣйствій и даетъ понятіе о слѣпыхъ удачахъ и роковыхъ щелчкахъ. Въ эту игру смѣло могли бы играть между собою: Бисмаркъ, Гладстонъ, Жюль Ферри и графъ Таафе.

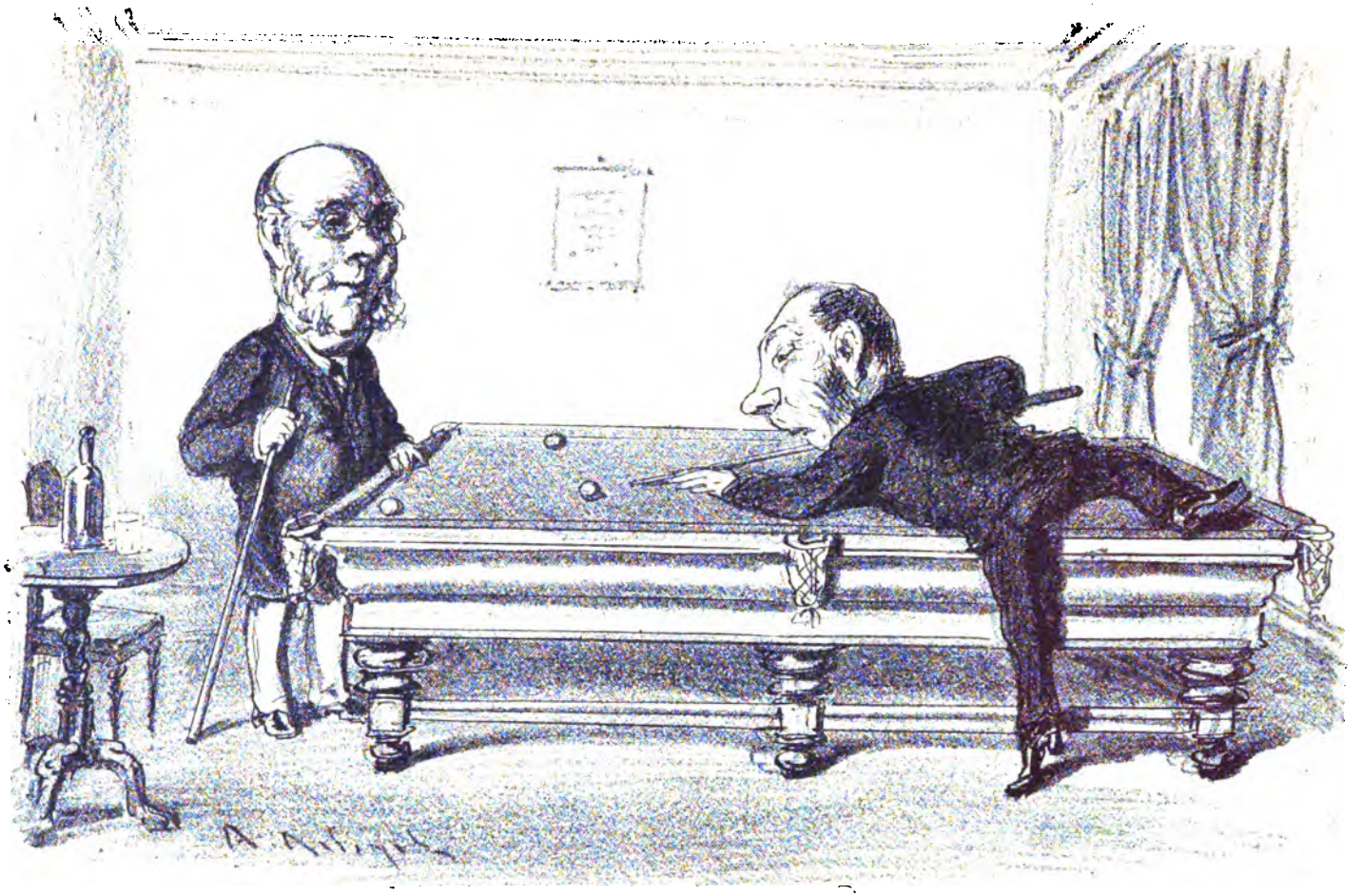
Крайній столъ, на лѣво, тихъ, серьезенъ и обособленъ. Тутъ играютъ крупно, не теряя словъ, всецѣло уходя въ карты, обмѣниваясь краткими репликами и недружелюбно посматривая на праздныхъ, болтающихся по залѣ соглядатаевъ. Мрачный видъ проигрывающагося вице-губернатора разгоняетъ всю стороннюю публику на значительное центробѣжное разстояніе. Одинъ изъ партнеровъ, путейскій инженеръ, громко щелкаетъ каждою взяткою по столу и, ведя счетъ, ѣздитъ, отъ близорукости, носомъ по столу. Другой партнеръ дѣлаетъ легкій упрекъ своему визави за невыкозыреннаго своевременно маленькаго козыря, вызвавшаго большое

несчастіе, и закуриваетъ душистую сигару, съ такимъ смакующимъ наслажденіемъ, какъ если бы самъ онъ превращался въ душистый, мягко и ровно сгорающій — при томъ сгорающій отъ удовольствія — табачный листъ.

У иныхъ столовъ больше движенія и оживленія. Въ антрактахъ сдачи картъ, разсказываютъ разные удивительные случаи по винтовой части, пріятельски хлопаютъ по колѣнямъ ближайшихъ сосѣдей, обмѣниваются съ ними двумя-тремя фразами, затѣмъ громко зѣваютъ, безцеремонно провѣряютъ глазами запись противниковъ и хохочутъ до слезъ при неожиданномъ ротозѣйскомъ ремизѣ. Послѣ окончанія розыгрыша, вспоминаютъ, если требуется, тузовъ, онеры, возстановляютъ порядокъ ходовъ и, въ случаѣ сомнѣнія, обращаются за окончательнымъ мнѣніемъ къ неиграющему, но удивительно игру любящему нѣкоему Петру Николаевичу, у котораго каждая карта какъ бы отпечатокъ въ мозгахъ оставляетъ. Спорятъ много, часто и долго. При обостренныхъ столкновеніяхъ временно прерываютъ игру, собираются кучкой вокругъ стола, служащаго мѣстомъ происшествія и ищутъ старшины, какъ громоотвода. Справившись съ нѣсколькими роберами встаютъ, выпрямляясь, лѣниво ползутъ усталою походкою по направленію къ буфету, опрокидываютъ тамъ рюмки, рюмочки, рюмашечки, механически закусываютъ буттербродами какого-то «средняго» нейтральнаго вкуса и, вытеревъ пальцы повязанною у буфета салфеткою, мелькомъ сообщаютъ другъ другу о томъ, что архіерей вызванъ въ синодъ, что вчера утонулъ мальчикъ на верхнемъ спускѣ, что когда не везетъ, то надо перемѣнять кушъ и что у этого подлеца буфетчика нѣтъ никогда настоящей поповки,—«*Вдовы* М. А. Поповой». Буфетчикъ однако весьма равнодушно мѣняетъ лакейскія марки, достаетъ маркеру ящикъ съ билліардными шарами и, возвратясь къ конторкѣ, продолжаетъ сочинять меню завтрашняго обѣда, кажущееся ему вполнѣ законченною поэмою.

билліардной—густыя облака табачнаго дыма, желтое пятно вися покачивающейся керосиновой лампы, раскатистый стукъ шаровъ и критическая оцѣнка игры двумя клубными завсегдатаями, не изъ картежниковъ. Одинъ изъ нихъ, горячо заявивъ, что вонъ, тотъ, въ очкахъ «совсѣмъ ложится на билліардъ, какъ на кровать и что это—вовсе не игра», разсматриваетъ шансы за и противъ по поводу завтрашняго общаго клубнаго собранія. Будутъ судить одного члена и одного гостя. Членъ, во время маскарада, загадалъ одной незнакомой маскѣ, которая ока-

Трудный шаръ.



— А вы бы еще сапоги и брюки сняли, Павелъ Петровичъ, все же легче было бы.

залась впослѣдствіи женою губернскаго казначея, такую загадку, которую и сказать невозможно. Сущность загадки тѣмъ не менѣе тутъ же сообщается и покрывается густымъ утробнымъ смѣхомъ бесѣдующихъ. Гость же, крупный коммерсантъ и думскій гласный, предварительно назюзюкавшись, незамѣтно позасунулъ на балу одной дамѣ, за лифъ вырѣзнаго платья,—«да какъ засунулъ, воо»! (указательный жестъ рукою)—маленькую заведенную табакерку съ музыкой. Дама бѣгала по залѣ и неистовствовала, табакерка играла, а коммерсантъ покатывался по дивану отъ восторга. Мужъ дамы хлопнулъ купца по физіономіи. «Ну, словомъ, все какъ по писанному»...

Стукъ билліардныхъ шаровъ служитъ непрерывнымъ акомпаниментомъ процессу чтенія въ сосѣдней клубной читальнѣ. По стѣнамъ ея мягкіе диваны и два книжные шкафа, съ нѣсколькими десятками однообразныхъ переплетенныхъ журнальныхъ книжекъ. По срединѣ комнаты большой круглый столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, постоянно приходившимъ въ соприкосновеніе съ папиросными окурками. На столѣ нѣсколько газетъ, вставленныхъ въ палки, много иллюстрированныхъ журналовъ, нѣсколько мѣсячныхъ. Мѣстная маленькая газетка всего болѣе затаскана и надорвана. Послѣ нея сильно помятъ отъ потребленія «Правительственный Вѣстникъ» и иллюстрированныя изданія. Въ журналахъ разрѣзаны только русскіе и переводные романы. Всѣ такъ называемыя «серьезныя статьи» пользуются привилегіею полной неприкосновенности. О нихъ говорятъ, если рѣчь зайдетъ къ слову: «чорта ли мнѣ въ этихъ поученіяхъ». Въ углу читальни, сидя на табуреткѣ, дремлетъ клубный лакей, въ сѣрой ливреѣ, съ бѣлыми металлическими пуговицами. Караульный постъ лакея установленъ особымъ постановленіемъ старшинъ «въ виду вырѣзыванія гг. посѣтителями рисунковъ иллюстрированныхъ журналовъ и частаго исчезновенія многихъ книгъ русскихъ литературныхъ, политическихъ и экономическихъ журналовъ». Обвиненіе посѣтителей въ «вырѣзываніи» впрочемъ неосновательно. За неимѣніемъ ножницъ или другихъ какихъ нибудь острыхъ орудій, обыкновенно *выслюниваютъ* нравящіеся рисунки. Для этого, незамѣтно водятъ по внутреннему краю страницы наслюненнымъ пальцемъ и затѣмъ, отмочивъ изломъ бумаги, столь же незамѣтно отрываютъ требуемую страницу, складываютъ въ четвертушку и прячутъ въ карманъ. Операція довольно сложная, но относительно безопасная. Дежурящій аргусъ мраченъ и подозрителенъ. Съ маленькою усмѣшкою смотритъ онъ на лысаго, юркаго толстяка, ежедневно засѣдающаго въ читальнѣ и ежедневно продѣлывающаго ту же самую штуку. Этотъ человѣкъ (ревизоръ акцизнаго управленія) ходитъ сюда только за тѣмъ, чтобы потѣшать своихъ знакомыхъ. Онъ читаетъ въ газетахъ самымъ внимательнымъ и усернымъ образомъ только однѣ служебныя назначенія и перемѣщенія, запоминаетъ при этомъ всѣ необык-

новенныя, исключительныя должности и громко перечисляетъ ихъ послѣ своего выхода изъ читальни въ буфетъ или карточную. Обыкновенно его окружаютъ со всѣхъ сторонъ и онъ, мгновенно выростая въ своихъ собственныхъ глазахъ, дѣлается героемъ кучки и минуты.

— Ну, Иванъ Никаноровичъ, выловили сегодня что нибудь?

— Уловъ небольшой, но все же не съ пустыми руками.

— Ну, что такое?

— Хотите—«разъѣзднаго чиновника, завѣдующаго кормилицами воспитательнаго дома». Хорошо? А?

Общій смѣхъ, съ покачиваніемъ туловищъ.

— Да врете вы, чортъ васъ совсѣмъ подери! Что за удивительный чиновникъ такой?

— Справьтесь сами. А то вотъ еще «товарищъ предсѣдателя депутаціи отъ содержателей въ Москвѣ меблированныхъ комнатъ и подворій со столомъ».

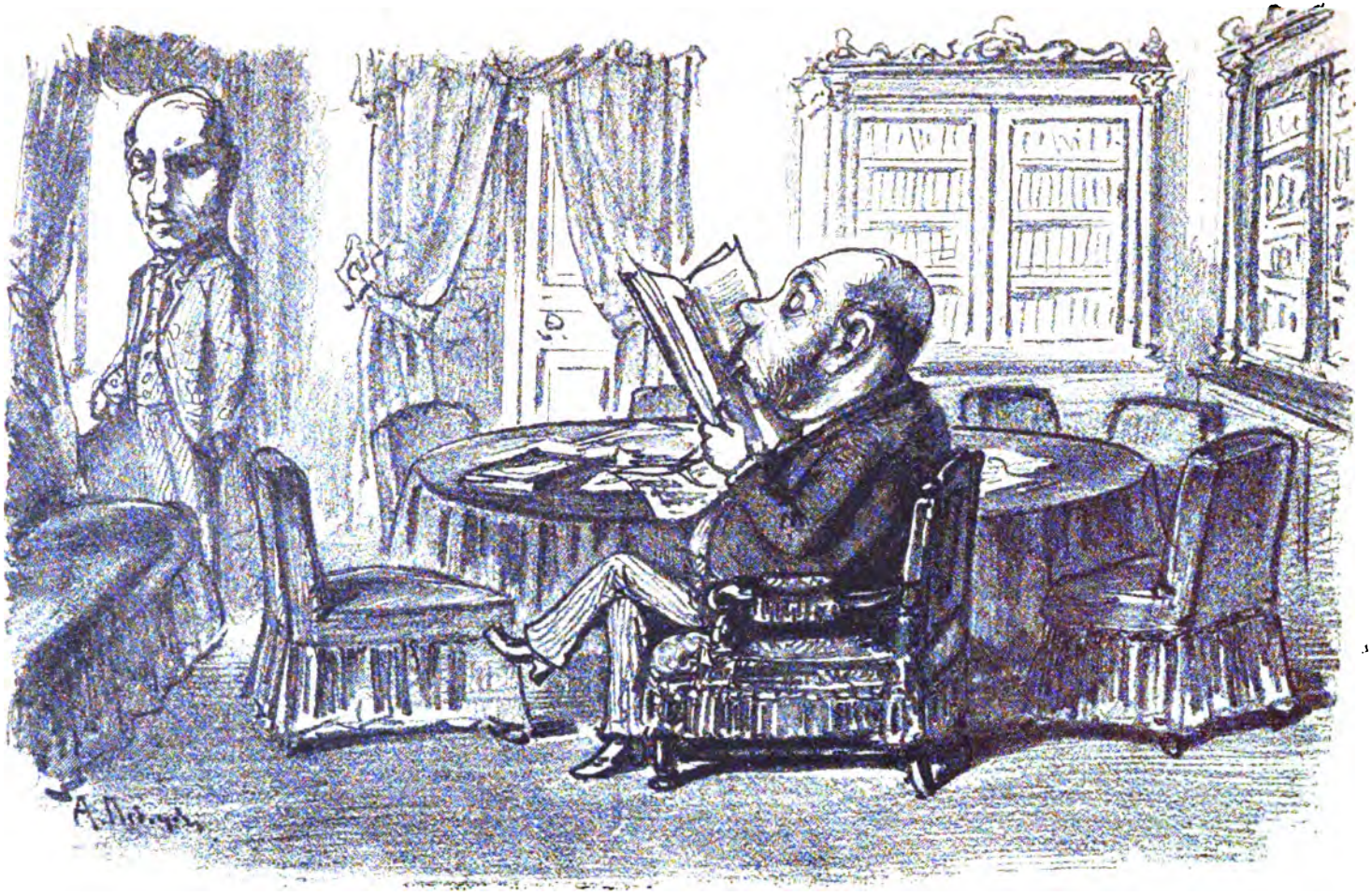
Опять смѣхъ.

— Потѣшникъ! Еще что?

И такъ, для каждаго дня, выискиваетъ онъ что нибудь новое. То у него фигурируетъ «помощникъ фермера на Сахалинѣ», то «хранитель бѣлаго и пушнаго товара», то какой то «приставъ гражданскихъ дѣлъ при рижской полиціи», то «письмоводитель упрощеннаго управленія», то «старшій чиновникъ ясачнаго налога съ инородческихъ племенъ» и т. д. Иванъ Никаноровичъ пользуется репутаціею безспорнаго остряка. Въ клубѣ его называютъ «нашимъ Щедринымъ», но мѣстный офицеръ-наблюдатель имѣетъ его на примѣтѣ. Розъ безъ шиповъ и славы безъ зависти никогда не бываетъ.

Клубное общество исключительно мужское. Когда-то пробовали организовать семейные вечера «запросто», съ домашними костюмами и рукодѣльными работами, на нѣмецкій ладъ. Предполагалось, что присутствіе дамъ смягчитъ замѣтную суровость мужскихъ нравовъ и благотворно повліяетъ на упраздненіе такъ называемыхъ «семейныхъ сценъ», обыкновенно слѣдующихъ послѣ поздняго возвращенія мужей изъ клуба. Дамы горячо отнеслись къ проэкту, стрекотали о немъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца и дружно раскупили въ мѣстныхъ магазинахъ всѣ находившіяся тамъ, въ данный моментъ, готовыя уже, вышивныя по канвѣ подушки, туфли и книжныя закладки. Дома подпороли

Въ клубной библіотекѣ.

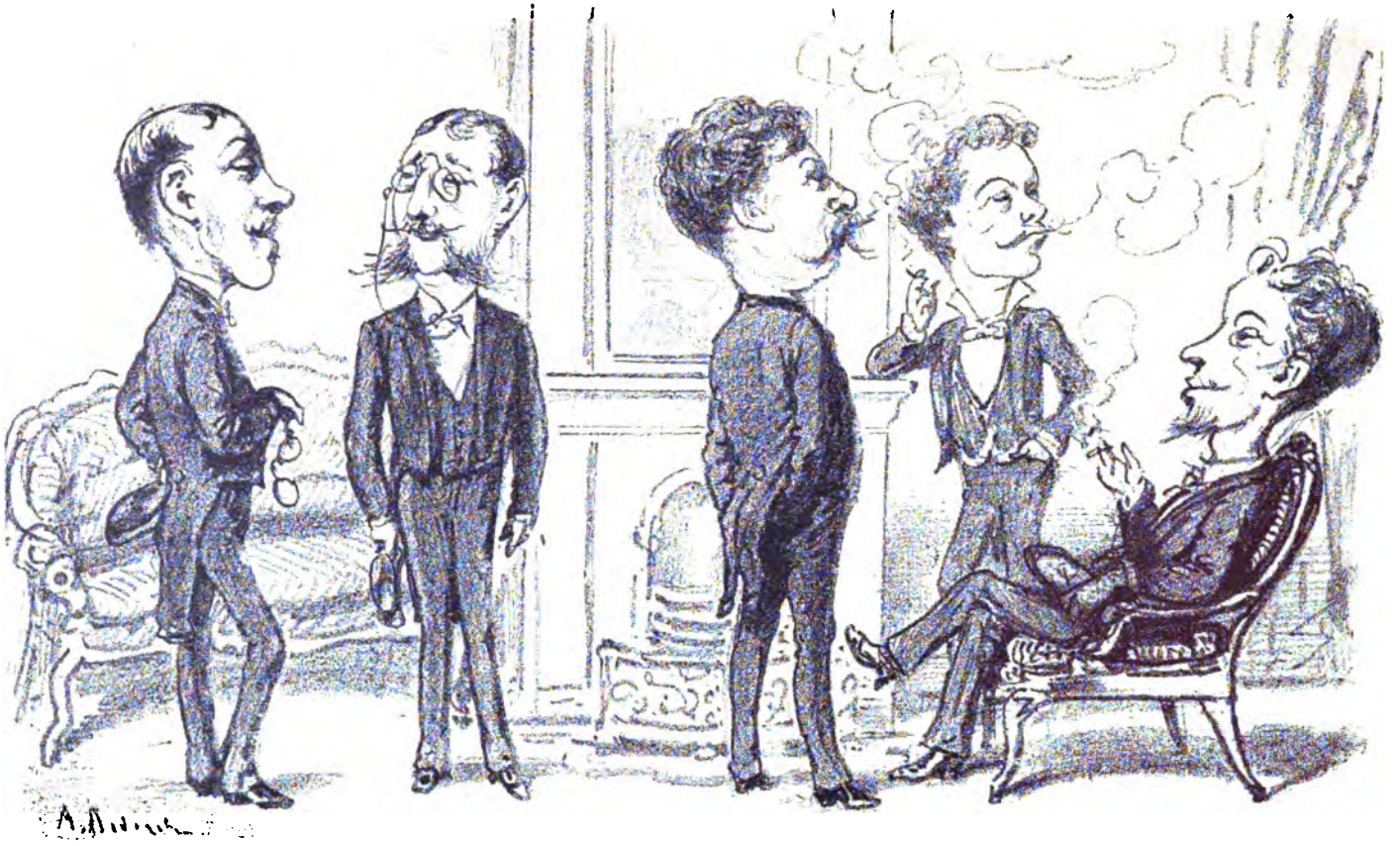


Вылавливаніе вылизываніемъ понравившейся картинки.

Послѣ бала!

— Жена съ дочерью со скуки умирали, не ужинали, домой однѣ вернулись, самъ онъ въ карты проигрался — вижу по деньгамъ, что нехватаетъ шести рублей — а теперь, смотрите, онъ спитъ, какъ ни въ чемъ не бывало... этотъ невинный младенецъ. Извергъ!...

Клубные кавалеры.



Изъ Берендѣйки.

Лысина, платежи банковыхъ процентовъ, высматриваніе и вынюхиваніе.

Изъ Москвы.

Манеры, развязность, пріятная картавость, склонность къ вдовамъ.

Изъ „Отовсюду“.

— Кабы у нея эдакій бюстъ, да весь полуимперіялами былъ насыпанъ!

Мѣстный.

— Потому, что въ акцизѣ служу, такъ ужъ и не пара! Скажите, пожалуйста!..

Случайный.

Прежде всего катарръ, потомъ катарръ и наконецъ катарръ.

ихъ по краямъ, чтобы никто не сомнѣвался въ подлинности ручной работы, и явились на первый семейный вечеръ съ весьма удовлетворительными образцами вышивныхъ работъ. Рукодѣлія доканчивались, впрочемъ, очень долго, въ теченіи всего зимняго сезона, но ни птичкамъ, собачкамъ, замкамъ и стрѣлкамъ подушекъ, ни цвѣточкамъ, листочкамъ, финтифлюшкамъ и орнаментамъ туфлей и закладокъ такъ и не суждено было дождаться послѣднихъ coups de maitre. Семейные вечера однако едва, едва продержались только одинъ сезонъ. Неудача ихъ обусловливалась глубоко укоренившимися соціальными причинами. Посѣтительницы - начальницы пріѣзжали на вечеръ поздно и косились на подчиненныхъ имъ по служебному положенію дамъ, пожаловавшихъ раньше. Дамы подчиненныя ругали вслѣдствіе этого, за глаза, дамъ начальствующихъ «дурами», «модницами», «пустышками», «генеральшами», и постепенно прекращали посѣщенія, не уступая даже самымъ настоятельнымъ совѣтамъ и предостереженіямъ со стороны мужей, опасавшихся какихъ нибудь обостренныхъ служебныхъ конфликтовъ изъ за дамской фронды.

Въ клубѣ только и удержались для дамъ немногіе танцовальные вечера, носившіе кличку, на рекламирующемъ языкѣ старшинъ, «большихъ фрачныхъ баловъ». Но и балы не отличаются веселіемъ и оживленіемъ. Члены клуба, правда, старательно раздаютъ свои дамскіе безплатные билеты и всѣ четыре стѣны танцовальнаго зала, помѣщающагося во второмъ этажѣ, всегда гарнированы, къ началу бала, гирляндой легкихъ и яркихъ платьевъ, обрисовывающихъ, въ верху, выпуклые изгибы обнаженныхъ бюстовъ, а въ низу острые кончики бѣлыхъ ботинокъ. Единственный въ городѣ театральный оркестръ, дирижируемый страшно черномазымъ и раздушеннымъ Кокою Бейлемъ, помѣщается на хорахъ и знакомитъ слушателей съ запоздалыми новинками опереточно-танцовальнаго репертуара. Вечеръ проходитъ еще сносно, если въ городѣ стоитъ какая либо военная часть. Офицеры выручаютъ тогда вполнѣ и пляшутъ и за себя и за весь отсутствующій статскій персоналъ. Они съ разбѣгу скользятъ, точно на каткѣ, по натертому паркету, стучатъ въ мазуркѣ каблуками такъ, что буфетчикъ съ безпокойствомъ взираетъ на дрожащій надъ его головою потолокъ, умильно кося глазами, заглядываютъ за корсажи, и съ наступленіемъ антракта толпою курятъ на лѣстницѣ, оставляя послѣ себя, какъ послѣ пушечнаго выстрѣла, огромные и непроницаемые клубы сѣровато-синяго дыма. Драгуны представляютъ собою самыхъ ловкихъ, пріятныхъ и желанныхъ кавалеровъ. Къ нимъ перешли отъ упраздненныхъ гусаръ и улановъ всѣ бальныя симпатіи и героическія традиціи. Армейцы нѣсколько крѣпко обнимаютъ дамъ и часто обрываютъ шлейфы. Артиллеристы — «ничего себѣ», но одни изъ нихъ молчаливы, а другіе имѣютъ наклонность къ «умнымъ разговорамъ». Офицеры нерѣдко подчуютъ дамъ мороженымъ, коробочками съ бор-

мановскими шеколадными пастильями, умѣютъ придумывать чрезвычайно разнообразныя фигуры танцевъ, почти вырываютъ, при выходѣ, верхнее дамское платье изъ рукъ швейцара и служатъ провожатыми тѣлохранителями вплоть до самаго дома.

Но при отсутствіи военныхъ кавалеровъ «большой фрачный балъ» имѣетъ характеръ очень скучнаго и вялаго дамскаго засѣданія. Карточныя и буфетныя комнаты почти невыдѣляютъ танцующаго контингента, и дамы или сидятъ, обмахиваясь вѣерами и бросая по всѣмъ направленіямъ залы взоры полные злости и раздраженія, или танцуютъ сами съ собой «за кавалеровъ». Пять-шесть присутствующихъ плясовыхъ фраковъ берутся на расхватъ и быстро набиваютъ на себя цѣну. Отъ времени до времени появляются въ дверяхъ залы невозмутимыя фигуры мужей и отцовъ, съ недоѣденными буттербродами въ лѣвыхъ рукахъ и съ недокуренными, спрятанными въ ладошки, папиросками въ правыхъ. Вяло посмотрѣвъ на тоскующую залу и зѣвнувъ, они или совѣтуютъ «веселиться поживѣе», кстати напоминая, что уже и поздно, «пора бы дамамъ и по домамъ», или, выразивъ желаніе «поразмять кости», кладутъ буттерброды и папиросы на подоконники и, каррикатурно подпрыгивая, дѣлаютъ два, три вальсовые тура по залѣ. Возвращаясь съ такого бала домой, возбужденныя матери, тяжело пыхтя подъ ношею высоко, отъ грязи, подобранныхъ платьевъ, громко оглашаютъ непробудную тишину спящихъ глухихъ улицъ протестами и полемическими выходками; тетеньки, изъ старыхъ дѣвъ, шипятъ и нервно, злорадно хихикаютъ; а барышни, болѣе всего агитировавшія въ пользу бала, молча и сконфуженно прыгаютъ черезъ лужи, теряя резиновыя калоши и думая про себя: «оставила ли еще, эта скотина Авдотья, телятину отъ обѣда? Ѣсть страсть какъ хочется».

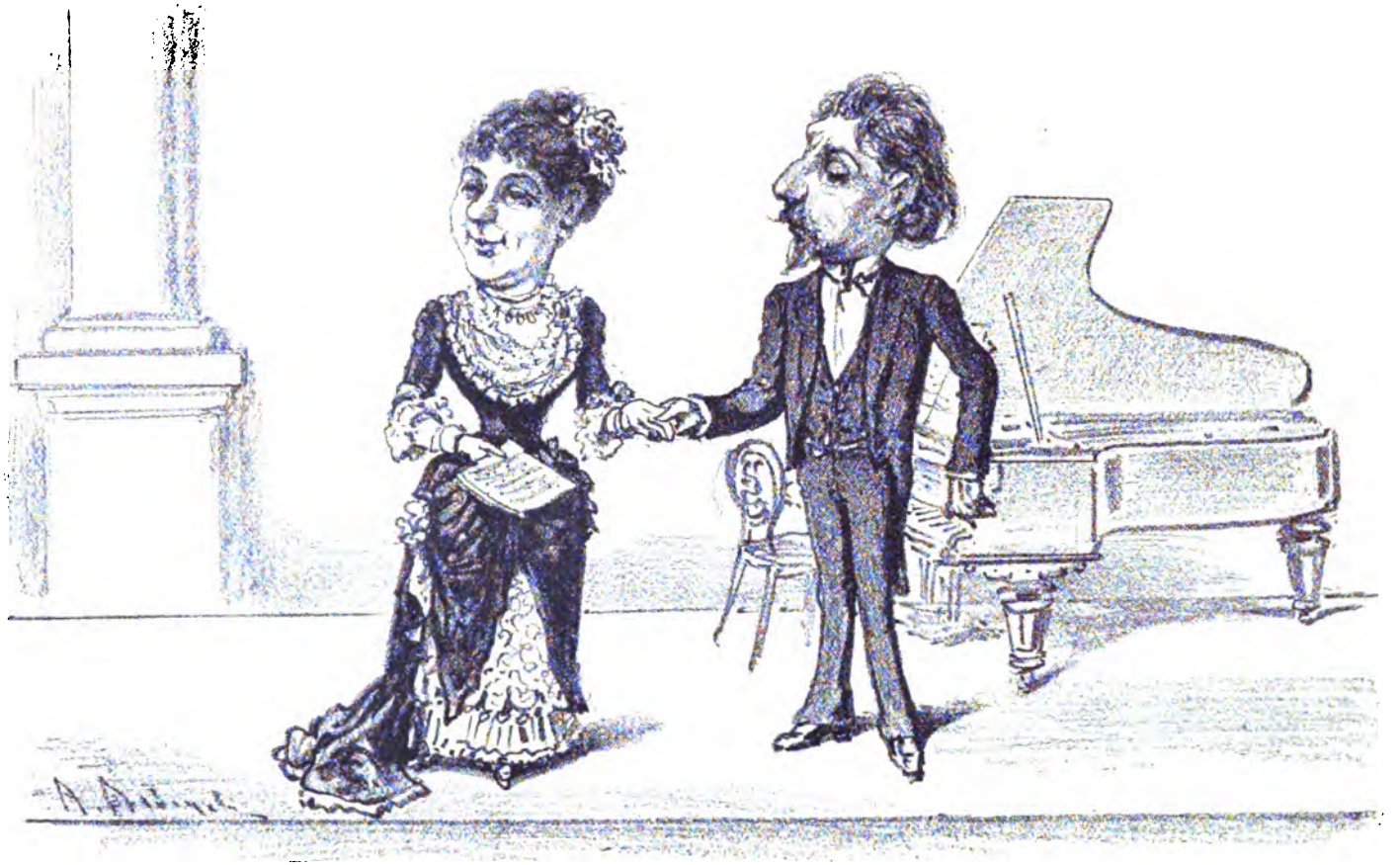
Въ эту минуту желтоватая полная луна робко показывается изъ за мохнатыхъ тучъ.

клубѣ, въ теченіи зимы, иногда бываютъ концерты заѣзжихъ, болѣе или менѣе сомнительныхъ, музыкальныхъ и вокальныхъ знаменитостей. Онѣ ѣздятъ по большей части попарно. Жена пѣвица и піанистка, мужъ—разскащикъ сценъ изъ разныхъ увеселительныхъ бытовъ и спиритическій медіумъ. Спиритизмъ пользуется большимъ спросомъ у публики, хотя и разсматривается какъ одинъ изъ видовъ черной магіи и проворства рукъ. Супруги, для большей артистической важности, именуются разными фамиліями.

Послѣ клубнаго бала.

— Скверная Сонька! Сама ножку схватила, а мнѣ пѣтушиную шею оставила! А ѣсть страшно хочется. Негодная!
— Чего ругаешься то? Пошарь въ буфетѣ, тамъ я запримѣтила еще селедку и яблочный пирогъ, что со вчерашняго остался.

Перелетныя птички.



— Люби, люби, мой ангелъ нѣжный!

Пѣвица.

(Басомъ). — И грянулъ бой... Полтавскій бой.

Чтецъ.

Наемъ клубнаго зала съ освѣщеніемъ стоитъ 25 рублей. Афишки пишутся отъ руки самимъ концертантомъ и имъ же распространяются по клубу. Наканунѣ концерта каллиграфически выведенные листочки вѣшаются обыкновенно въ швейцарской, въ читальнѣ и раскладываются на незанятыхъ еще ломберныхъ столахъ. Концертантъ расхаживаетъ по комнатамъ, заговариваетъ съ незнакомыми, кажущимися ему «болѣе симпатичными» лицами, сближается, для полученія требуемыхъ справочныхъ свѣдѣній, съ буфетчикомъ, разсказываетъ въ столовой клубнымъ завсегдатаямъ сдобные анекдоты изъ армянской жизни и въ заключеніе предлагаетъ билеты, мгновенно разгоняя этимъ всѣхъ своихъ слушателей. Въ день концерта, состоящаго изъ двухъ отдѣленій и начинающагося въ десять, вмѣсто восьми, уставленный гнутыми стульями танцовальный залъ хранитъ зловѣщее спокойствіе. Въ первомъ ряду креселъ сидятъ, по почетнымъ билетамъ, театральный рецензентъ мѣстнаго листка и полиціймейстеръ, съ чрезвычайно бѣлокурой подругою жизни, изъ застрявшихъ въ городѣ арфистокъ. Въ остальныхъ рядахъ кое гдѣ виднѣются одинокія фигуры, пятнами выступающія на сѣренькомъ фонѣ весьма экономически освѣщенной залы. У дверей торчатъ, разставя ноги, лакеи, съ салфетками подъ мышками, и подбоченясь, пересмѣиваются, мимически показывая головами на пустоту зала. Концертантка садится за фортепіано и нервно сдергиваетъ, дрожащими отъ волненія пальцами, поношенныя длинныя бѣлыя перчатки. Она поетъ партію Вани изъ «Жизни за Царя», романсъ «Молитва» и вальсъ изъ «Зеленаго Острова». Супругъ ея сначала долго гдѣ-то медлитъ, а потомъ выходитъ со съѣхавшимъ на бокъ бѣлымъ галстухомъ, съ посоловѣлыми глазами, и оглушаетъ мрачныя стѣны безлюдной залы звучными и красивыми стихами «Клермонтскаго Собора». Какъ то даже страшно внимать глухимъ раскатамъ осиплаго голоса. Затѣмъ, какъ «медіумъ», онъ самъ себя связываетъ и самъ же себя развязываетъ. Чрезвычайно бѣлокурая полиціймейстерша хлопаетъ и громко «по нѣмецки» хохочетъ. Рецензентъ придаетъ себѣ видъ человѣка, котораго ничто подъ луною заинтересовать не можетъ. Послѣ окончанія вечера, концертантъ уплачиваетъ въ кассу клуба 10 рублей и обѣщаетъ остальныя деньги завезти «завтра по утру», а тою же ночью злополучная концертирующая пара, закутавшись въ жиденькія шубенки, и прижимаясь къ потному отъ мороза углу третьекласнаго вагона, ѣдетъ дальше искать публики, счастія и, если не славы, то хоть маленькаго кредита въ маленькихъ гостинницахъ.

Клубная жизнь затихаетъ около двухъ часовъ. Члены раздѣляются на «раннихъ», не засиживающихся позже полуночи и на «позднихъ», берущихся за шляпы и фуражки съ кокардами только послѣ третьяго предостерегающаго звонка. При выходѣ, несостоятельные, по карточнымъ разсчетамъ, плательщики сами себя записываютъ въ толстую, испачканную чернильными кляксами и помарками, долговую книгу. Кредиторы, молча и надувшись, присутствуютъ при этой церемоніи и скрѣпляютъ клятвенную запись своею подписью.

Выходятъ толпою и разсаживаются по извощикамъ, преимущественно попарно. Ежедневно, поочередно, подвозятъ другъ друга, еще разъ, передъ сномъ, пережовывая клубныя новости и сплетни.

Въ клубѣ тушатся огни. Швейцаръ, заперевъ входныя внутреннія двери и снявъ ливрею, ложится спать въ красной вязанной кофтѣ. Онъ любитъ читать передъ сномъ. Онъ ставитъ свѣчку въ изголовьи и, раскрывъ журналъ «Лучъ», неторопливо прочитываетъ передовую статью «объ изысканіи искусственныхъ препонъ вредному и неудержимому размноженію племени факторовъ и процентщиковъ», находитъ ее весьма остроумной и, задувъ свѣчку, грузно повертывается къ стѣнѣ.

Въ танцовальной залѣ начинается большой крысиный балъ — вступительнымъ полонезомъ мышиныхъ жеребчиковъ.

«Хозяева» клуба.

— Скорѣе бы ужо спать шли.

— Отдай же полтинникъ!

— Погоди. Дай еще выиграть.

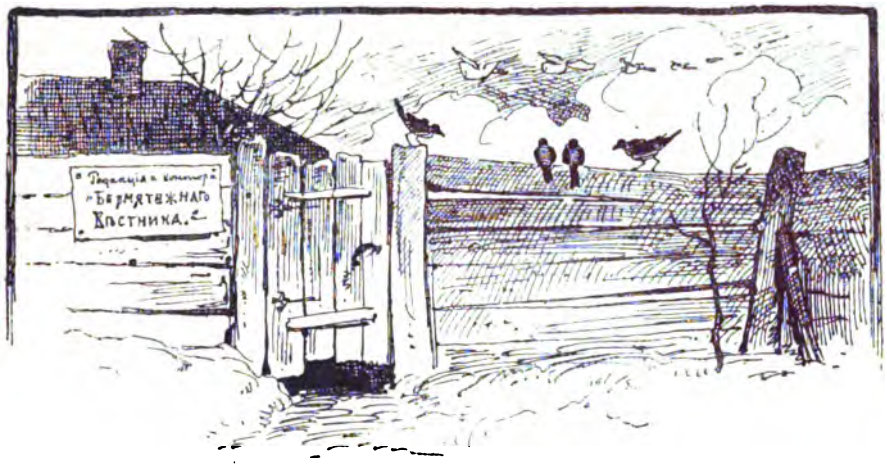
— Борщъ сегодня хочешь дѣлать?

— Да, со вчерашняго потафю, помидоровъ для запаха и сосисковъ поддамъ. Все съѣдятъ.

— Вотъ такъ: пусть танцуютъ, играютъ, ѣдятъ, пьютъ, ухаживаютъ, лишь бы только зубовъ другъ другу не чистили.

II.

СУЕТА И ПРЕПОНЫ.



ВЪ РЕДАКЦІИ МѢСТНОЙ ГАЗЕТЫ.

Двиннадцать часовъ утра. Довольно большая комната какъ будто-бы пустоватая по обстановкѣ и въ то же время какъ будто-бы заваленная всякимъ, преимущественно бумажнымъ, хламомъ. У одной стѣны простыя досчатыя, многоэтажныя полки, съ расклеенными названіями газетъ. На полкахъ кипы газетъ, изъ которыхъ многія свѣшиваются длинными обрѣзанными лоскутьями. Въ комнатѣ два окна и двое дверей. У одного окна большой канцелярскій столъ, краснаго дерева, покрытый черною клеенкою. На столѣ пачки газетъ въ неразорванныхъ бандероляхъ, нѣсколько театральныхъ афишъ огромнаго бенефиснаго формата, сардиночная коробка, переполненная папиросными окурками и листъ пополамъ согнутой бумаги, съ недописаннымъ текстомъ. У дверей—старинная неуклюжая и расшатанная конторка, въ родѣ тѣхъ, которыя сохранились до сихъ поръ только еще въ уѣздныхъ казначействахъ. На ней двѣ переплетенныя книги съ вырѣзными квитанціями, перепачканные чернилами счеты и большая чернильница; песочница оловянная, фасона помадной банки. Сбоку конторки, на гвоздикѣ—связка бумажныхъ лентъ, для бандерольныхъ отправленій комплектныхъ нумеровъ. На кругломъ табуретѣ согнувшись сидитъ кудластый человѣкъ, лѣтъ тридцати, въ синихъ очкахъ и въ рубашкѣ съ косымъ расшитымъ воротомъ. Вмѣсто часовой цѣпочки,

черный шнурокъ черезъ шею, съ серебряннымъ ключикомъ. Это конторщикъ и корректоръ газеты—«бѣдный чертъ», въ самомъ строгомъ смыслѣ этого опредѣленія. Онъ перемѣнилъ нѣсколько профессій: прежде чѣмъ очутиться на нынѣшнемъ своемъ табуретѣ, не кончивъ гимназіи, увлекся театромъ, игралъ комическія роли въ странствующей и нищенствующей труппѣ, потомъ былъ пріемщикомъ багажа на одной изъ волжскихъ пароходныхъ пристаней, потомъ письмоводителемъ уѣзднаго по воинскимъ дѣламъ присутствія и наконецъ, выгнанный оттуда за нескромное многоглаголаніе, поступилъ въ редакцію «Безмятежнаго Вѣстника», по рекомендательному письму къ редактору своего отдаленнаго родственника—секретаря консисторіи. Довольно бойко справляя конторское дѣло, Павелъ Митусовъ больше любилъ чѣмъ зналъ русскую грамоту и, корректируя «Безмятежный Вѣстникъ», то и дѣло нарывался на самые роковые для него вопросы. Особенно онъ затруднялся рѣшать какъ слѣдуетъ писать слово: «свѣдѣніе»—черезъ два *ѣ* или чрезъ два *е* или «по поламъ»,—слово «коммиссія»,—чрезъ два «м» и два «с», чрезъ два «м» и одно «с», или чрезъ одно «м» и два «с»; какъ правильнѣе согласовать—«согласно *чего*», какъ обыкновенно пишется въ циркулярахъ губернскаго правленія и въ объявленіяхъ о торгахъ городской думы, или «согласно *чему*», какъ новаторствуютъ петербургскія газеты? Митусовъ женатъ, имѣетъ троихъ дѣтей, живетъ на краю города, занимая комнату въ квартирѣ желѣзнодорожнаго кондуктора и получаетъ, по совокупности обѣихъ должностей, 25 рублей въ мѣсяцъ. Днемъ, съ 10 часовъ утра до 5, онъ сидитъ за конторкою, а вечеромъ съ 8 до 2 ночи—въ типографіи.

У другаго окна газетный жертвенникъ, письменный столъ на шкафчикахъ, «самого». Зеленое сукно порыжѣло отъ солнца и во многихъ мѣстахъ покрыто большими чернильными пятнами. Ящики шкафчиковъ полуоткрыты и показываютъ вороха разныхъ бумагъ, синія папки съ надписями, нѣсколько книжекъ «Собранія Иностранныхъ Романовъ» и зелененькую карманнаго формата «Памятную книжку»—мѣстнаго статистическаго комитета. На столѣ—фарфоровый, молочнаго цвѣта, стаканъ, съ мучнымъ клейстеромъ и маленькою малярною кистью, нѣсколько отдѣльныхъ листовъ писчей бумаги, съ наклеенными на нихъ газетными вырѣзками и краткими приписками. Затѣмъ еще видны: бинокль, письменный приборъ съ колокольчикомъ, двойной подсвѣчникъ съ абажуромъ и довольно большой уличный булыжникъ, фигурирующій, для оригинальности, вмѣсто преспапье. Въ простѣнкѣ между окнами отрывной календарь, даромъ присланный изъ Петербурга Эдуардомъ Гоппе, ради рекламнаго отзыва, и двѣ олеографическія преміи «Нивы». Онѣ безъ рамокъ и приколоты къ стѣнѣ булавками. Занавѣсей нѣтъ. Вмѣсто шторъ, газетные листы, прикрѣпленные къ оконнымъ рамамъ. Въ комнатѣ до того накурено, что фигура бородастаго конторщика, на высо-

Столпы «Безмятежнаго Вѣстника».

Редакторъ.

— Какимъ бы я былъ несчатнымъ человѣкомъ, если бы былъ подписчикомъ своей собственной газеты.

Сотрудникъ.

— И извольте ка тутъ писать — съ огнемъ, съ увлеченіемъ, съ убѣжденіемъ, — при такомъ идіотѣ - редакторѣ!

Репортеръ.

— «Совралъ»! Нѣтъ, не совралъ, а исправилъ и дополнилъ...

Секретарь.

— Книги веди, дѣтей учи, корректуру читай, корреспонденціи поправляй, объявленія разсчитывай, а жалованья 25 р. въ мѣсяцъ и холодный чай по утру.

комъ табуретѣ, кажется священнодѣйствующею гдѣ то въ облакахъ. Она напоминаетъ рафаэлевскую картину «Assumption».

Тамому» лѣтъ за сорокъ. «Редакторъ-издатель Н. А. Швецовъ» — плотный, не высокаго роста мужчина, съ рыжеватою окладистою бородою и мрачными, глубоко сидящими и тихо поворачивающимися сѣрыми глазами. Голова голая, розовая и глянцевитая; но по срединѣ черепа хохолкомъ возвышается жиденькая полоска мягкихъ, русыхъ волосъ, которая тянется вдоль всего черепа, проходитъ по затылку и оканчивается на шеѣ загнутымъ къ верху и растрепаннымъ хвостикомъ. Вдохновитель «Безмятежнаго Вѣстника» по профессіи докторъ и попалъ въ публицистику клапштоссомъ. Сидя въ городѣ безъ паціентовъ,— младшимъ врачемъ городской больницы,— и женившись отъ огорченія на двухэтажномъ домѣ со службами, Швецовъ пустился въ аферы, заложилъ женинъ домъ въ банкѣ, получилъ ссуду и одолжилъ ее, подъ высокіе проценты и подъ залогъ типографіи, бывшему издателю «Безмятежнаго Вѣстника» нѣкоему губернскому секретарю Краюшкину. Послѣдній, однако, тихо догорая, быстро угасъ въ смыслѣ платежей, и докторъ безъ паціентовъ очутился собственникомъ газеты безъ подписчиковъ. Швецовъ твердо полагалъ, что Краюшкинъ не понялъ публики и погибъ отъ увлеченія «идейностію». На этомъ основаніи, новый редакторъ отрицалъ въ своемъ «Вѣстникѣ» всякія идеи, предоставляя ихъ только «большимъ кораблямъ» и ожидалъ большихъ результатовъ отъ «преимущественной постановки мѣстныхъ интересовъ». Газета его издается на тонкой сѣрой бумагѣ и состоитъ изъ такъ называемыхъ «передовыхъ обозрѣній», изъ городской хроники, отдѣла мѣстныхъ корреспонденцій и разныхъ извѣстій, которыя представляютъ собою вполнѣ энциклопедическую и наиболѣе занимательную рубрику, такъ какъ предлагаютъ читателямъ и вырѣзанныя изъ газетъ политическія извѣстія, и тиражи займовъ, и свѣдѣнія о долголѣтіи человѣческой жизни, и рецептъ для ягодныхъ вареній, и разсказъ о провалившемся въ Ніагару поѣздѣ, и анекдотъ объ англійскомъ лордѣ, выпрашивающемъ милостыню, и еще очень многое другое. Послѣдняя страница «Вѣстника» исключительно занимается частными объявленіями, которыя печатаются крупными, «цвѣтными» шрифтами и съ безпощадною разгонкою строкъ—шпонами и словъ—шпаціями. Слѣдуетъ пояснить, что объявленія оплачиваются не иначе, какъ по занимаемому ими мѣсту.

Предъ редакторомъ послѣдній нумеръ «Вѣстника», испещренный въ очень многихъ мѣстахъ энергическими мазками краснаго карандаша. Швецовъ, нервно дергая во всѣ стороны газетнымъ листомъ, громитъ корректора.

— Это, наконецъ, чортъ знаетъ, что такое! Совѣсти, стыда у васъ нѣтъ. Газету въ руки взять нельзя! Испанскій министръ Кановасъ всюду названъ Кавасомъ. Это ваша поправка! Въ заголовкѣ—совсѣмъ скандалъ. Посмотрите, который теперь годъ по вашему. «Года 8184»! Острите вы съ метрампажемъ, что-ли? Вѣдь поддѣнутъ, просмѣютъ, а я все отдувайся... Потомъ, что это еще у васъ за слово «экспонтизація». Такого слова совсѣмъ нѣтъ. Слова, наконецъ, сами сочиняете. Есть слово «экспонація», да и то... совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. А въ фельетонѣ? Всюду, гдѣ слѣдуетъ быть кавычкамъ — поставлены запятыя кверху хвостами, либо, — этого я уже совсѣмъ не понимаю, — знаки равенства. Причемъ тутъ знаки равенства?

— Да нѣтъ у насъ лапокъ въ типографіи, рѣшается вставить распекаемый, впрочемъ весьма равнодушнымъ и хладнокровнымъ тономъ. Послѣдній доказываетъ, что жгучіе монологи редактора успѣли потерять для Митусова всякій драматическій смыслъ.

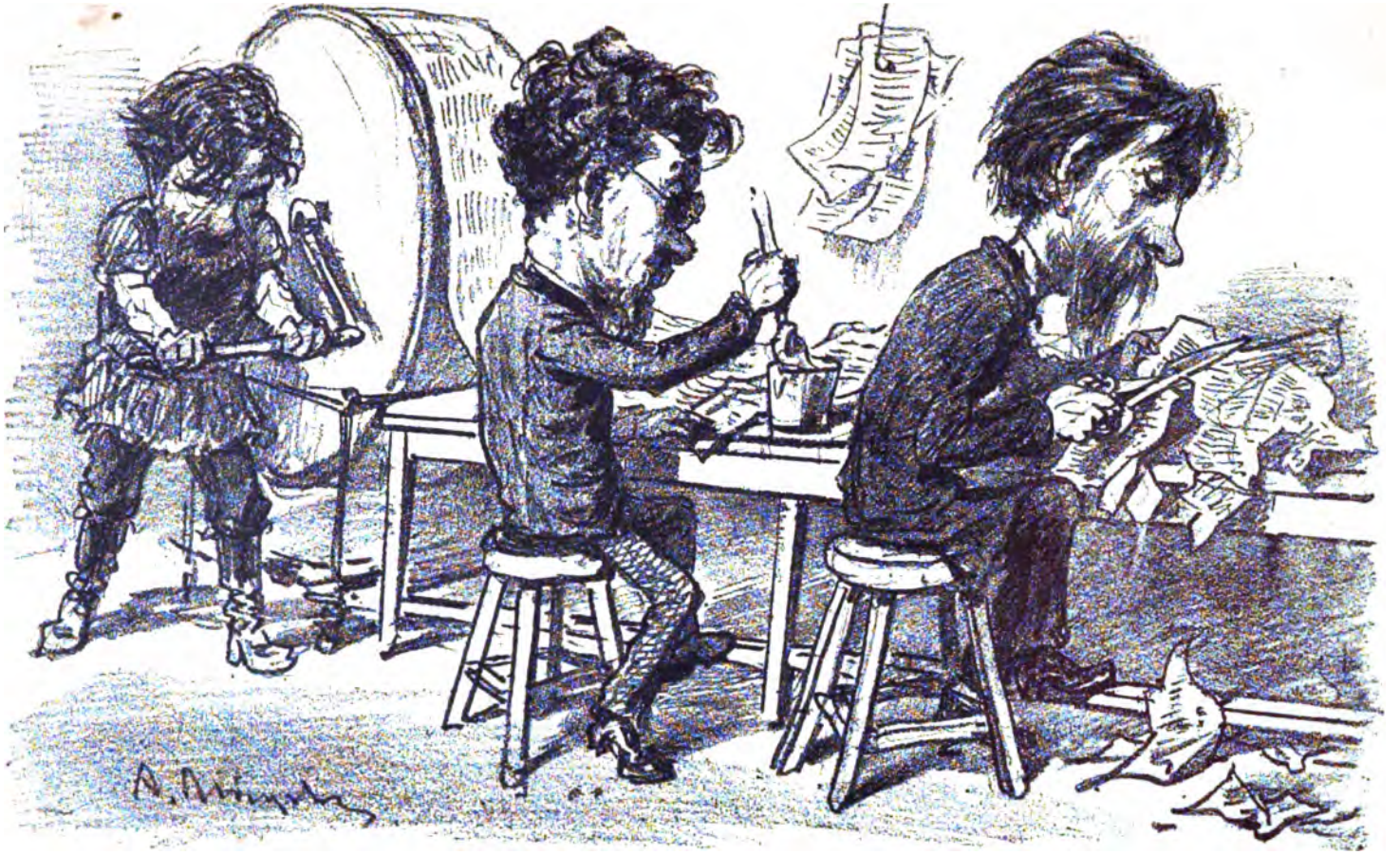
— Лапокъ, лапокъ нѣтъ! Дать бы вамъ по лапамъ, за эти лапки. Тьфу!

Окурокъ редакторской крученой папироски энергически выдувается въ мундштукъ и летитъ въ уголъ, описывая дугу въ пространствѣ.

Предварительно покашлявъ въ передней сухимъ, отрывочнымъ кашлемъ, вырисовывается, почти во всю высоту дверей, длинная худая и костлявая фигура, вся въ черномъ, Анфилохія Преполовенскаго—единственнаго сотрудника «Безмятежнаго Вѣстника», фельетониста, помощника редактора и секретаря редакціи. Молча пожавъ руку Швецову и Митусову, Преполовенскій садится за свой столъ, въ то время какъ Швецовъ, оборвавъ разговоръ съ корректоромъ, хотя постепенно и унимаетъ волненіе своихъ страстей, но все еще тяжело отдувается. Разойдясь однако по части распеканій, онъ переноситъ ихъ на Преполовенскаго, при маленькой злорадной насмѣшкѣ Митусова.

— Вы тоже хороши, Анфилохій Степановичъ! Вчера я хотѣлъ взять изъ «Новаго Времени» одну интересную сцену съ банкиромъ у мироваго судьи и въ торопяхъ черкнулъ карандашемъ не по тому столбцу. Ну,

Производство газеты.



Сушитъ. Клеитъ. Рѣжетъ.

ошибся!.. Вѣдь все же, какъ есть все на моей головѣ. А вы, не посмотрѣвъ въ чемъ дѣло, вырѣзали отчетъ о французской пьесѣ въ петербургскомъ театрѣ и сегодня у насъ два столбца какого то дурацкаго описанія, да еще съ перевранными французскими словами о какой то парижской драммѣ. Такъ вѣдь нельзя. Тяпъ, да ляпъ и корабль. Вы, право, точно сговорились съ Митусовымъ погубить меня. Одинъ 8184 годъ ставитъ, а другой полгазеты французскимъ отчетомъ занимаетъ. Чтожъ тутъ удивительнаго, что нѣтъ подписчиковъ? И никогда ихъ не будетъ! Плюну я на все. И уйду. И газету закрою. Христомъ клянусь, закрою... Фуу... А то еще во вчерашнихъ вашихъ «Арабескахъ мѣстныхъ интересовъ»... Читаешь, читаешь, и никакъ въ домекъ не возьмешь: Что такое? Куда онъ клонитъ? Чего хочетъ? Проповѣдь какая то! Свысока да издалека, намеки на то, чего не видитъ никто. Пять столбцовъ разговору, а повернешь страницу, смотришь,— вся суть въ томъ, чтобы двойныя двери въ театрѣ при выходѣ устроить. Сквозитъ, молъ. Только и было.

— Да вѣдь это же мѣстные интересы, Николай Александровичъ.

— Позвольте! Пооозвольте!.. Мѣстные интересы! Я всегда говорилъ о мѣстныхъ интересахъ. Я всегда говорю о мѣстныхъ интересахъ! Я всегда буду говорить о мѣстныхъ интересахъ!! Но при чемъ тутъ всѣ эти проповѣди и тенденціи? Никакъ вы отъ своей семинарщины отдѣлаться не можете. Скажите объ этихъ же самыхъ дверяхъ, да скажите кратко, понятно, ясно, прибавьте юмору, для оживленія, чтобы вышло cum grano salis, какъ говорили Ромулъ и Ремъ.

— Да трудно тутъ справиться съ юморомъ по такому предмету, Николай Александровичъ. Двери—такъ двери.

— Трудно! А вы все хотите, чтобы вамъ сами галушки въ ротъ валились. Подумайте. Умомъ пошевелите. Мозгами пораскиньте. (Задумывается). Да вотъ хоть положимъ, сказали бы, что молъ въ театрѣ, при выходѣ, такой сквознякъ на ходу, что этотъ самумъ въ носъ посѣтителямъ входитъ, а въ уши выходитъ. И остро было бы, и наглядно. Хорошій, да скучный вы человѣкъ, Анфилохій Степановичъ. Такъ меня на погостъ и тянете!

ходитъ кухарка, tres-forte en poitrine, въ сарафанѣ съ геометрически круглымъ краснымъ лицомъ, курносая.

— Тебѣ еще что? злобно и строго обращается къ ней редакторъ.

— Барыня на обѣдъ просили.

— Сколько?

— Два рубля.

— Что такъ? Развѣ не осталось вчерашняго жаркаго?

— Осталось, да малость. Сами за завтракомъ скушаете.

Швецовъ что то вспоминаетъ.

— Да вѣдь супъ же вчера на два дня варили?

— Супа то есть: да надо второе и жестянику шесть гривенъ за днище въ котлѣ отдать. Людямъ тоже надо.

— Людямъ! Вы все только лопаете (Оживляясь)... Я тоже тебѣ разныхъ нахлѣбниковъ-солдатъ кормить не стану. Ты думаешь, я ничего не вижу? Я все вижу, насквозь вижу (Швецовъ смотритъ въ упоръ сконфуженной бабѣ, перебирающей пальцами уголокъ передника). На!

Редакторъ достаетъ изъ боковаго кармана два конверта, съ пятью сургучными печатями каждый; растопыривъ одинъ изъ нихъ, осторожно вытаскиваетъ пальцами надорванную, потертую и засаленную зеленую бумажку. Подписчики всегда посылаютъ старыя бумажки.

— Вотъ тебѣ три рубля. Съ двухъ сдашь сдачу барынѣ, а третій отнесешь мнѣ. Слышишь: *мнѣ!*

— Да ужъ ладно.

Редакціонный посыльный, въ сапогахъ бутылками и въ черномъ жилетѣ поверхъ красной рубахи, съ серьгой въ ухѣ, приноситъ пачку полученной корреспонденціи и почтительно кладетъ ее передъ редакторомъ. Послѣдній бросаетъ газеты на столъ Преполовенскому, уже приготовившему красный карандашъ и ножницы,—небольшія, дамскія, но очень любимыя всѣмъ редакціоннымъ составомъ за ихъ «быстроногость»,— и, откинувшись на спинку гнутаго плетенаго кресла, углубляется въ чтеніе. Сначала онъ осматриваетъ на конвертѣ почтовый штемпель мѣста отправленія, потомъ аккуратно вскрываетъ письмо ножикомъ и читаетъ, дѣлая на каждомъ письмѣ помѣтки.

Корреспонденція изъ посада Малый Насѣстъ рѣзко обличаетъ мѣстнаго кулака и кабатчика Петра Садина. Швецовъ пишетъ на верху ея крупнымъ рецептарнымъ почеркомъ: «*помягче, выкиньте фамиліи*». Другая корреспонденція, изъ сосѣдняго губернскаго города Лопашова, распространяется на четырехъ страницахъ объ исполненіи любительскою труппою въ благотворительномъ спектаклѣ, устроенномъ губернаторшею въ пользу круглыхъ сиротъ «Горе отъ ума». Резолюція: «*Сократите. Прибавьте нѣсколько теплыхъ словъ о пользѣ такихъ начинаній*». Въ третьемъ письмѣ однѣ только неприличныя слова, никѣмъ не подписанныя. Письмо комкается и летитъ въ корзину. Четвертый конвертъ большаго формата, съ номеромъ на передней сторонѣ. Запечатанъ орломъ. Исправникъ балташинскаго уѣзда требуетъ напечатать «приложенное при семъ опроверженіе». Приложенное опроверженіе состоитъ всего на всего изъ одной [redacted] фразы. Но эта фраза изложена на четырехъ страницахъ чистаго и убористаго канцелярскаго письма. Въ безконечной фразѣ виднѣются кое-гдѣ

Главные сотрудники.

Усердны, неутомимы и, главное, безплатны.

Опаснѣйшая конкурренція печатному слову.

«Живое слово».

запятыя, но нѣтъ ни одной точки. Подлежащее на первой страницѣ,— сказуемое на послѣдней. Между ними до сорока вводныхъ предложеній.

— Что это такое? изумленно спрашиваетъ редакторъ, и начинаетъ вторично читать загадочную бумагу.

Въ результатѣ онъ догадывается только о томъ, что балташинскій исправникъ отрицаетъ фактъ появленія бѣшенаго волка въ его уѣздѣ, совѣтуетъ корреспонденту искать волка въ уѣздѣ сосѣдняго исправника и требуетъ помѣщенія своего опроверженія на основаніи «опубликованныхъ печатныхъ законовъ». Помѣтка: «*напечатать, какъ есть*». Въ пятомъ письмѣ народный учитель Рюминъ, «въ третій разъ посылая счетъ за напечатанныя корреспонденціи и за статью «о пользѣ грамотности», помѣщенную редакціей въ формѣ «передовой», настоятельно требуетъ высылки гонорара, угрожая обличеніемъ въ конкуррирующемъ съ «Вѣстникомъ» «Листкѣ». Швецовъ пишетъ: «вышлите этому нахалу *по мѣрѣ возможности*», дважды подчеркнувъ послѣднія слова. Далѣе, одинъ изъ подписчиковъ, помѣщикъ Косовъ, требуетъ—крупнымъ, полууставнымъ почеркомъ, украшая буквы титлами и завитушками—печатанія газеты «болѣе легкимъ для чтенія штрифтомъ». Между письмами — двѣ печатныя повѣстки со вписанною въ нихъ фамиліею редактора. Одна—отъ мѣстнаго мироваго судьи, вызывающая къ примирительному разбирательству по дѣлу объ оклеветаніи въ печати купца Абрикосова, о лавкѣ котораго была въ городской хроникѣ «Вѣстника» не лестная замѣтка. Она кончалась словами: «Коммерсанты, вродѣ г. А., никакъ не могутъ *приносить чести* крупнымъ фирмамъ нашего бойкаго и промышленнаго города». На основаніи этихъ словъ, купецъ Абрикосовъ вчалъ процессъ о безчестіи. Другая повѣстка—отъ судебнаго слѣдователя, приглашающаго Швецова для дачи показаній по обвиненію его въ клеветѣ, взведенной на старшаго врача земской больницы Лазаря Давыдовича Михаэлиса. Послѣдній рѣшительно отрицаетъ, будто онъ кормитъ выздоравливающихъ больныхъ «собачьею овсянкою» и наживаетъ барыши «даже на клистирахъ». Отсюда «дѣло».

Швецовъ отбираетъ повѣстки отъ остальныхъ корреспонденцій, встаетъ и подходитъ къ стѣнному крючку, на которомъ висятъ уже нѣсколько такихъ же судебныхъ повѣстокъ.

— Одно къ одному, мрачно говоритъ онъ. Каторжники! Такъ за горло и хватаютъ. Мерзавецъ на мерзавцѣ, женъ продаютъ, совѣстію торгуютъ, гадюками пресмыкаются, казну обкрадываютъ, съ правыхъ шкуры снимаютъ, негодяевъ обѣливаютъ, а за каждый намекъ рыцарями на стѣну лѣзутъ... (Перелистываетъ повѣстки). Два оскорбленія, диффамація, три клеветы... Были вы въ судѣ? спрашиваетъ онъ Митусова. Справлялись?

— Былъ.

— Ну, что же? Обѣщали?

— Обѣщали. Для насъ, говорятъ, самихъ удобнѣе: уже заразъ всѣ ваши дѣла спустимъ. Такъ, говорятъ, партіей и двинемъ.

— Сколько, по ихъ счету, процессовъ-то?

— Семь.

— Какъ семь? Откуда семь? Два оскорбленія, — это два, диффамація, это — три, три клеветы, это — шесть. Такъ откуда же они взяли семь, разбойники этакіе?

— А вы забыли, Николай Александровичъ, седьмое-то — оскорбленіе по должности частнаго пристава... ну, въ этой исторіи, да что еще была у сельтерской будки?

— Ахъ, да, совсѣмъ забылъ. Ну, семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. По пословицѣ, по крайней мѣрѣ...

Въ передней — разговоръ нѣсколькихъ лицъ. Слышится хихикающій женскій голосокъ. Репортеръ «Безмятежнаго Вѣстника», котораго знаетъ «весь городъ», Петръ Шепталовъ, пишущій подъ псевдонимомъ «Общественной строки», человѣчекъ небольшаго роста, неопредѣленныхъ лѣтъ, въ pince-nez, съ завитыми усиками и въ пиджачной парѣ табачнаго цвѣта, приводитъ съ собою пріѣзжихъ артистовъ къ редактору на поклонъ. Дама лѣтъ 25. Это развязная и хорошенькая блондинка, хотя замѣтно подкрашенная. На Елисаветѣ Николаевнѣ Бровциной-Семигальской шляпка съ цвѣтами и перьями, кокетливо сидящее шелковое платье и длинныя, до локтей, шведскія перчатки. Входя, она наполняетъ всю редакцію запахомъ жасминовыхъ духовъ. Ее сопровождаетъ, въ качествѣ обязательнаго кавалера, самъ антрепренеръ труппы, безукоризненно выбритый субъектъ, во фракѣ, въ свѣтлыхъ лайковыхъ перчаткахъ и со множествомъ сувенирныхъ брелоковъ у жилетной цѣпочки.

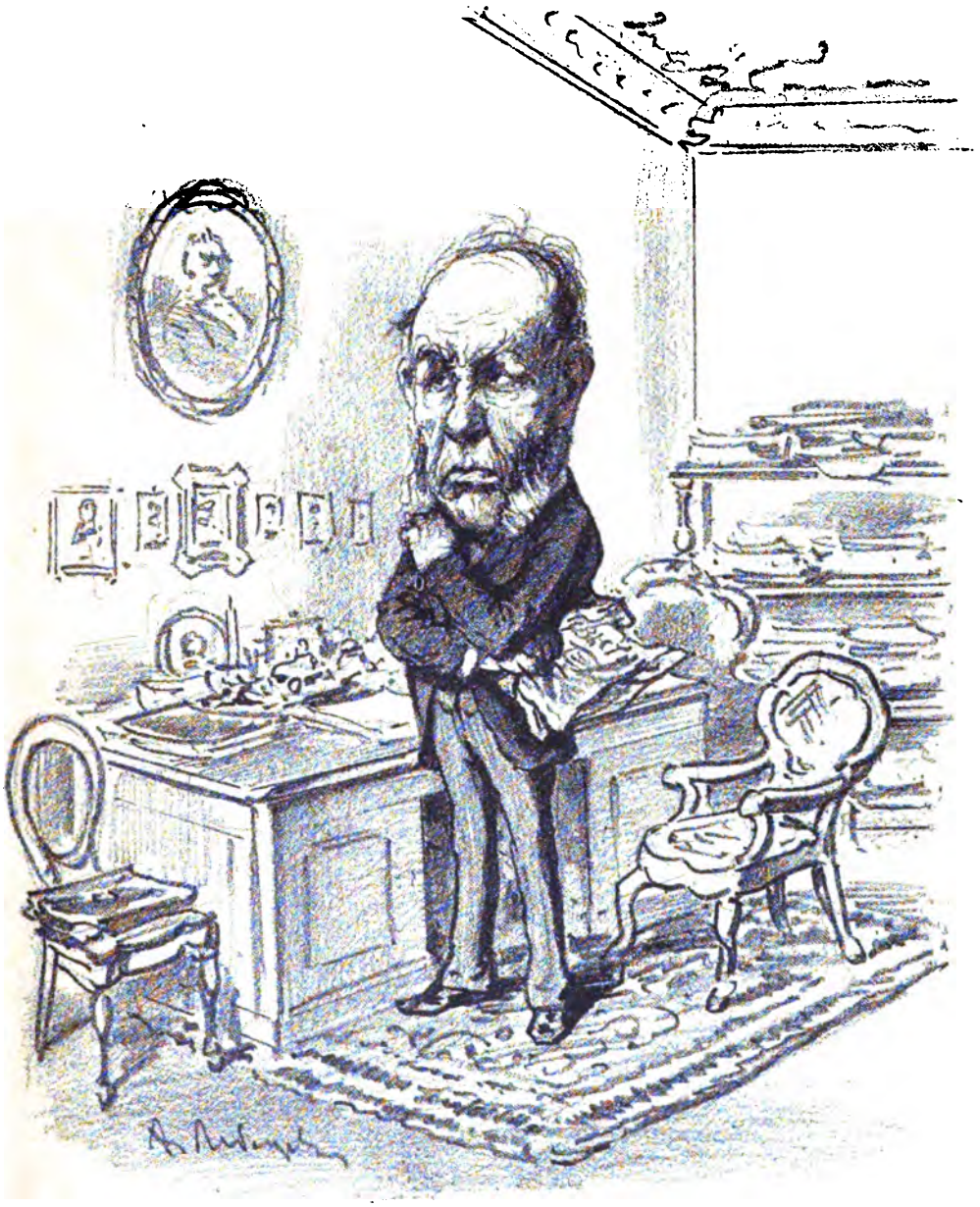
Завязывается разговоръ. Швецовъ очень любезенъ, но съ соблюденіемъ собственнаго достоинства. Преполовенскій краснѣетъ и зарится. Митусовъ бросаетъ заклейку бандеролей и очень доволенъ неожиданнымъ антрактомъ.

Елисавета Николаевна — извѣстная *энженю*. Она дастъ въ городѣ только три представленія. Она здѣсь проѣздомъ. Имя ея не нуждается въ рекомендаціи. Лучшія ея роли—Офелія, Периколла и Маіорша. Она играла въ Кіевѣ и законтрактована въ Казань. Она послѣдній сезонъ проводитъ въ провинціи. Режиссеръ петербургской труппы Потѣхинъ

Ублаженный читатель.

«Похвалили»...

Возмущенный читатель.



«Обличили»!

видѣлъ ее въ Тифлисѣ въ «Уткѣ и стаканъ воды» и привѣтствовалъ за кулисами. Особенно она поразила его тонкостью психологическаго анализа и бытовою правдою. Потѣхинъ предложилъ ей, для начала, 6,000 жалованья и полубенефисъ.

— Конечно, Елисаветѣ Николаевнѣ, бойко поясняетъ антрепренеръ, хорошо и у насъ, въ провинціи. Она (антрепренеръ дѣлаетъ умильные глазки) и у насъ катается, какъ сыръ въ маслѣ. Наша публика очень чутка, а наша распространенная пресса (антрепренеръ переводитъ глазами со Швецова на Преполовенскаго и обратно) съ любовью и умѣньемъ руководитъ ея вкусами. Но, конечно, Петербургъ такой соблазнъ для артистической славы, такая, можно сказать, арена для большихъ дарованій, что нашимъ маленькимъ средствамъ никакъ ужъ не угнаться за столицей.

Маіорша-Офелія подноситъ ложу и три кресла на всѣ свои гастролирующіе спектакли; крѣпко-крѣпко пожимаетъ руку редактору; затѣмъ, подойдя къ Преполовенскому и смотря на него томнымъ и ласкающимъ взоромъ, говоритъ ему: «вы мой старый знакомый; давно, давно я привыкла увлекаться вашимъ мастерскимъ перомъ...» и, не забывъ кивнуть головою даже Митусову, граціозно удаляется легкою поступью водевильной кокетки.

Она оставляетъ послѣ себя сильное впечатлѣніе. Редакторъ забываетъ о всѣхъ своихъ семи процессахъ и говоритъ, ни къ кому изъ присутствующихъ спеціально не обращаясь:

— Баба—розанъ. Манеры, формы и все прочее. Вретъ онъ, конечно, какъ сивый меринъ, что она приглашена въ Петербургъ. А только особа занимательная... Вы ужъ, тово, Анфилохій Степановичъ, въ отчетѣ своемъ потеплѣе откликнитесь.

— Это какой-то серафимъ, а не женщина! восторженно восклицаетъ увлеченный Анфилохій, и суетъ пальцы въ клей, для скрѣпленія двухъ вырѣзанныхъ имъ столбцовъ новаго закона о ловлѣ сельдей въ низовьяхъ Волги.

— Нѣтъ, какова штучка! чмокая губами во всѣ пять сложенныхъ въ кучку пальцевъ, восклицаетъ обрадованный репортеръ.

Редакціонный посыльный вноситъ подносъ съ графиномъ водки и съ закуской. На одной тарелочкѣ селедка, на другой рѣдька съ лукомъ. Присутствующіе бросаютъ занятія и обступаютъ подносъ. Швецовъ, заложивъ лѣвую руку за жилетъ, продолжаетъ думать о чемъ-то постороннемъ, молча чокается и, выпивъ водку, дѣлаетъ уморительную рожу, очень искусно положивъ верхнюю губу на конецъ носа.

— Ну, что у васъ новенькаго, Шепталовъ, спрашиваетъ онъ, наконецъ, точно проснувшись ото сна.

— Какъ и всегда. Коробъ, цѣлый коробъ новостей!

— Коробъ! Опять, чай, о мощеніи улицъ, о думскомъ засѣданіи, или «новыя подробности исторіи у сельтерской будки». Вотъ она гдѣ у меня эта ваша сельтерская будка! Разрывъ съ полиціймейстеромъ, нахлобучка отъ цензора и процессъ.

— Да я то тутъ при чемъ же, Николай Александровичъ. Свѣдѣнія самыя достовѣрныя. Самъ былъ, самъ видѣлъ. Хоть сейчасъ предъ образами поклянусь. А насчетъ частнаго пристава, такъ я вамъ скажу, онъ давно противъ васъ зубъ имѣлъ. Ему только этого и надо было. Вчалъ оскорбленіе по должности, а самъ безъ шашки былъ, потому что просто гулялъ. Вы это непремѣнно на судѣ скажите. Мотивъ. Въ думѣ вотъ, такъ дѣйствительно скверно. Сегодня засѣданіе, а я, какъ видите, тутъ.

— А тамъ что еще новаго?

— Не пускаютъ. Обозлились. Конечно, есть и у насъ тамъ своя партія, но меньшинство, значительное меньшинство; голова и управа на стѣну лѣзутъ отъ озлобленія. Не ваше, говорятъ, дѣло, вмѣшиваться и указывать. Сами мы дѣйствовали, сами и отчеты о своихъ дѣйствіяхъ представлять будемъ. Не суйтесь, куда не просятъ. Вижу, раздраженіе очень большое. Думаю, будетъ скандалъ, непремѣнный будетъ скандалъ. Я ужъ, знаете, и не пошелъ.

Швецовъ еще разъ вздыхаетъ, клюетъ и залпомъ выпиваетъ вторую рюмку водки.

Разсыльный подаетъ ему конвертъ съ корректурой отъ мѣстнаго блюстителя.

Редакторъ, вернувшись къ столу, достаетъ корректуры, раскладываетъ на столѣ и всплескиваетъ руками.

— Нѣтъ, вы посмотрите, что тутъ такое!

Митусовъ, Преполовенскій и Шепталовъ подходятъ къ Швецову, окружаютъ его и уныло смотрятъ на разложенные листы. Картина.

Редакціонный день близится къ окончанію. Первымъ убѣгаетъ, насвистывая мотивъ изъ «Апаюна», Шепталовъ. За нимъ, тяжело шлепая резиновыми калошами, удаляется Преполовенскій. Дольше другихъ остается Митусовъ. Но и онъ уходитъ. Обыкновенно Швецовъ остается еще за письменнымъ столомъ поджидать почтальона съ денежными повѣстками. Проходитъ десять минутъ. Швецовъ прочитываетъ шепталовскіе матеріалы для городской хроники и чиркаетъ ихъ съ какимъ то остервѣненіемъ. Злополучный Шепталовъ отвѣчаетъ въ эту минуту и за недостатокъ подписчиковъ, и за хозяйскія заботы, и за всѣ семь процессовъ, и за цензорскую крутость, и за думское невѣжество, и за исправническую придирку, и за обиды въ прошломъ, и за шипы настоящаго, и за темень будущаго. Косые и большіе кресты, выводимые

Нейтральный читатель.

— Темно, очень темно, нынче пишутъ. И такъ, и эдакъ, и все таки ничего не выходитъ.

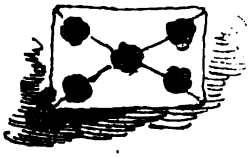
на бумагѣ краснымъ карандашемъ. кажутся Швецову его собственными житейскими крестами.

Пришедшій почтальонъ кладетъ двѣ повѣстки на конторку. Одна изъ нихъ третная, на три рубля, другая доставляетъ разсроченные два съ полтиной. Итого, пять рублей пятьдесятъ копѣекъ. Швецовъ, скомкавъ отъ досады повѣстки, суетъ ихъ въ боковой карманъ, подходитъ къ окну и безсмысленно уставляется въ красующуюся на противоположной сторонѣ улицы вывѣску: «Магазинъ Чаю, Сахару и Кофе».

Въ это время передъ окномъ, раскланиваясь, устанавливается шарманщикъ и заводитъ ежедневно исполняемую имъ арію изъ «Трубадура».

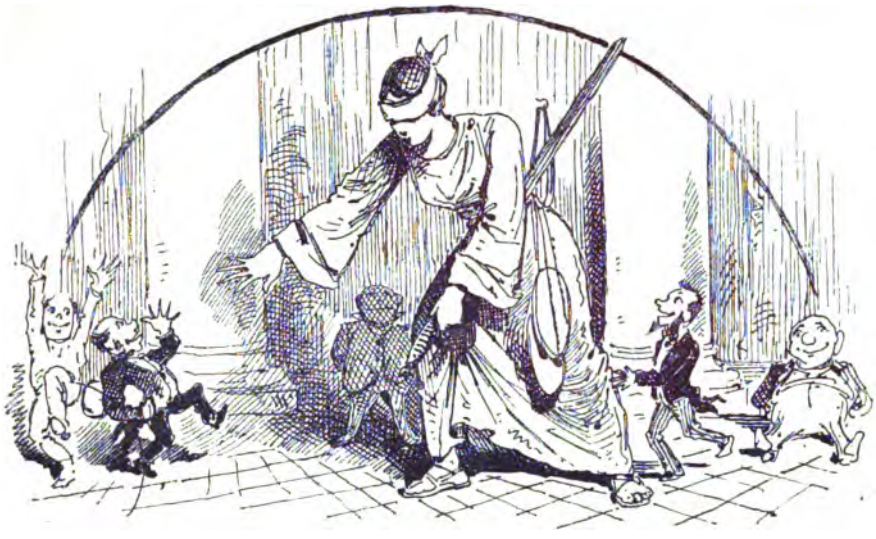
— Только тебя, милый другъ, восклицаетъ редакторъ, мнѣ и недоставало!

Кухарка зоветъ обѣдать.



III.

ЗАКОНЫ И ЛЮДИ.



ВЪ *** ОКРУЖНОМЪ СУДѢ.

тѣнные часы глухо бьютъ половину. Догадливый человѣкъ, присутствующій въ судебной залѣ, можетъ сказать, даже и не смотря на часовую стрѣлку, что это—половина двѣнадцатаго. Маленькія одностворчатыя двери, отдѣляющія корридоръ отъ той половины залы, которая предоставлена въ распоряженіе публики, собственноручно открываются судебнымъ приставомъ. Онъ становится у входа и заранѣе успокаиваетъ, что всѣмъ будетъ мѣсто. Явственно преобладаютъ дамы. Разсаживаясь, онѣ шуршатъ платьями, двигаютъ стульями, быстро поворачиваютъ головами во всѣ стороны, кланяются, протягиваютъ бѣлыя круглыя ручки съ браслетами, для пожатій и, наконецъ, окончательно усѣвшись, охорашиваются, поправляя складки платьевъ, прическу, даже положеніе медальоновъ на груди и часовыхъ цѣпочекъ. Княгиня Ляликова, первая аристократка въ городѣ, пятидесятилѣтняя вдова, оштукатуренная до того, что часть пудры комкомъ лежитъ на второмъ, по счету, подбородкѣ, слегка откидываетъ назадъ всю совокупность приспособленій, составляющихъ ея голову и, распутавъ снурокъ лорнета, осматриваетъ присутствующихъ, съ легкой, снисходительной улыбкой. Возлѣ нея сидитъ, прижавшись къ уголку стула, воспитанница и компаньонка, плоская и

сухая юная дѣвица, съ бархатной ленточкой на шеѣ, въ короткомъ коричневомъ платьѣ, изъ подъ котораго видны прюнелевые ботинки съ загнутыми, на китайскій манеръ, носками, и со стоптанными каблуками. Съ той стороны поперечной баллюстрады, на двухъ рядомъ стоящихъ стульяхъ, можно видѣть героевъ нынѣшняго процесса: истцовъ— жену аптекарскаго помощника Анну Гензельтъ и ея брата, секретаря сиротскаго суда и маленькаго домовладѣльца, титулярнаго совѣтника Лындина. Они оспариваютъ законность рожденія ихъ невѣсткою, вдовою отставнаго поручика Петра Лындина, Юліей Михайловной Лындиной, послѣ смерти ея мужа, сына, нарѣченнаго Алексіемъ, къ которому и должно перейти наслѣдство послѣ брата истцовъ. Дѣло это, задолго до фигурированія на судѣ, уже получило въ городѣ скандально-сенсаціонную огласку, разсматривалось вкось и вкривь за всѣми обывательскими самоварами и привлекло массу любопытныхъ, вооруженныхъ, ради пропуска въ залу, карточками судейскихъ персонъ, или сопровождаемыхъ лично служащими въ судѣ молодыми людьми.

Въ залѣ еще пусто. Большой полукруглый столъ покрытъ краснымъ сукномъ. Слѣва отдѣльный столикъ для прокурора. Посрединѣ два пюпитра для состязующихся сторонъ. Представитель «Безмятежнаго Вѣстника» сидитъ на сторонѣ, тоже за особымъ столикомъ, на правахъ стенографа. Разложивъ передъ собою бумагу и карандаши, Шепталовъ хлыщевски вертится во всѣ стороны, осматриваетъ дамъ, развалясь читаетъ послѣдній нумеръ своей газетки и вообще старается имѣть видъ человѣка, который всюду и всегда чувствуетъ себя какъ дома. Въ залѣ нѣсколько графиновъ съ водою, большая люстра съ керосиновыми лампами и открытый, но не дѣйствующій стѣнной вентиляторъ. Тихо и чинно. Присутствующіе говорятъ шопотомъ и потому, при открытой форточкѣ, слышно, какъ дворовые мальчишки, перекликиваясь и заливаясь смѣхомъ, играютъ въ бабки. Тамъ же, на дворѣ, кричитъ осипшій пѣтухъ, какъ бы напоминая Ѳемидѣ о необходимости бодрствованія.

Канцелярія суда вся въ сборѣ. Въ ея распоряженіи нѣсколько сосѣднихъ комнатокъ, проходныхъ, тѣсныхъ, неимѣющихъ другой мебели, кромѣ столовъ, креселъ краснаго дерева и черныхъ, досчатыхъ, неполированныхъ шкафовъ, до верху набитыхъ дѣлами въ синихъ рваныхъ обложкахъ.

Въ каждой комнатѣ сидитъ секретарь съ помощниками и писцами. Секретари изъ мѣстныхъ юриспрудентовъ,

Княгиня Ляликова.

— Какое у тебя, Лиза, всегда постное лицо. Я думаю, что это у тебя отъ злости.

Товарищъ прокурора Варпасовскій.

Въ тихой пристани... послѣ обѣда.

могущихъ похвастаться только «домашнимъ воспитаніемъ». Они знаютъ всѣхъ и ихъ знаютъ всѣ. У каждаго секретаря постоянные кліенты, въ лицѣ мѣстныхъ присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ. Секретари въ потертыхъ вицъ-мундирахъ съ зелеными воротниками. Они ожесточенно курятъ, выпуская дымъ, даже какъ бы черезъ уши и глаза, необыкновенно ловко жонглируютъ дѣлами, съ мѣста попадая ненужнымъ болѣе дѣломъ на соотвѣтственную шкафную полку, покрикиваютъ на подчиненныхъ, возятся съ массою бумагъ и хлопочутъ съ такимъ усердіемъ, что позволяютъ себѣ не вставать съ мѣста даже при появленіи предсѣдателя. Существованіе писцовъ проблематично. Жалованья ихъ начинаются пятью и кончаются пятнадцатью рублями въ мѣсяцъ. Живутъ они на подобіе птицъ. Не сѣютъ, однако пожинаютъ и отличаются удивительными физіономическими познаніями. Взглянувъ на лицо пришедшаго, они сразу и безошибочно опредѣляютъ, что ему нужно, и неотступно слѣдятъ за посѣтителемъ, глазами передавая его другъ другу. У одного секретарскаго стола сидитъ, заложивъ ногу на ногу, въ мундирѣ, но безъ всякихъ украшеній, товарищъ прокурора Варпасовскій, худенькій брюнетъ лѣтъ 30, съ замѣчательно тонкими и бѣлыми пальцами. Онъ наскоро знакомится съ дѣломъ, по которому долженъ дать заключеніе; бѣгло перелистываетъ исписанныя страницы, киваетъ, поймавъ нить, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ головою, нѣсколько разъ задумывается; потомъ закрываетъ дѣло, хлопаетъ по немъ ладонью и говоритъ:

— Ну, проѣдетъ! Однако, чортъ ихъ знаетъ, кто изъ нихъ тутъ правъ: бабенка ли нашалила или истцы кляузничаютъ?

Варпасовскій принадлежитъ къ мѣстнымъ общественнымъ сливкамъ. Это—«душа человѣкъ». Онъ еще не женатъ и знаетъ себѣ цѣну. Онъ щеголяетъ «хорошими манерами», свободно болтаетъ по французски, знаетъ толкъ въ закускахъ и слѣдитъ за литературою. Варпасовскій постоянно выписываетъ изъ Петербурга всѣ модные французскіе романы. У него была даже «Sarah Barnoum», тайкомъ обошедшая всѣ презентабельные будуары въ городѣ. «Ce chèr Varpassowsky» запросто обѣдаетъ у мѣстныхъ тузовъ, по вечерамъ почти всегда званъ на карты, и потому на службѣ, по необходимости, долженъ полагаться на вдохновеніе и наитіе. Но онъ чрезвычайно смѣтливъ и ловокъ. Подобно тому какъ Кювье возстановлялъ очертанія мамонта по одной данной кости, Варпасовскій умѣетъ произносить вполнѣ законченныя и даже блестящія рѣчи, пробѣжавъ только двѣ-три вступительныя странички изъ дѣла. Судьи его знаютъ и потому никогда не слушаютъ, но присяжные любятъ за краснобайство. Адвокаты съ наслажденіемъ уличаютъ его въ поверхностности и въ разныхъ промахахъ по обвиненію. Онъ отгрызается бѣглыми полемическими вывертами. Однажды былъ съ нимъ даже такой случай. По разсѣянности, онъ, давая заключеніе по дѣлу предъидущему,

раскрылъ дѣло послѣдующее и началъ защищать интересы казны въ спорѣ ея съ неисправными подрядчиками, въ то время, когда судъ ждалъ отъ него заключенія по одному опекунскому дѣлу. Зайдя довольно далеко, Варпасовскій замѣтилъ наконецъ изумленные, вперенные въ него взоры предсѣдателя... Прокуроръ однако не растерялся. Онъ только нѣсколько сбавилъ ходъ краснорѣчія и, потоптавшись на мѣстѣ нѣсколькими промежуточными, не совсѣмъ опредѣленными фразами, тѣмъ не менѣе ухитрился связать казенный интересъ одного дѣла съ опекунскими пререканіями другого, рѣшительно ничего общаго съ первымъ не имѣвшаго. Защитивъ себѣ такимъ образомъ вполнѣ приличное отступленіе, Варпасовскій перевелъ духъ, и вновь, опять полнымъ ходомъ, двинулся на опеку. Этотъ прокурорскій вольтфасъ привелъ весь судъ въ изумленіе и сослужилъ Варпасовскому большую службу. Съ той поры и онъ самъ вѣрилъ, и другіе ничуть не сомнѣвались въ томъ, что нѣтъ такой прорвы, изъ которой юркій представитель обвиненія не выскочилъ бы легко, незамѣтно и своевременно.

Съ этого же дня онъ положительно началъ замѣчать, что чѣмъ меньше подготовлялся къ данному дѣлу, тѣмъ болѣе «свѣжая голова» была у него для этого дѣла.

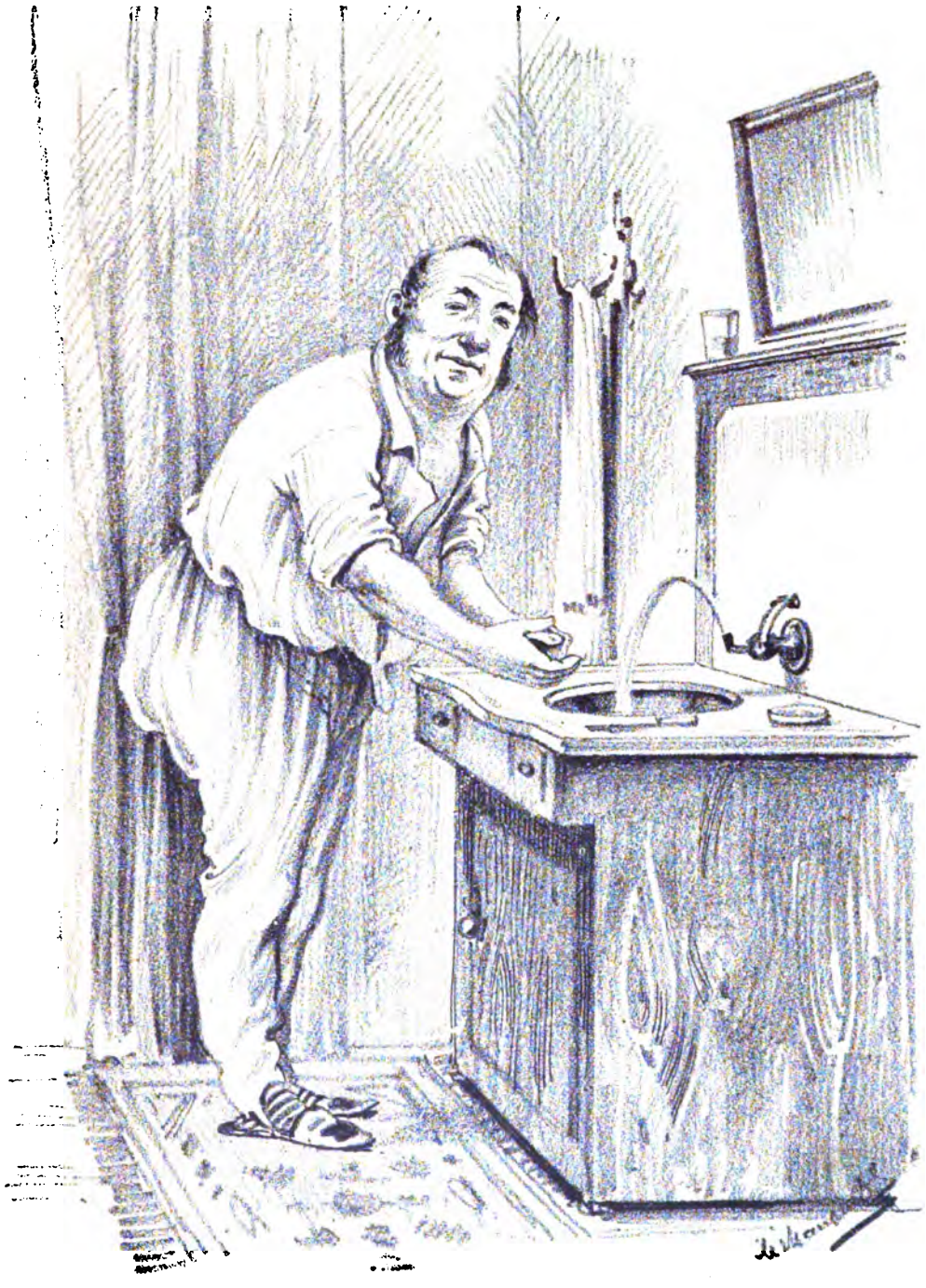
— Нѣтъ ничего хуже шаблоновъ и трафаретовъ! говорилъ Варпасовскій, крутя тоненькую папироску, которую онъ курилъ, какъ парижскія «капорали», безъ мундштука.

Молодой прокуроръ имѣетъ виды, разсчитываетъ на связи и ловко лѣзетъ въ гору.

ъ совѣщательной комнатѣ весь составъ суда. За столомъ, на мягкомъ креслѣ, откинувъ одну руку назадъ, сидитъ, вяло перелистывая газету, членъ гражданскаго отдѣленія Сапфировъ, болѣе извѣстный въ судѣ подъ именемъ Суфлерова. Это пожилой человѣкъ, лѣтъ подъ 60. Онъ уже почиваетъ на лаврахъ, прослуживъ болѣе 20 лѣтъ въ должности судебнаго слѣдователя и потерявъ на ней глаза, быстроту соображенія и всякую охоту къ работѣ. Доклады дѣлъ, которые должны составляться самими членами судовъ, приходили, конечно, и къ нему каждые нѣсколько дней, съ убійственною исправностью, и отъ нихъ не предвидѣлось спасенія. Но онъ умѣлъ раздѣлаться съ ними разъ навсегда. Какъ только положили передъ нимъ первое дѣло для доклада, Сапфировъ пригласилъ къ себѣ одного изъ молодыхъ кандидатовъ на судебныя должности, числившагося въ его отдѣленіи, и сказалъ почтительно кланявшемуся молодому человѣку:

Товарищъ предсѣдателя Ламбекъ.

(За кулиссами).



— И это онъ, черезъ полъ часа, возьметъ вѣсы правосудія въ тѣ же руки, въ которыхъ покоится теперь казанское мыло!

— Голубчикъ, у меня къ вамъ просьба. Возьмите это дѣло и сдѣлайте изъ него маленькій экстрактецъ. Вотъ эдакій только экстрактецъ.

Онъ показалъ при этомъ пальцами желательный размѣръ экстрактца. Размѣръ «экстрактца» былъ дѣйствительно крошечный: не больше коробки шведскихъ спичекъ миніатюрнаго формата.

Кандидатъ исполнилъ требуемое. Первый докладъ сошелъ, но туговато, съ запинками, повтореніями и весьма ясными неясностями. Сапфировъ вторично пригласилъ къ себѣ молодаго человѣка и на этотъ разъ взялъ его уже подъ руку.

— Вашъ первый экстрактецъ былъ очень хорошъ. Но, знаете, черезчуръ ужъ кратокъ. Побольше бы обстоятельности. Ну, и существа не избѣгайте тоже.

— Значитъ вы желали бы имѣть вполнѣ готовые доклады? категорически спросилъ молодой человѣкъ.

Сапфирова передернуло. Ему показалось, что кто то его ущипнулъ, и очень больно ущипнулъ.

— Ну, нѣтъ. Зачѣмъ же полные доклады? съ нѣкоторымъ даже испугомъ протянулъ онъ. Это вѣдь я самъ долженъ, это мое дѣло...

Но парень былъ не промахъ, сразу раскусилъ начальника и пекъ ему доклады, какъ пекарь булки. Можно думать, что правосудіе отъ этого нисколько не страдало. Но кличка Суфлерова осталась за Сапфировымъ.

Товарищъ предсѣдателя гражданскаго отдѣленія, нѣкто Ламбекъ, изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, началъ свою карьеру въ военной службѣ, но имѣлъ мощную руку и потому обмѣнялъ палашъ Марса на мечъ Ѳемиды. Онъ говорилъ бы съ явственнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, если бы говорилъ, но онъ, засѣдая въ гражданскомъ отдѣленіи, почти никогда ничего не говорилъ. Егоръ Петровичъ Ламбекъ отличается очень мирнымъ характеромъ, необыкновенной аккуратностью привычекъ и образа жизни, ни во что не вмѣшивается, никого не задѣваетъ и ни къ кому не ходитъ. Онъ старый холостякъ, котораго можно видѣть на дому, по утрамъ, въ черномъ бархатномъ шлафрокѣ и вышитомъ турецкомъ колпакѣ. Одинъ только разъ онъ сдѣлался въ городѣ героемъ дня, когда, получивъ циркулярное приглашеніе отъ «гамбургской правительственной лоттереи», добродушно повѣрилъ плутоватымъ аферистамъ, послалъ заграницу 25 рублей и потомъ необдуманно проболтнулся о своемъ расходѣ. Надъ нимъ много смѣялись и постоянно спрашивали въ клубѣ, при встрѣчѣ: «можно ли поздравить съ выигрышемъ, Егоръ Петровичъ?».

Наконецъ, третій членъ, нѣкто Распоповъ, изъ молодыхъ, отпрыскъ левитова колѣна. Это—философъ, всего удачнѣе подсмѣивающійся надъ своею собственною ролью. Распоповъ рѣшительно не понималъ бы цѣли своего неподвижнаго статуеобразнаго сидѣнія въ судѣ, если бы не было

двадцатаго числа въ каждомъ мѣсяцѣ. Онъ говорилъ, что настоящіе поэты могутъ формироваться и дозрѣвать только на судейскихъ креслахъ, потому что каждый членъ суда имѣетъ полное право, особенно засѣдая въ уголовномъ отдѣленіи, о чемъ угодно думать и ровно ничего не дѣлать. Онъ сравнивалъ себя съ гуттаперчевою куклою, съ архитектурною каріатидою и съ глухонѣмымъ свидѣтелемъ. Онъ любилъ отпускать милыя и невинныя шутки. Просидѣвъ на своемъ креслѣ дня три, недвижно, безмолвно, съ разстегнутымъ мундиромъ, отекшею шеей и понуренной головою, онъ вдругъ вмѣшивался въ ходъ судебнаго засѣданія и предлагалъ, ради дивертиссемента, какой нибудь совершенно дикій вопросъ. Дикій вопросъ молчальника производилъ немедленный эффектъ.

— Почему онъ поставилъ его? недоумѣвалъ прокуроръ, и механически перелистывалъ въ сто первый разъ однѣ и тѣ же страницы.

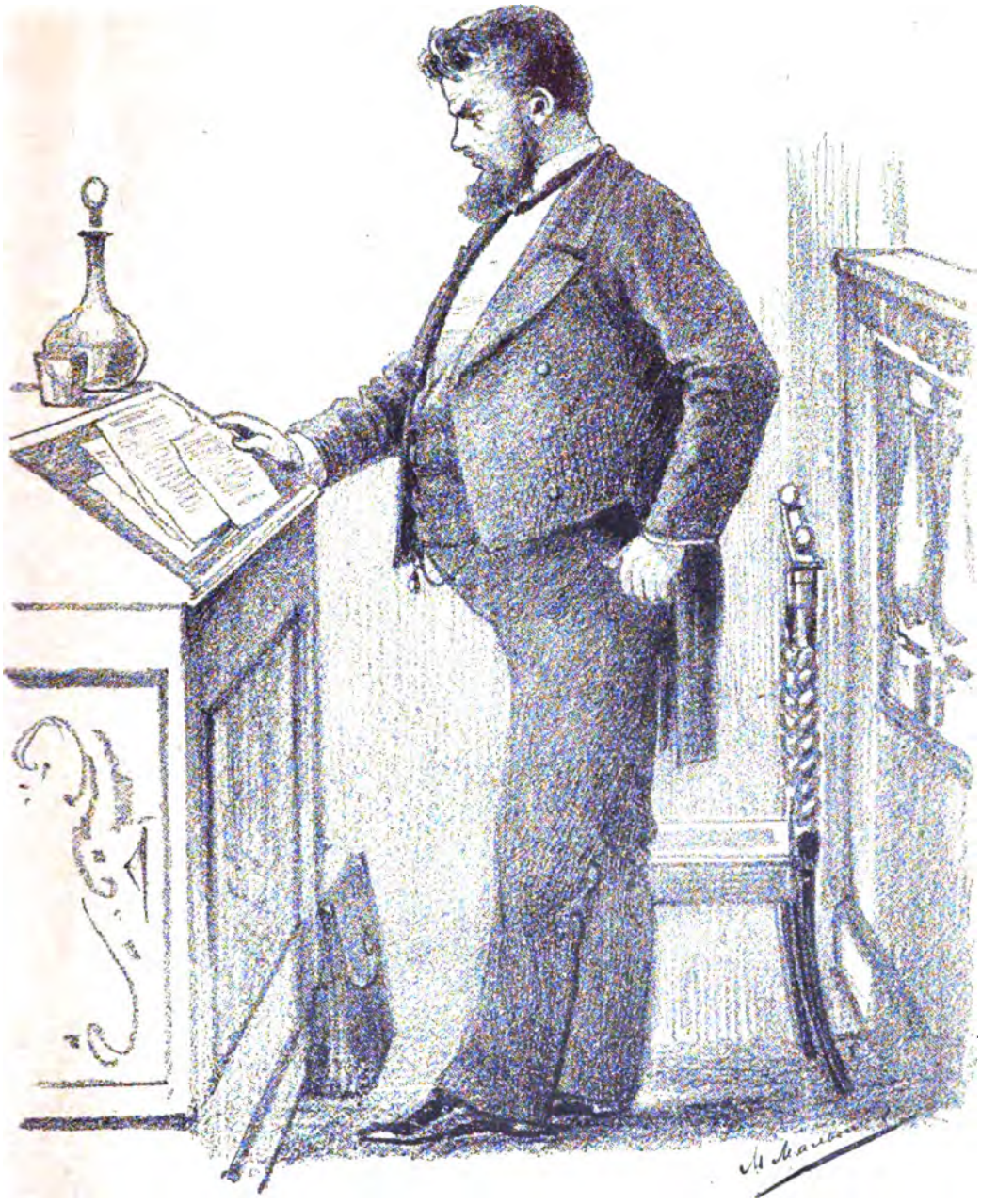
— Что такое хотѣлъ онъ сказать этимъ вопросомъ? потирая лобъ, спрашивалъ себя адвокатъ.

Присяжные перешептывались. Подсудимый какъ бы просыпался отъ своей окостенѣлой апатіи и только одинъ предсѣдатель, близко знавшій Распопова, зналъ и настоящую цѣну его выходкѣ.

Часы бьютъ двѣнадцать и судъ выходитъ въ залу засѣданія.

Зала полна. Всѣ на мѣстахъ. Прокуроръ, развалясь, играетъ съ цѣпочкою. Секретарю, застегнутому на всѣ пуговицы, очевидно, и жарко и тѣсно въ его очень давно уже сшитомъ облаченіи. За пюпитрами — представители сторонъ. Отъ истцовъ присутствуетъ частный ходатай, нѣкто Вуколовъ, мужчина въ косую сажень, успѣвшій даже погнуться подъ своею собственною тяжестью. Онъ серьезенъ и мраченъ. Быть можетъ, онъ вспоминаетъ въ эту минуту о томъ самомъ днѣ, когда въ этой самой комнатѣ, въ распорядительномъ засѣданіи суда, ему запрещена была судебная практика на срокъ полной женской беременности, т. е. на девять мѣсяцевъ. Интересы отвѣтчицы отстаиваетъ первая въ городѣ адвокатская знаменитость, присяжный повѣренный Бураковъ, долго жившій въ Петербургѣ и лишь недавно переселившійся въ провинцію. Это «фирма». Живетъ онъ на широкую ногу, часто обѣдаетъ у предсѣдателя, держитъ цѣлую свору бѣгуновъ помощниковъ, взыскиваетъ гонораръ по таксѣ и имѣетъ внушительную поговорку: «понимаете, я—вамъ говорю», которую повторяетъ чаще некстати чѣмъ кстати. На немъ ловко сшитый фракъ, съ оттопыренными и заостренными лацканами, безукоризненное бѣлье и одна черная перчатка на-

Частный ходатай Вакуловъ.



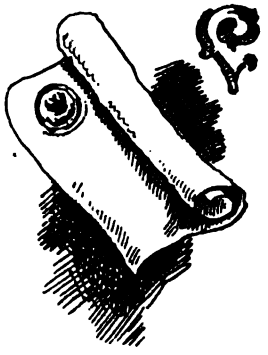
Въ головѣ — кляузы, въ рѣчи — рѣшимость, въ дѣйствіяхъ — неуловимость, въ портфелѣ — «сороковка» и завернутый въ кассаціонное рѣшеніе соленый огурчикъ.

Адвокатская знаменитость Бураковъ.

На всѣхъ парахъ... до обѣда.

Адвокатская знаменитость Бураковъ.

На всѣхъ парахъ... до обѣда.



лѣдуетъ допросъ свидѣтелей. Первымъ вызывается врачъ Герундіевъ, старикъ, съ чрезвычайно маленькою и сухою, сплошь заросшею жесткими, сѣдыми волосами физіономіею, въ синихъ очкахъ, въ вицъ-мундирѣ, съ владимірской ленточкой въ петличкѣ; нѣсколько туговатъ на ухо. Ставъ между пюпитрами, онъ поочередно раскланивается во всѣ стороны и, неторопливо высморкавшись въ большой красный фуляровый платокъ, выпрямляется.

Предсѣдатель. Свидѣтель, потрудитесь разсказать суду все, что вамъ по настоящему дѣлу извѣстно.

Свидѣтель Герундіевъ. Я былъ у Лындина его постояннымъ домашнимъ врачемъ и, смѣю сказать, располагалъ полнымъ довѣріемъ покойнаго. Я былъ у него болѣе чѣмъ докторомъ—былъ, могу сказать, другомъ дома, и наши отношенія начались вскорѣ послѣ окончанія севастопольской кампаніи...

Предс. Это къ дѣлу не относится. Что вамъ извѣстно собственно о болѣзни покойнаго Лындина.

Герундіевъ. Это была трудная, продолжительная и неизлечимая болѣзнь. Мы, доктора, ее называемъ прострацією. Это—общее и постепенное разслабленіе всѣхъ силъ физическихъ и душевныхъ. Лындинъ весь состоялъ изъ застарѣлыхъ катарровъ. Онъ кашлялъ, страдалъ неисправнымъ пищевареніемъ. Съ нимъ бывали обмороки. Кромѣ того, у него былъ хроническій ревматизмъ нижнихъ оконечностей и случались острые припадки подагры. Не мнѣ лично, но той наукѣ, которой я служу, принадлежитъ честь относительно очень долгаго удержанія Лындина въ живыхъ. Но въ послѣдній годъ своей болѣзни Лындинъ дошелъ до такого ослабленія, что не всегда узнавалъ самого себя и такъ нуждался въ посторонней помощи, что звонилъ, когда хотѣлъ пошевелить рукой. Онъ былъ, гг. судьи, очень, очень боленъ, а когда душа разстается съ тѣломъ, то она не думаетъ о продолженіи на землѣ своего рода.

Прис. пов. Бураковъ. Вы, стало быть, не допускаете заключенія въ пользу того, чтобы покойный могъ быть отцомъ?

Герундіевъ (рѣшительно). Ни на одну миниту. Мнѣ даже смѣшно подумать объ этомъ. Это не былъ человѣкъ. Это была муха.

Част. пов. Буколовъ. Что вы можете сказать объ отношеніяхъ, существовавшихъ между супругами? Какого они были рода?

Докторъ Герундіевъ.

Клистиръ, примочка, припарка, касторка и рожки.

Герундіевъ. Я не могу отозваться о нихъ съ похвалою. Присутствіе г-жи Лындиной, дамы, очень легко разсѣивающейся разными посторонними предметами, при одрѣ серьезно больнаго мужа, мнѣ всегда казалось неумѣстнымъ. Въ виду этого я и настоялъ, чтобы къ Лындину была взята экономка-сидѣлка, Анастасія Ерофѣева. Это—старательная и сердобольная старушка. Появленіе г-жи Лындиной въ комнатѣ больнаго всегда поднимало у него температуру и вызывало изжогу и отрыжку. Покойный отзывался при мнѣ о своей женѣ желчнымъ и соболѣзновательнымъ тономъ. Для меня было ясно, что, по несчастью, ангелъ мира никогда не виталъ въ этомъ почтенномъ домѣ. Однажды, припоминаю, былъ и такой случай. Лындинъ находился въ особенномъ возбужденіи. Онъ вылилъ на полъ лекарства, раскидалъ подушки по комнатѣ и изображалъ собою весьма печальную фигуру, когда я взялъ его за неровный и учащенный пульсъ. Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ послышался голосъ г-жи Лындиной. Мой покойный другъ крѣпко схватилъ меня обѣими руками за сюртукъ, притянулъ къ себѣ, заставилъ сѣсть на кровати и спросилъ голосомъ, въ которомъ мнѣ послышалась исключительная, несвойственная ему, сила: «Нѣтъ, ты мнѣ скажи, что мнѣ проклинать больше: день моего рожденія или день моей свадьбы?» Такъ какъ въ эту минуту въ комнату вошла г-жа Лындина, то я, изъ любезности и для успокоенія больнаго, сказалъ ему: «ты можешь, мой другъ, проклинать день твоего рожденія».

Вуколовъ. Покорнѣйше прошу судъ обратить особенное вниманіе на только-что выслушанное показаніе свидѣтеля Герундіева.

Прис. пов. Бураковъ. Со своей стороны, я попрошу судъ принять во вниманіе, что трудно придавать какое-нибудь опредѣленное значеніе словамъ больнаго, очень часто мѣнявшимся подъ впечатлѣніями минуты. Такъ напр. одинъ изъ свидѣтелей съ нашей стороны удостовѣритъ, что тотъ же Лындинъ, находясь въ раздраженіи, неоднократно говорилъ о самомъ же господинѣ Герундіевѣ: «этотъ человѣкъ убьетъ меня. Онъ ничего не понимаетъ и ходитъ ко мнѣ только за тѣмъ, чтобы кормить меня какими-то пилюлями изъ лапши и песку и получать по три рубля за визитъ».

Герундіевъ. По-о-озвольте!....

Вызывается сидѣлка Анастасія Ерофѣева. Она вполнѣ подтверждаетъ показаніе д-ра Герундіева, добавляя, что сама Лындина неоднократно называла мужа на кухнѣ «старымъ чортомъ» и что когда злилась, то давала ему по три ложки вѣнскаго слабительнаго за разъ, вмѣсто одной. Старушка неоднократно говорила барынѣ: «Бога вы не боитесь барыня! Такого человѣка и этакъ изводите». Но барыня ее бранила; называла ее «каргою», «битою посудиною» и все гнать хотѣла. Больше свидѣтельница ничего не знаетъ.

Слѣдуетъ очередь горничной Агафьи Тихоновой. Свидѣтельница въ палевомъ ситцевомъ платьѣ, въ красныхъ бусахъ на шеѣ и съ зонтикомъ. На пальцахъ кольца съ цвѣтными стеклами. Она конфузится и старается говорить «по господски». Вуколовъ откашливается и, какъ бы для большаго простора при допросѣ, раздвигаетъ бумаги на пюпитрѣ.

Вуколовъ. Вы знаете, свидѣтельница, кто чаще всего бывалъ у вашихъ господъ?

Агафья Тихонова. Даже оченно знаю. *В.* Хорошо. Помните ли вы одного молодаго барина, что наѣзжалъ къ вамъ изъ имѣнія, Петра Павловича Свистуна? *О.* Какъ не помнить! Баринъ веселый, молодой. Красивый тоже. *В.* Молодой, веселый и красивый. Хорошо. А барыня рады были пріѣзду гостя? *О.* Не могу знать. А только что имъ веселѣе было. *В.* А у кого Свистунъ сидѣлъ? У больнаго? *О.* Чтой-то вы! Да что ему тамъ было дѣлать? *В.* Значитъ, у барыни? *О.* У барыни. *В.* А вы тутъ всегда были при нихъ? *О.* Нѣтъ, барыня усылали. *В.* Но, можетъ быть, старушка Ерофѣева была? *О.* Она все при больномъ сидѣла. *В.* Хорошо. Значитъ, барыня съ гостемъ вдвоемъ оставались. Что же они дѣлали? *О.* Чай пили. *В.* Хорошо. А потомъ что? *О.* Барыня на фортупьянахъ играли. *В.* Барыня на фортепіанахъ играла. Хорошо. А потомъ что? *О.* По саду гуляли. *В.* А садъ у васъ большой? *О.* Большой. *В.* Тѣнистый? *О.* Да, тѣнистый. *В.* И бесѣдка есть? Глухая, этакая, знаешь закрытая? *О.* Да, съ навѣсомъ. *В.* И пусто тамъ, никто не ходитъ? *О.* Да кому-жъ тамъ по барскому садику ходить?

Прис. пов. Бураковъ. Обращаю вниманіе суда на то, что Лындинъ умеръ 13-го апрѣля и что въ это время сады въ нашей мѣстности никогда не бываютъ удобными для прогулокъ съ тою цѣлью, на которую столь категорически намекаетъ мой противникъ.

Вуколовъ. Скажите, свидѣтельница, давалъ вамъ г. Свистунъ деньги, на чай, напримѣръ? *О.* Иногда давалъ. *В.* А еще что? Свидѣтельница молчитъ. *В.* Вы должны говорить всю сущую правду. Вы дали присягу. А еще что, спрашиваю я васъ? *Свидѣтельница (тихо).* Еще.... щипался. *В.* Ну, а какъ вамъ казалось, любила барыня гостя? *Прис. пов. Бураковъ.* Я нахожу такой вопросъ щекотливымъ для моей довѣрительницы. *В.* Но этотъ вопросъ имѣетъ весьма рѣшительное значеніе для интересовъ моихъ довѣрителей. *Св.* Не знаю. *В.* Однако, какъ вы думаете? *О.* Не знаю-съ. Это господское дѣло. *В.* Хорошо-съ. А не нашли ли вы когда нибудь чего-нибудь въ спальнѣ барыни? *(Свидѣтельница молчитъ). В.* Вы должны показывать всю сущую правду, какъ передъ Богомъ. *О.* Галстукъ нашла. *В.* Какой галстухъ? Мужской, да? Черный длинный, съ голубыми крапинками, да? *О.* Да. *В.* А вы не видали, чтобы г. Свистунъ, уѣзжая, прижималъ въ углу въ темной передней барыню? *О.* Не видала-съ. *Вуколовъ.* Я не имѣю болѣе вопросовъ.

Докторъ Фейтельсонъ.

— Современная медицинская наука знаетъ и такой случай, когда у престарѣлой негритянской пары родились бѣлокурые двойни.

Входитъ изъ свидѣтельской комнаты черненькій, подвижной человѣчекъ во фракѣ. Это докторъ Фейтельсонъ, вызванный со стороны отвѣтчицы.

— Что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу? спрашиваетъ его предсѣдатель.

— Я навѣщалъ покойнаго Лындина рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, но зналъ близко его болѣзнь. Его преслѣдовало излишнее полнокровіе. Онъ страдалъ одышкою, головокруженіями и безсонными ночами. Это былъ могущественный, удивительно счастливо построенный организмъ и я полагаю, что Лындинъ умеръ отъ внезапнаго апоплексическаго удара.

Тов. пр. Однако позвольте, докторъ Герундіевъ лечилъ Лындина отъ прострацiи и совершеннаго упадка силъ? *Ф.* Это дѣло личнаго взгляда лечущаго. Мнѣ мой діагнозъ казался и кажется построеннымъ на незыбленныхъ, вывѣренныхъ наукою данныхъ. Доказательствомъ тому, что я именно такъ смотрѣлъ на болѣзнь Лындина, могутъ служить мои рецепты въ аптекѣ Герценштейна.

Докторъ Герундіевъ (вставая съ своего мѣста). Мои рецепты тоже хранятся въ этой аптекѣ.

— Вы, значитъ, г. докторъ, полагаете?... обращается къ Фейтельсону Бураковъ.

— Я полагаю и настаиваю, какъ врачъ, что было бы страннымъ и необъяснимымъ, если бы г-жа Лындина осталась, даже и послѣ постигшаго ее несчастья, бездѣтною.

Вуколовъ. Почему, однако, у Лындиныхъ раньше не было дѣтей?

Фейтельсонъ. Природа, знаете, капризна, и медицинская литература могла бы указать на очень интересные факты въ этомъ отношеніи. Такъ, еще очень недавно «Deutsches Medicalisches Wochenblatt» напечаталъ, что въ Америкѣ, въ штатѣ Виргинія, одна негритянская семья достигла въ бездѣтствѣ очень глубокой старости. Мужу было 86 лѣтъ, женѣ 78 лѣтъ, и что-же? У нихъ въ послѣднюю зиму родилась двойня и притомъ еще—удивительная игра природы!—у негровъ бѣлокурые двойни!

Вызывается послѣдній свидѣтель—отставной капитанъ Прохоровъ. Руки у него колесомъ, голова гладко выстрижена подъ гребешокъ, усы мохнатые, шершавые; въ мундирѣ безъ погонъ. Послѣ обычнаго вопроса, Прохоровъ говоритъ:

— Прошу меня извинить. Я не знаю никакихъ этакихъ «вывертовъ». Я человѣкъ военный. Говорю что думаю и думаю что говорю. Дѣло это, господа, скверное; недостойное дѣло. Оно позоритъ имя моего друга, можно сказать, святаго человѣка. Все это изъ за денегъ... Жажда... Зависть... Юлія Михайловна достойная женщина, никто не смѣетъ сказать противъ нее, а если кто и скажетъ, такъ тотъ со мною считаться будетъ. Вы взгля-

ните на младенца, на этого херувима. Вылитой Лындинъ. Какихъ тутъ еще доводовъ? И волоски у него на вискахъ такъ же складываются, какъ у покойнаго родителя. Юлія Михайловна, можно сказать, со всѣмъ усердіемъ, съ полнымъ попеченіемъ, съ любовью и преданностью... а тутъ ей казуистику подвели. Не хорошо, не благородно.. Моя хата съ краю, а только это дворянское сердце говоритъ... Свой братъ, товарищъ... Я за него и въ огонь и въ воду пойду.

Тов. пр. А больше вы ничего не знаете?

Прох. Какъ больше? Вамъ человѣкъ душу выкладываетъ... Честное благородное офицерское слово даетъ.. Вамъ говорятъ, все это клевета, низость, дворянъ недостойная... Фамильная междуусобица .. Тутъ надо плакать... Да, плакать, а не судиться.

Предсѣдатель. Объявляю перерывъ на пять минутъ.

ренія начинаются рѣчью повѣреннаго истцовъ, Вуколова. Онъ говоритъ долго, неуклюже, потѣя, останавливаясь и преимущественно напирая на законническую цифирь разныхъ статей. Для большей ясности своихъ словъ онъ, то и дѣло, вставляетъ между ними фразу: «это ясно, это очень ясно». Вуколовъ переповторяетъ показаніе д-ра Герундіева, подкрѣпляетъ его словами сидѣлки и особенно распространяется о показаніи горничной Агафьи Тихоновой. Онъ и его довѣрители царятъ на почвѣ фактовъ. Свистунъ не миѳъ, не вымышленное лицо. Это живой человѣкъ, помѣщикъ, притомъ «молодой, веселый и красивый». Онъ наѣзжаетъ къ Лындинымъ часто. Съ чего бы наѣзжать ему? Онъ даетъ горничной на чай. Съ какой стати давать ему? Онъ сидитъ у Лындиныхъ по цѣлымъ вечерамъ, играетъ съ ней на фортепіано, вмѣстѣ гуляетъ, вмѣстѣ бесѣдуетъ. Все у нихъ за одно. Конечно, неоспоримо явныхъ уликъ нѣтъ. «Но, гг. судьи,—какимъ то, не то вѣщимъ не то предостерегающимъ голосомъ, восклицаетъ, кончая, Вуколовъ,— въ томъ именно и заключается особенность всякихъ тайныхъ дѣлъ, что въ нихъ никогда не бываетъ никакихъ явныхъ уликъ».

Затѣмъ онъ садится на свое мѣсто, бросая побѣдоносный взглядъ въ сторону противника, раздувъ ноздри, скрестивъ руки на груди, по наполеоновски.

Ему возражаетъ «знаменитость»; повѣствуетъ она тоже довольно долго, но гладко и ловко, точно скользя по процессу. Прис. пов Бураковъ

Маіоръ Прохоровъ.

— Тутъ надо плакать, а не судиться!...

Впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя.

— Да, обвинительный актецъ... того...

— И на лицѣ написано «мошенникъ».

— Заегозилъ прокуроръ.

— Какой тутъ смыслъ въ этомъ вопросѣ?

— Пирогами изъ буфета запахло...

Скорѣе ужъ кончали бы! Такъ спать хочется, что самаго прокурора на каторгу сослалъ бы.

очень легко справится со своею задачею. Доводы истцовъ такъ шатки и произвольны, что не могутъ отягчить собою вѣсовъ правосудія. Черезъ все дѣло явственно пробѣгаетъ одна и та же красная нитка. Эта нитка—зависть родственниковъ невѣстки и желаніе ихъ получить наслѣдство послѣ умершаго брата. Они выставляютъ свидѣтелей. «Но вы сами, гг. судьи, слышали этихъ свидѣтелей!» Докторъ Герундіевъ—медикъ очень старой школы. Это одинъ изъ тѣхъ почтенныхъ но чисто обывательскихъ врачей, которые удалясь отъ теоріи и руководясь единственно лишь одною практикою, безсознательно для самихъ себя допускаютъ въ своемъ леченіи тяжкія и крупныя заблужденія. Онъ лечилъ отъ безсилія, человѣка страдавшаго избыткомъ силъ! Онъ кормилъ больнаго какими то пилюлями своего собственнаго издѣлія. Онъ же самъ отзывался о болѣзни Лындина самымъ уклончивымъ и неопредѣленнымъ образомъ. У него кстати свои личные счеты съ г-жею Лындиною, которая не довѣряла его познаніямъ, и, будучи просвѣщенною и любящею супругою, ввела въ домъ истинную науку, въ лицѣ д-ра Фейтельсона. Повѣренный отвѣтчицы, конечно, не снизойдетъ до разбора какихъ-то кухонныхъ сплетень, заставившихъ, между прочимъ даже цвѣсти садъ въ концѣ марта мѣсяца. Онъ не позволитъ себѣ припутать къ этому дѣлу и совершенно сторонняго человѣка, случайнаго знакомаго Лындиныхъ, играющаго, по странному стеченію обстоятельствъ, столь роковую роль въ будущей судьбѣ мирно и безмятежно покоящагося въ колыбели младенца. Но Бураковъ не обойдетъ молчаніемъ того, что по справедливости должно быть выставлено на первый планъ. Онъ напоминаетъ судьямъ авторитетное, въ высшей степени интересное и чисто научное показаніе д-ра Фейтельсона. Онъ въ корнѣ убиваетъ всякія подозрѣнія. Онъ даетъ матери священнѣйшее право быть матерью. Оно подтверждается и безхитростными, но прямодушными и вполнѣ искренними поясненіями, данными здѣсь капитаномъ Прохоровымъ. Такъ, какъ онъ говорилъ,—такимъ тономъ, такими словами, съ такимъ волненіемъ—могутъ говорить только люди, заслуживающіе полнаго и безграничнаго довѣрія. «Вы не дадите, гг. судьи, заканчиваетъ Бураковъ, восторжествовать въ данномъ случаѣ зависти надъ правдою, ухищреніямъ надъ справедливостью и жадности пришлыхъ сторонихъ людей надъ покоемъ этой маленькой осиротѣвшей семьи!» Затѣмъ, онъ садится, смотря на Вуколова, какъ на убитаго и распростертаго гладіатора.

Тов. прокурора Варпасовскій говоритъ послѣднимъ. Заключеніе его не отличается большою опредѣленностью.

Древніе римляне называли гражданское право jus strictus — заявляетъ онъ. Этимъ они хотѣли указать на точность, строгость, соразмѣрность гражданскаго законодательства, на то обстоятельство, что всякій случай и каждое явленіе найдутъ для себя въ области гражданскаго права достодолжную оцѣнку. Право вообще и гражданское въ частности дол-

жно стоять на стражѣ приватныхъ интересовъ, распредѣляя каждому по заслугамъ его, въ силу извѣстной своей мудростью формулы suum cuique tribuere. Гражданское право—публичное право. Оно существуетъ для блага общества гражданъ—propter utilitatem publicum. «Такъ, продолжаетъ прокуроръ, и въ отношеніи къ данному дѣлу. Внимательно разбираясь въ немъ, вы усмотрите, что каждая сторона имѣетъ свои доводы, что общій взглядъ на дѣло зависитъ отъ избранной точки зрѣнія и что придавая значеніе мотивамъ *за*, невозможно оставлять безъ вниманія и мотивы *противъ*. Въ соотвѣтственномъ соглашеніи между собой этихъ мотивовъ, въ выясненіи внутренней матеріальной справедливости даннаго дѣла, въ освѣщеніи его съ разныхъ сторонъ и подъ разными углами и будетъ заключаться, смѣю думать, единственно правильный исходъ настоящаго процесса. Я кончилъ».

Предсѣдатель поочередно наклоняясь къ членамъ, кратко совѣщается. Адвокаты набиваютъ портфели бумагами и захлопываютъ ихъ. Жена аптекарскаго помощника подходитъ къ Вуколову и напираетъ на него, размахивая руками. Вуколовъ снисходительно улыбается и качаетъ головою. Публика встаетъ съ своихъ мѣстъ и налегаетъ въ ожиданіи рѣшенія.

Предсѣдатель читаетъ: «въ виду сложности дѣла объявленіе резолюціи отлагается на двѣ недѣли».

Княгиня Лянинова, опираясь на руку воспитанницы, грузно спускается съ лѣстницы и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ:

— Mais, enfin... Qui est le père de ce pauvre enfant?

Плоская дѣвица краснѣетъ въ отвѣтъ, отъ смущенія.

Процессуальное резюме:

I.

Вся суть громкаго лындинскаго процесса только въ томъ,—какъ было дѣло.

Такъ? или—

II.

или— *Такъ?*

IV.

РУКИ И ДЕНЬГИ.

ВЪ ГОРОДСКОМЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

Загрязненныя, отъ прикосновенія безчисленныхъ рукъ, двери на пружинѣ, то и дѣло хлопаютъ. Кургузыя пальто и степенныя шубы быстро вбѣгаютъ и грузно входятъ по нѣсколькимъ ступенямъ параднаго банковаго подъѣзда. Передняя совсѣмъ пуста. Въ ней никто не раздѣвается. Посѣтители въ верхнемъ платьѣ входятъ въ большую, со многими окнами, комнату, раздѣленную на двѣ половины массивною точеною баллюстрадою. За столомъ, отведеннымъ въ распоряженіе публики и щедро усыпаннымъ пескомъ, одни пишутъ, другіе, слюня пальцы, пересчитываютъ пачки кредитокъ, обернутыя розовыми бандеролями, третьи, постукивая пальцами по столу, нетерпѣливо ждутъ своей очереди. На стулѣ сидитъ юркая и франтоватая дама, въ бархатной шубкѣ, съ собольей муфточкой. Вдоль перегородки, гуськомъ, медленно подвигается, застрѣвая у разныхъ конторокъ, десятокъ разношерстныхъ лицъ, главнымъ образомъ принадлежащихъ, судя по костюмамъ, къ купеческому и дѣловому люду. За первою отъ входа конторкою, весьма помѣстительною на четырехъ, командуетъ Никита Ильичъ Булановъ, начальникъ вексельнаго отдѣленія. Это—молодой человѣкъ, бойкаго и начальствующаго вида. Онъ зять директора и получилъ свое коммерческое образованіе въ одномъ изъ большихъ московскихъ банковъ. Переѣзжая изъ Бѣлокаменной въ заурядный губернскій городъ, онъ привезъ съ собою: страсть къ «баккарѣ», привычку обѣдать

не раньше шести часовъ и двухколесный велосипедъ, какъ весьма наглядное доказательство своего ближайшаго родства съ «высшею цивилизаціею». Булановъ держитъ въ своихъ рукахъ руль банка и вертитъ имъ, отчасти подъ вліяніемъ тестя фабриканта, отчасти по своему личному усмотрѣнію. Это—большой прохвостъ, но скользкій и «лакированный». Въ его распоряженіи—помощникъ, съ вѣчнымъ флюсомъ, съ рыженькою бородкою, въ голубыхъ консервахъ, и два конторщика, «лица безъ рѣчей». Передъ Булановымъ раскрытъ гроссбухъ—въ кожанномъ переплетѣ, съ мѣдными наконечниками. Булановъ, чмокая языкомъ, отпиваетъ глотокъ холоднаго чая, затягивается до глубины, «до пупка», крученою папиросою и выпуская, откинувшись назадъ, концентрическія кольцы дыма, говоритъ стоящему съ той стороны баллюстрады купчику, въ лисьей шубѣ съ бобровымъ воротникомъ:

— Ничего не могу. Разъ сказано.

— Позвольте, Никита Ильичъ. Самъ я домовладѣлецъ. Потомъ же и купецъ. Ну, а какъ теперь общественный банкъ, такъ какъ же моего векселя не принять то? Онъ, какъ есть, во всей правильности и съ надлежащей бланкой. Платежей мы не задерживаемъ. Посылать къ намъ не надо. Сроки въ точности знаемъ. Такъ въ чемъ же можетъ быть препона?

— Не могу-съ и не могу, равнодушно покачиваясь на табуретѣ, повторяетъ Булановъ. Идите къ «самому»,—добавляетъ онъ затѣмъ, какъ бы въ утѣшеніе.

— Былъ-съ.

— Ну и что же?

— Къ вамъ отослалъ. Ничего, говоритъ, не знаю. На то, говоритъ, есть вексельное отдѣленіе. Тамъ, говоритъ, ваше дѣло справятъ. А вы опять же меня къ Петру Тимоѳѣевичу шлете.

— Не могу-съ и не могу. Даромъ не стойте. Тутъ на юру еще простудитесь. Головное круженіе получите и нужно будетъ лѣтомъ въ Кунавинѣ у цыганъ лѣчиться. Проваливайте. Народъ не задерживайте.

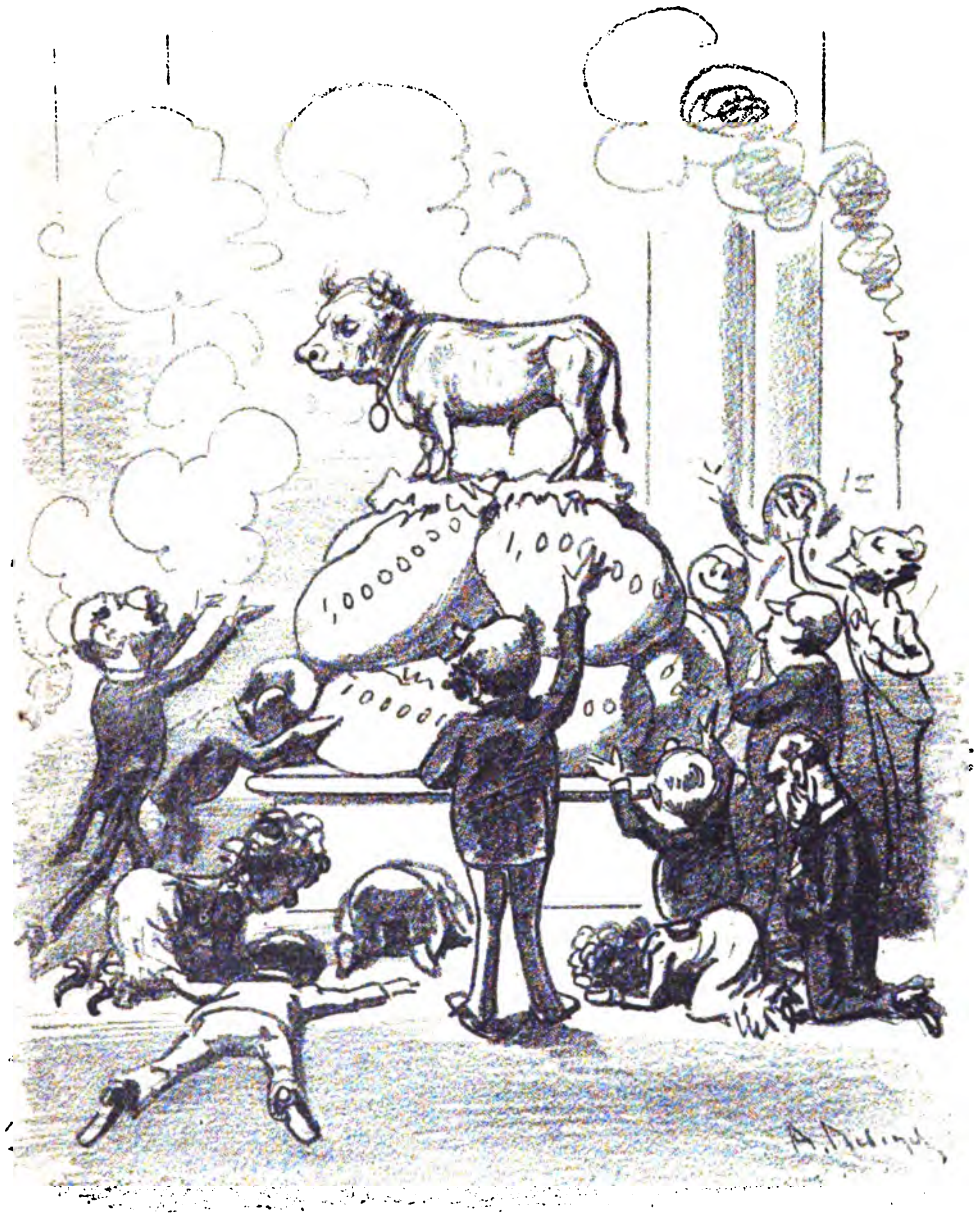
Булановъ протягиваетъ руку за векселемъ къ рябому толсторожему артельщику, въ пальто съ барашковымъ воротникомъ.

— На сколько? спрашиваетъ онъ лаконически.

— Двѣ тысячи триста.

Булановъ, молча, переворачиваетъ вексель и на одномъ уголкѣ его быстро выводитъ краснымъ карандашемъ маленькій, едва замѣтный кружочекъ. Этимъ знакомъ принято отличать въ банкѣ «свои» векселя отъ чужихъ.

Современный Ваалъ.



— О, великій гражданинъ!
— Неподражаемый благодѣтель роднаго города!
— Отецъ — покровитель!
— Внемли намъ и

. . . . . .

Пообчисти всѣ наши карманы!...

Между двумя этими категоріями существуетъ бездонная пропасть. «Свои» векселя не проходятъ, а на лету проскакиваютъ, украсившись условнымъ кружечкомъ, всѣ банковыя формальности и перипетіи. Едва успѣвъ побывать въ рукахъ Буланова, такой вексель уже, не дожидаясь очереди, размѣнивается въ кассѣ. «Свои» векселя не подлежатъ никакой предварительной оцѣнкѣ. Для нихъ нѣтъ ни затрудненій въ кассовой наличности, ни поздняго часа, ни даже праздничныхъ дней. «Свои» векселя составляютъ привиллегію небольшаго круга лицъ. Въ составъ послѣдняго входятъ члены правленія общественнаго банка, городской голова, члены городской управы, нѣсколько вліятельныхъ гласныхъ, назначаемые думою ревизоры городскаго банка, нѣсколько крупныхъ коммерсантовъ, связанныхъ узами дружбы съ директоромъ банка, и вся торгующая и подрядничающая родня послѣдняго въ мужскомъ колѣнѣ. Для «книжнаго разнообразія» въ банковыхъ гроссбухахъ, «свои» векселя нерѣдко пишутся разными подставными кавалерами. Петръ съ улицы приноситъ свой вексель, съ бланкомъ Ивана съ улицы, и безпрепятственно учитываетъ, а деньги получаетъ Сидоръ, въ банкѣ сидящій и лапу сосущій. При этомъ, и Петръ, и Иванъ, и Сидоръ—всѣ одинаково довольны. Въ силу обычнаго права «свои векселя» безъ всякихъ хлопотъ переписываются и никогда не протестуются. Незачѣмъ хорошимъ людямъ непріятности дѣлать. Извѣстная часть «своихъ» векселей ежегодно отбирается въ сторону, признается безнадежною и безслѣдно списывается со счетовъ. Это очень печально, и огорченный директоръ гласно обѣщаетъ въ банкѣ «морду побить при встрѣчѣ» съ неисправными должниками, но нельзя же въ большомъ дѣлѣ совсѣмъ обойтись безъ потерь.

«Свои» векселя могутъ быть подраздѣлены, по своимъ качествамъ и особенностямъ, на четыре разряда:

Первый разрядъ—самый лучшій. Платежи по нимъ не поступаютъ, но векселедатель охотно платитъ *наличными* деньгами слѣдующіе съ него проценты и вексельной бланкъ.

Второй разрядъ—средній. При перепискѣ этихъ векселей, проценты прибавляются къ долговой суммѣ и только уже одинъ гербовый сборъ уплачивается векселедателемъ.

Третій разрядъ – огорчительный, когда наличными совсѣмъ уже ничего не платится и когда какъ проценты, такъ и даже стоимость гербовой бумаги прибавляется къ прежней долговой суммѣ.

Наконецъ *четвертый* разрядъ — «разбойничьихъ векселей», когда безштанный должникъ совсѣмъ переписывать не хочетъ своихъ обязательствъ, когда онъ заявляетъ, что ему «плевать на всякіе протесты» и когда банкъ, не желающій объявить о потерѣ, еще самъ долженъ заплатить наличными—хотя бы красненькую или бѣленькую,—векселедателю за подновленіе имъ своего векселя. На свѣтѣ нѣтъ уже печальнѣе такой операціи.

«Чужіе» векселя—незванные гости. Они только терпимы. Въ силу устава имъ нельзя воспретить входа въ банкъ, но всегда можно указать на выходъ. «Чужіе» векселя, это—обязательства разныхъ посторонникъ банку лицъ, быть можетъ, вполнѣ исправныхъ, благонадежныхъ и несомнѣнно кредито-способныхъ, но принадлежащихъ къ той внѣшней, сторонней публикѣ, для которой спеціально существуетъ неразрѣшимый вопросъ: «чорта ли намъ въ ней»? «Чужіе» векселя, попавъ въ банкъ, ползутъ черезъ пень и колоду. Въ особенно благопріятныхъ случаяхъ испрашиваемая вексельная сумма хотя и выдается, но уменьшается на половину, съ повышеніемъ по крайней мѣрѣ на одинъ учетнаго процента. По отношенію къ «чужимъ векселямъ», принимается въ руководство то начало, что чѣмъ меньше человѣкъ долженъ, тѣмъ онъ ѣстъ вкуснѣе и спитъ спокойнѣе. Очень справедливо. Часто капризничаютъ въ банкѣ насчетъ бланкодателей. Банкъ особенно любитъ ручательства нѣкоего мѣщанина Парфена Кутузова, въ домѣ котораго живетъ Булановъ. Кутузовъ, впрочемъ, человѣкъ обязательный и услужливый: онъ охотно даетъ бланки и знакомымъ и незнакомымъ, но требуетъ отъ пяти до десяти процентовъ коммиссіи съ учитываемой суммы. За то векселя украшенные малограмотною бланковою подписью банковаго фаворита, не знаютъ отказа. Парфенъ Кутузовъ, со своей стороны «понимаетъ честь» и каждую субботу, вечеркомъ, послѣ всенощной, сводитъ за чаемъ, раскрывъ маленькую записную книжечку, счеты со своимъ могущественнымъ жильцомъ-благодѣтелемъ. Никита Ильичъ, конечно, себя не обижаетъ, но и Парфену жить даетъ. Земля не на оси, а на взаимномъ довѣріи и одолженіи вертится.

Но огромное большинство «чужихъ» векселей, не заручившихся требуемымъ поручительствомъ, возвращается по принадлежности, или безъ всякихъ поясненій, или съ краткою оговоркою о томъ, что денегъ нѣтъ и что весь комплектъ дозволенной банку уставомъ учетной суммы вышелъ. Да оно въ дѣйствительности такъ и бываетъ, потому что у «своихъ» людей чужія деньги въ кассѣ никогда не залеживаются.

Принятый у рябаго артельщика вексель летитъ по ту сторону конторки. Помощникъ Буланова немедленно пишетъ ордеръ и, бросивъ его артельщику, говоритъ:

— Ступай въ кассу.

Благопріобрѣтатели.

— Съ маленькимъ бы рискомъ ничего!

— Нѣтъ, ты намъ настоящую, казенную, съ орломъ, бумагу подай. Знаемъ мы эти ваши фонды-бонды.

Только въ однѣ зелененькія серіи до сихъ поръ и вѣритъ. Sancta simplicitas.

— Мы завсегда такъ: либо панъ, либо—пропалъ.

Все еще присутствующій при этомъ стремительномъ дисконтѣ купецъ въ лисьей шубѣ удивленно качаетъ головою, плюетъ и, сказавъ довольно громко: «чистые мазурики!», суетъ ноги слона въ калоши гиппопотама.

Къ Буланову подходятъ другія лица.

Противъ сосѣдней, такой же просторной, конторки виситъ на стѣнѣ бѣлая картонная дощечка. Черными вырѣзными буквами на ней значится: «Бухгалтерія». Здѣсь происходитъ сводка, расчистка и упорядочиваніе всѣхъ банковыхъ манипуляцій. Въ то время какъ въ другихъ отдѣленіяхъ рыльцами роютъ, бухгалтеръ Чижиковъ хвостомъ всѣ слѣды заметаетъ. Онъ получаетъ самое крупное въ банкѣ жалованье и пользуется очень большимъ значеніемъ. На службу приходитъ онъ поздно, работаетъ лично мало и позволяетъ себѣ рѣшительно обо всѣхъ самые непочтительные отзывы. Любимая его фраза «каторжное дурачье». Чижиковъ настоящій «дока». Онъ спаситель, утѣшитель и покровитель, потому, что только бухгалтеръ можетъ, по словамъ директора, Петра Тимофѣевича Лабутина, всякое дѣло и въ порядкѣ и съ почетомъ представить. Лишь одинъ Булановъ немного смыслитъ въ бухгалтеріи. Для всѣхъ-же остальныхъ банковыхъ служащихъ, неисключая и самаго директора, бухгалтерія такая сложная, темная и хитрая наука, которая, обобщая дѣла банка, все нужное находитъ и все ненужное теряетъ. Чижиковъ тонко знаетъ банковую закулисную хронику и потому держитъ въ своихъ рукахъ правленскихъ воротилъ. Онъ читаетъ имъ нотаціи, дѣлаетъ предостереженія, учитъ уму разуму въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и требуетъ, кромѣ трехъ тысячъ жалованья, еще другой такой же суммы, въ формѣ «наградныхъ». Иногда онъ получаетъ и больше, потому что не церемонится. Если директоръ заартачится въ выдачѣ, бухгалтеръ плотно затворивъ двери директорскаго кабинета, весьма многозначительно говоритъ Петру Тимофѣевичу:

— Да вѣдь вы меня подъ бубноваго туза подводите! А я и то молчу. Если бы я только разсказалъ...

Но Петръ Тимофѣевичъ не любитъ, чтобы разсказывали то, что ему хорошо извѣстно. Бухгалтеръ немедленно получаетъ требуемую сумму и еще съ придачею рижской сигары.

Чижиковъ щелкаетъ костяшками и провѣряетъ банковый балансъ за истекшій мѣсяцъ, составленный его помощникомъ. Требуемое у него

однако не выходитъ. Сваливъ костяшки на бокъ, онъ вторично стучитъ ими и, наконецъ, обращается къ помощнику:

— Но вѣдь вкладовъ больше было?

— Я знаю, что больше.

— Такъ вы что же наврали?

— А то какъ же?

— Что, — какъ же? Мусорщики вы эдакіе!

— Нельзя иначе. Балансъ не сойдется...

— Ааа... Да. Хорошо. А какъ же со вкладами будетъ?

— На этотъ мѣсяцъ передвинемъ.

— Ну, а книги?

— Да вѣдь вы же сказали Николаю Николаевичу, чтобы онъ въ книгѣ вкладовъ чиселъ не выставлялъ. Ну, я и отобралъ за ноябрь столько вкладовъ, сколько мнѣ для счета надо. А остальные передвинемъ на декабрь.

— Такъ, такъ. Значитъ, въ строю и въ аккуратѣ.

И бухгалтеръ съ росчеркомъ подмахиваетъ, внизу отчета, свою фамилію, сдѣлавъ у буквы «Ч» огромный крюкъ съ брюшкомъ по срединѣ и закончивъ букву «ъ» красивымъ хвостомъ, на подобіе стрѣлки.

Далѣе слѣдуетъ «отдѣленіе вкладовъ, покупки и продажи процентныхъ бумагъ». Прежде, до изданія ограничительныхъ банковыхъ правилъ 1883 года, оно имѣло въ банкѣ первенствующее значеніе. Здѣсь были неисчерпаемыя золотоносныя розсыпи. Тутъ заключался «самый смакъ». Во первыхъ, публика относилась съ несравненно большимъ довѣріемъ къ помѣщенію своихъ сбереженій. Въ городѣ никогда не переводились наивные глупцы, которые приносили свои кровныя деньги, смиренно, по-долгу ждали очереди у банковой перегородки и, обмѣнявъ бумажки государственнаго банка, на какіе-то каллиграфически выведенные листы, уходили домой счастливые, довольные и сіяющіе. Во вторыхъ, свободное и повсемѣстное курсированіе вкладныхъ билетовъ, особенно при залогахъ и подрядахъ, служило прекраснымъ предметомъ спекуляціи и наживы. Вкладные билеты выдавались на прокатъ, въ обмѣнъ на простые векселя, и гуляли по міру, въ качествѣ анонимныхъ, прямо переходив-

Видимый текстъ съ невидимыми иллюстраціями банковаго гроссбуха.

Дебетъ. Ну, кажется объ ноги уже переломаны!
Кредитъ. Да и меня тоже изъ стула никогда не выпустятъ...

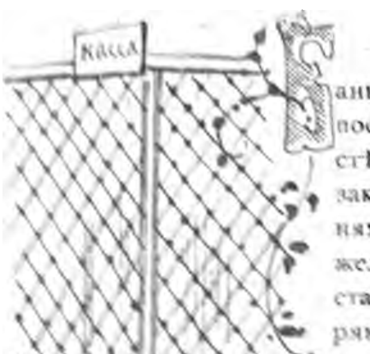
шихъ изъ рукъ въ руки «цѣнностей». Это былъ «золотой вѣкъ» исподвольнаго выщипыванія шерсти у дремлющихъословъ.

Но теперь новый банковый законъ сократилъ и видоизмѣнилъ блаженную, отлично шедшую операцію. У вкладныхъ билетовъ отняли то, что было въ нихъ самое лучшее—ихъ безъимянность. Ихъ приковали къ даннымъ лицамъ. Кромѣ того, курсированіе билетовъ ограничили райономъ одной губерніи. Кромѣ того публика, раскусила сущность «вкладной операціи», попятилась назадъ и только развѣ одни отцы духовные все еще вѣрятъ, что положенныя въ банкъ деньги такъ-таки и будутъ лежать въ немъ, банку на славу, а вкладчикамъ на прибыль. Но прежнія розсыпи давно изсякли, и директоръ банка Лабутинъ, проходя мимо отдѣленія вкладовъ, каждый разъ испытываетъ какое-то щемящее и меланхолическое чувство. Такъ проходятъ мимо могилы любимаго, безвременно погибшаго существа.

Завѣдующій же этимъ отдѣленіемъ, племянникъ по сестрѣ Лабутина, почетный гражданинъ Сивковъ, такъ близко принялъ къ сердцу роковой упадокъ своего отдѣленія, что перемѣнилъ прежде исключительно потреблявшіяся имъ виноградныя вина на «очищенную слезу» и пьетъ ее даже на службѣ, но только изъ фарфоровагочайника. У него, однако, «каменная голова» и единственными признаками осушенія чайника служатъ у Сивкова легкая икота, учащенное морганіе глазами и декламаціонное чтеніе сентиментальныхъ стиховъ, заученныхъ изъ «Московскаго Листка».

Процентныя бумаги покупаются и продаются только коммисіоннымъ способомъ. Самая популярная бумага,—выигрышные билеты обоихъ внутреннихъ займовъ. Въ лѣтописяхъ банка значатся два случая пятисотенныхъ выигрышей, выпавшихъ на билеты, пріобрѣтенные чрезъ посредство банка. Это придаетъ значительное обаяніе банковой коммисіи. Затѣмъ, чаще всего спрашивается восточный заемъ и закладные листы земельныхъ банковъ. Первый соблазняетъ своею солидностью, а вторые—процентною выгодностью. Богатые купцы требуютъ, впрочемъ, ради пестроты картинокъ, бумагъ «разныхъ фасоновъ» и для нихъ выписываются даже акціи желѣзодѣлательныхъ фабрикъ, паи сахарныхъ заводовъ и облигаціи отдаленнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ. Купцы хвастаются другъ передъ другомъ рѣдкими въ городѣ бумагами, по-долгу любуются изображенными на нихъ виньетками, гербами, водяными знаками, и когда одинъ изъ нихъ досталъ «Петра на лошадкѣ», фигурирующаго на кронштадскихъ кредитныхъ облигаціяхъ, то и другіе купцы непремѣнно потребовали себѣ точно такихъ же Петровъ на лошадяхъ. У этого отдѣленія всегда толпится чистая городская публика. Лица, которыя почему либо считаютъ «неловкимъ» лично покупать бумаги, посылаютъ своихъ дамъ, въ вуаляхъ и безъ вуалей. Дамы обыкновенно сидятъ какъ то

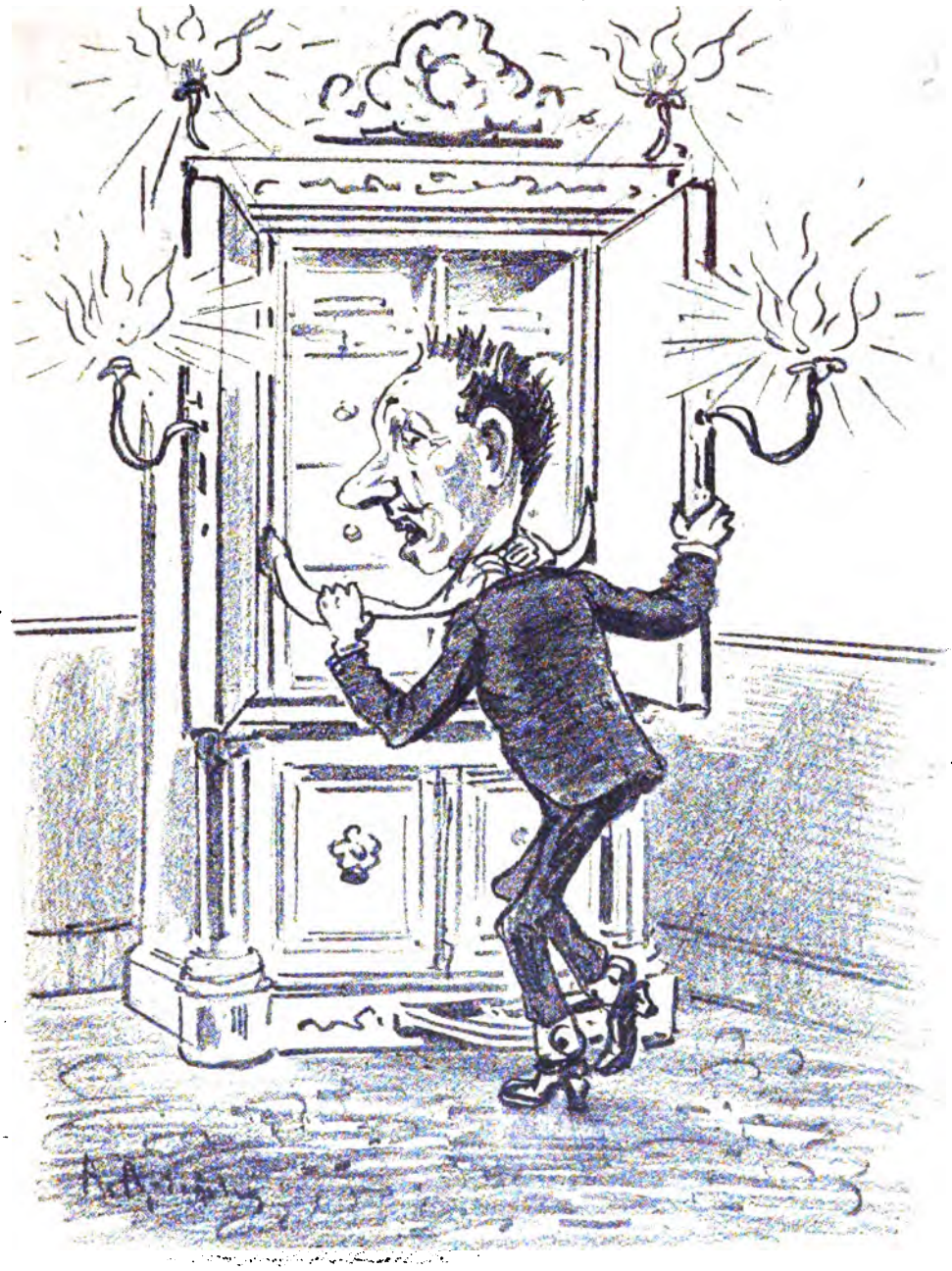
смущенно, по три раза просчитываютъ одну и ту же пачку денегъ, каждый разъ, досчитавшись до шестидесяти, останавливаются, спутываются, извиняются, вновь начинаютъ, боятся «мазуриковъ», недовѣряютъ служащимъ и безпощадно мнутъ процентныя бумаги, складывая ихъ, чтобы втиснуть въ портмонэ или за перчатку, въ восьмую или въ шестнадцатую долю. Старушки торгуются, какъ на рынкѣ, и надбавляютъ по гривеннику, при хохотѣ уткнувшихся носами въ книги конторщиковъ. Но такъ какъ въ губернскомъ городѣ всѣхъ знаютъ на перечетъ и каждая маскировка ведетъ лишь къ большей огласкѣ, то Сивкову стоило очень немного труда, чтобы освѣдомиться, что толстая дама, вѣчно жалующаяся на жару и имѣющая особую склонность къ выигрышнымъ билетамъ—жена командира артиллерійской бригады; что другая дама, у которой очень густая вуаль вся въ мушкахъ и громко щелкающій при затворѣ ридикюль—жена губернскаго архитектора и что третья наиболѣе усердная покупательница, до сихъ поръ еще исключительно вѣрующая въ серіи, дама, которая ходитъ присѣдая и носитъ шляпу на затылкѣ,—сестра, племянница или тетка, вообще persona grata мѣстнаго смотрителя интендантскаго склада. Нѣкоторыя привиллегированныя особы дѣлаютъ дѣла незримо. Такъ, полиціймейстеръ обмѣниваетъ свои «случайные остатки» отъ пожарнаго провіанта на процентныя бумаги прямо въ кабинетѣ директора, а къ управляющему желѣзною дорогою ѣздитъ на домъ, точно докторъ или фортепіанный настройщикъ, самъ Сивковъ. Свѣтъ вѣдь такъ коваренъ и злоязыченъ!



Банковая касса походитъ на маленькую крѣпость. Это—глухая клѣтка изъ рѣшетчатыхъ стѣнокъ, которыя укрѣпляются еще, при закрытіи кассы, прочными внутренними ставнями. Главная мебель ея—внушительный желѣзный шкафъ. Въ немъ три заходящіе стальные запоры и хитрѣйшій замокъ, отворяющійся лишь вслѣдствіе такого вращенія дверною пуговкою-ручкою вокругъ и около разныхъ буквъ, которое послѣдовательно перебереть всѣ буквы фразы «чѣмъ тебя я огорчила». Противъ шкафа—единственный [illegible] касса сообщается съ внѣшнимъ [illegible] съ желѣзною та-

Денежный шкафъ Эдиссона Бэля

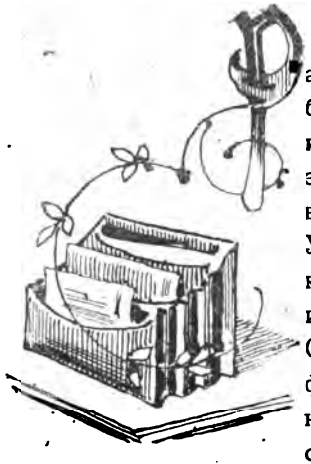
(привиллегированъ департаментомъ мануфактуръ и торговли).



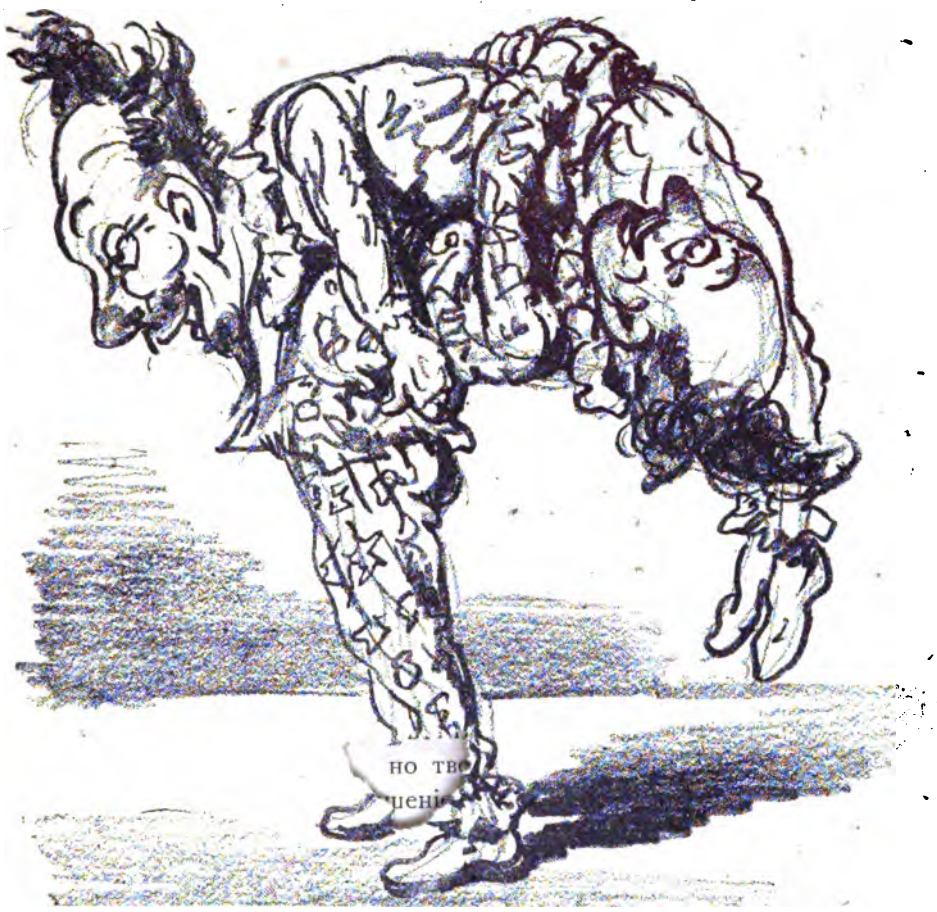
При открытіи шкафа похитителемъ, не знающимъ секретовъ, шкафъ зажигаетъ канделябры, стрѣляетъ изъ револьверовъ, звонитъ на ближайшей пожарной каланчѣ, играетъ на внутренней шарманкѣ и, схативъ злоумышленника желѣзными клещами за шею, принимается вальсировать, на мотивъ страусовскаго «Wein, Weib und Gesang».

релкою. Къ желѣзному шкафу придѣлано, ради безопасности, новѣйшее весьма остроумное электрическое приспособленіе. Оно заключается въ томъ, что, послѣ того какъ шкафъ запертъ извѣстнымъ только одному кассиру способомъ (изложеннымъ въ особой печатной брошюркѣ), его никакъ уже нельзя открыть или взломать безъ того, чтобы не зазвонилъ электрическій колоколъ, помѣщенный на сосѣдней полицейской каланчѣ и чтобы во всемъ помѣщеніи банка не зажглась внезапная иллюминація. Ради послѣдней, на каждомъ окнѣ банка стоятъ по двѣ свѣчи, соединенныя своими свѣтильнями съ электрическими, идущими отъ шкафа проволоками.

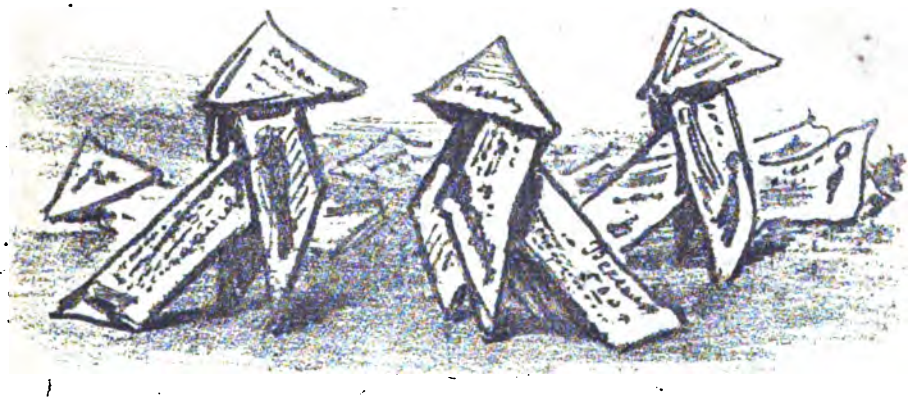
Кассиромъ состоитъ нѣкто Пшесцынскій, смирнѣйшій, исправнѣйшій и почтительнѣйшій человѣкъ въ банкѣ. Онъ приходитъ на службу съ аккуратностью полуденной пушки и уходитъ по указанію секундной стрѣлки. Все служебное время онъ безотлучно сидитъ у своего шкафа и единственныя развлеченія, которыя онъ себѣ позволяетъ, заключаются въ глухомъ, захватывающемъ кашлѣ и въ чтеніи «Нивы». Это—высокій худой брюнетъ, съ густыми бровями, съ привольнымъ, тщательно выбритымъ лицомъ, обрамленнымъ растительностью на американскій манеръ. Прежде онъ управлялъ имѣніями у богатаго пригороднаго помѣщика графа Лакримо-Кристи. Но Лабутинъ, узнавши отъ кого-то, что самыми исправными кассирами считаются почему-то поляки, сманилъ къ себѣ Пшесцынскаго и не могъ нарадоваться его дѣловитости. Кассиръ, изображалъ собою одушевленнаго манекена. Онъ выдавалъ деньги рѣшительно не входя въ разборъ, кому за что и почему. Также быстро учитывалъ онъ формальный ордеръ, какъ и записку карандашемъ, на оторванномъ лоскуткѣ газеты, скрѣпленную іероглифическимъ вывертомъ директора. Въ этомъ отношеніи Пшесцынскій всегда говорилъ, что воля директора для него—священный законъ и что если Лабутину угодно будетъ брать деньги изъ кассы, даже не по запискамъ, а на основаніи какихъ нибудь условныхъ мимическихъ знаковъ, выражаемыхъ хотя бы движеніемъ просовываемыхъ чрезъ рѣшетку пальцевъ, такъ и въ такомъ случаѣ онъ ровно ничего противъ имѣть не будетъ. Въ такомъ почтительномъ согласіи на все явственно, слышится однако довольно злая иронія. Пшесцынскій—человѣкъ совершенно безстрастный. Онъ любитъ только, какъ уже сказано, свой кашель и свою «Ниву». Дамъ онъ боится, дѣтей избѣгаетъ, съ мужчинами не знается. Кода онъ считаетъ деньги,—похожъ на монаха, считающаго четки.



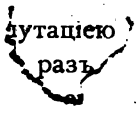
Разъ въ годъ, въ апрѣлѣ или въ маѣ, жалуетъ въ банкъ думская ревизіонная коммиссія. Она состоитъ изъ трехъ гласныхъ, выборъ которыхъ заранѣе, за кулиссами, подготовляется городскимъ головою Папкинымъ, личнымъ другомъ Лабутина. Уже четвертый годъ, какъ персоналъ ревизіонной коммиссіи остается неизмѣннымъ. Отъ добра не ищутъ добра. Въ составъ его входятъ гласные Спицынъ, Тартаковъ и Миллеръ. Первые два въ финансовыхъ дѣлахъ рѣшительно ничего не понимаютъ. У Спицына бакалейная торговля; онъ самъ заправляетъ ею, никогда не ходитъ въ коммиссію, а послѣ окончанія провѣрки, разомъ «оптомъ» подписываетъ всѣ книги и журналы. Бывая въ банкѣ, онъ болѣе потѣетъ, чѣмъ говоритъ, всѣмъ низко кланяется и постоянно въ чемъ-то извиняется. Надъ нимъ смѣются. Чижиковъ ему сказалъ, что «Saldo» значитъ по французски «хорошо» и онъ этому повѣрилъ. Тартаковъ, — маленькій домовладѣлецъ; служитъ секретаремъ въ земской управѣ и очень друженъ съ Чижиковымъ. Наконецъ, Миллеръ—тоже домовладѣлецъ—тонкій и пронзительный «выжига-нѣмецъ», нѣкогда служившій на желѣзной дорогѣ. Онъ пользуется въ думѣ репутаціею сквознаго дѣльца, безпощаднаго обличителя и за это каждый разъ избирается въ ревизіонную коммиссію. Миллеръ въ первый годъ ревизіи дѣйствительно нагналъ страху, собравъ всѣ книги, потребовавъ оправдательные документы и начавъ внимательнѣйшимъ образомъ перелистывать вексельный портфель банка. Правленіе не знало, что и дѣлать съ этимъ львомъ рыкающимъ. Но когда директоръ, рѣшивъ прибѣгнуть къ сильному героическому средству, заперся на полчаса съ ревизоромъ въ своемъ кабинетѣ, и когда весь рѣшающій разговоръ прошелъ у нихъ удивительно спокойно и гладко, безъ вопросительныхъ знаковъ съ одной стороны и восклицательныхъ—съ другой, то раскрытыя книги закрылись, кипы наваленныхъ документовъ разсѣялись и связанные въ пачки векселя мирно обрѣли свое обычное мѣстечко. Ревизіонная коммиссія, въ общемъ, держитъ себя независимо и съ достоинствомъ: воздавая банку должное и выставляя передъ думою его торговыя и промышленныя заслуги для города, коммиссія тѣмъ не менѣе не обходитъ молчаніемъ и замѣченныхъ ею упущеній. Такъ, въ послѣднемъ своемъ ревизіонномъ докладѣ городской думѣ, она совѣтовала банку еще большую осторожность въ учетѣ векселей, настаивала на необходимости хлопотать о расширеніи банковаго устава, предлагала вывѣшивать на видномъ мѣстѣ въ банкѣ торговыя и



«Дружескіе векселя» или взаимная постановка другъ друга на ноги.



Финалъ протестованныхъ векселей.


утацією
разъ

биржевыя телеграммы и находила, что восемь рублей сорокъ копѣекъ, заплаченныя за починку плетеныхъ сидѣній у стульевъ, ошибочно занесены въ графу текущихъ расходовъ такъ какъ имъ надо было бы фигурировать въ графѣ «погашенія по обзаведенію». Дума, выслушавъ отчетъ коммиссіи, рукоплескала ревизорамъ и занесла въ журналъ признательность городскаго общества правленію банка. Словомъ, все прошло, какъ нельзя лучше.

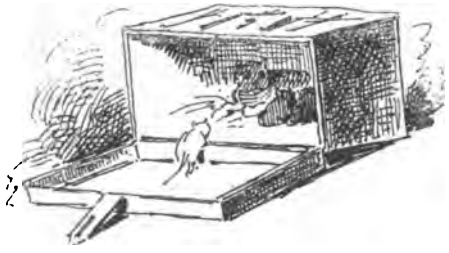
Петръ Тимофѣевичъ Лабутинъ скакалъ въ одно время, точно цирковый наѣздникъ «высшей школы», на парѣ. Онъ былъ и городскимъ головою и директоромъ городскаго банка. Но все тотъ же каверзный законъ 1883 г. заставилъ его избрать одно изъ двухъ: почетъ или деньги. Такъ какъ онъ достаточно уже наглядѣлся на почетъ, то выбралъ деньги. Богатый фабрикантъ и первостатейный купецъ, карточный партнеръ губернатора и излюбленная овца архіерейскаго стада, Лабутинъ розыгрывалъ и въ банкѣ роль радѣтеля городскихъ интересовъ. Онъ скромно, но твердо отказался отъ директорскаго жалованья, приведя своимъ рѣшеніемъ всю думу въ шумное умиленіе. Его избрали директоромъ единогласно. Его даже не подвергали баллотировкѣ. Всѣ гласные встали и единодушно сказали: «просимъ, просимъ и просимъ». Такъ только въ Римѣ избирали консуловъ. Петръ Тимофѣевичъ, слегка поломавшись, уступилъ, благодарственно пожимая руки на право и на лѣво.

Лабутинъ царствуетъ въ банкѣ единолично, стрижа и брѣя по всѣмъ статьямъ. Обладая большою фабрикою и ведя значительныя дѣла, онъ превратилъ банкъ почти въ свою собственную контору. Прежде всего, онъ подобралъ служащихъ изъ числа преданныхъ ему «сродственниковъ» и прихвостней. Затѣмъ, онъ объявилъ двумъ своимъ товарищамъ, членамъ правленія банка, что финансовое дѣло—«чуткое дѣло», что многоглавіе ведетъ къ междуусобію и что *онъ* отвѣчаетъ за банкъ и именемъ и капиталомъ. Товарищи тогда рѣшили пріѣзжать въ банкъ только пять разъ въ мѣсяцъ: четыре раза для подписыванія журналовъ и пятый—для полученія жалованья. Ведя личную дружбу съ головою, открывъ кредитъ членамъ управы и сплотивъ, путемъ вексельныхъ одолженій, компактное большинство въ думѣ, Лабутинъ взмахнулъ крыльями

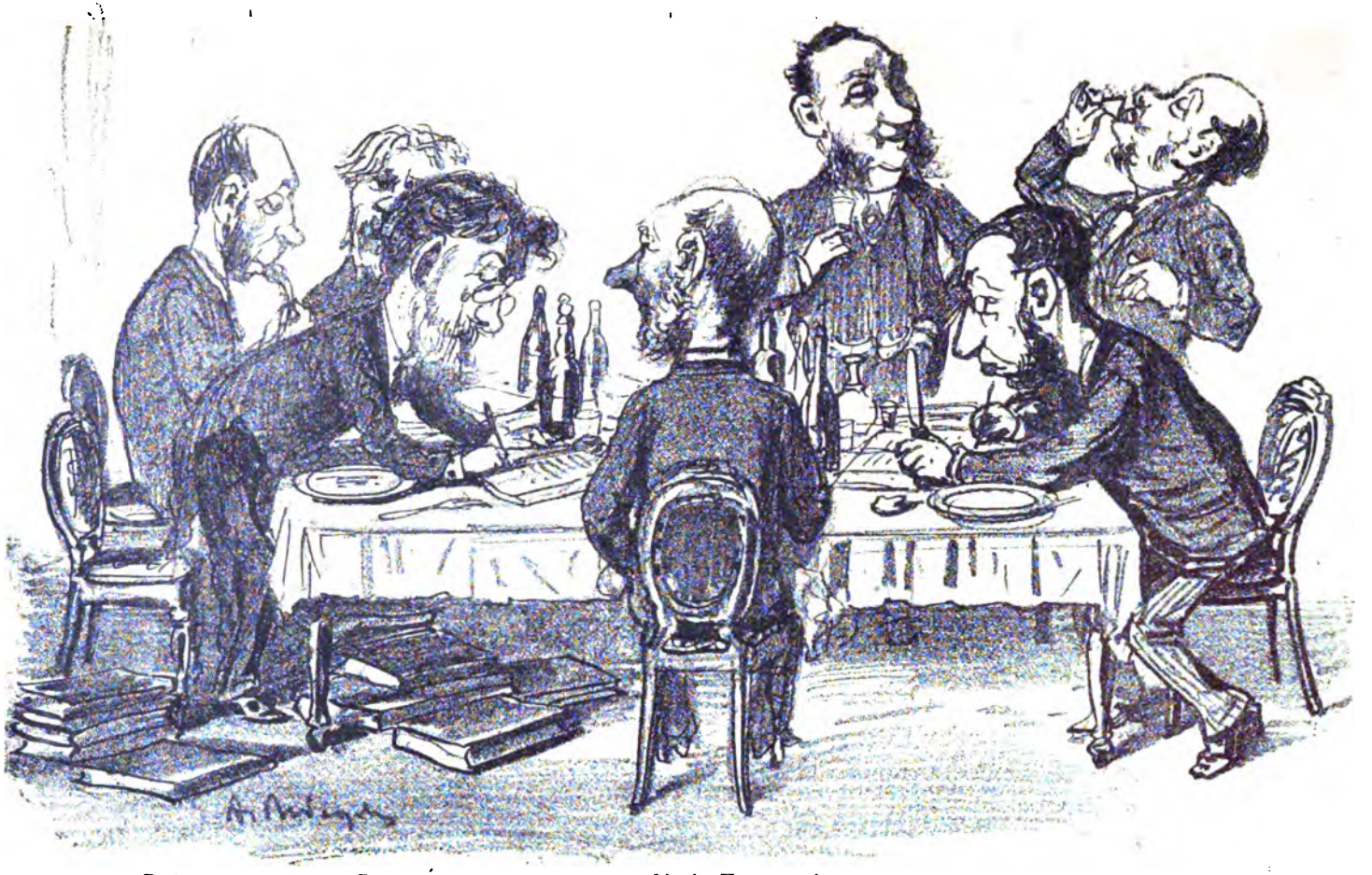
и орломъ воспарилъ надъ банкомъ. Онъ дисконтируетъ всѣ нужные ему векселя чрезъ посредство подставныхъ лицъ. Онъ имѣетъ обычай, нуждаясь въ деньгахъ, дважды закладывать однѣ и тѣ же свои процентныя бумаги: одинъ разъ оффиціально—въ своемъ же банкѣ, а другой разъ неоффиціально, чрезъ посредство Пшесцынскаго, въ мѣстномъ отдѣленіи государственнаго банка. Онъ распоряжается кассою, посылая ей простые лоскутки, истощая наличность и обмѣнивая ихъ, когда заблагоразсудится, на деньги или на векселя. Онъ очень умѣло держитъ въ своихъ рукахъ все мѣстное дѣловое купечество, потакая нужнымъ друзьямъ и захлопывая двери передъ носомъ недругамъ и нейтральнымъ. Онъ же прославляетъ свое имя и въ лѣтописяхъ роднаго города, ежегодно выкидывая, отъ лица банка, какія-нибудь филантропическія или гражданскія штуки. Банкъ постоянно отчисляетъ на нихъ особыя суммы, представляющія собою чистую прибыль отъ его операцій. Банкъ учредилъ одну школу для дѣтей покинутыхъ солдатскихъ женъ. Банкъ разбилъ городской скверъ. Банкъ подновилъ пожарный обозъ. Банкъ ассигнуетъ субсидію городскому театру. А въ будущемъ банкъ еще имѣетъ въ виду: устроить безплатныя купальни на рѣкѣ, вооружить револьверами будочниковъ, заказать на свой счетъ номерныя дощечки для всѣхъ домовъ и соорудить фонтанъ съ бассейномъ противъ клуба.

Петръ Лабутинъ не знаетъ никакой исторіи. Богиня Исторіи представляется ему не иначе, какъ въ трактирной обстановкѣ и съ подбитымъ глазомъ. Но если бы ему было извѣстно, что былъ во французской исторіи такой король, который говорилъ, что «государство—это я», то Лабутинъ, не то хваля такого шустраго правителя, не то остря надъ нимъ, непремѣнно сказалъ бы «а банкъ—это я».

Онъ боится только одного—казенной ревизіи, которая шкваломъ налетѣла бы изъ Петербурга. Но, во первыхъ, нечего ей летѣть безъ нужды и зова, а во вторыхъ, чортъ вовсе не такъ страшенъ, какъ его малюютъ, потому что этотъ чортъ—человѣкъ, а насчетъ человѣка давнимъ давно очень справедливо и вполнѣ успокоительно сказано: «всѣ-то мы вѣдь люди и всѣ—человѣки»...



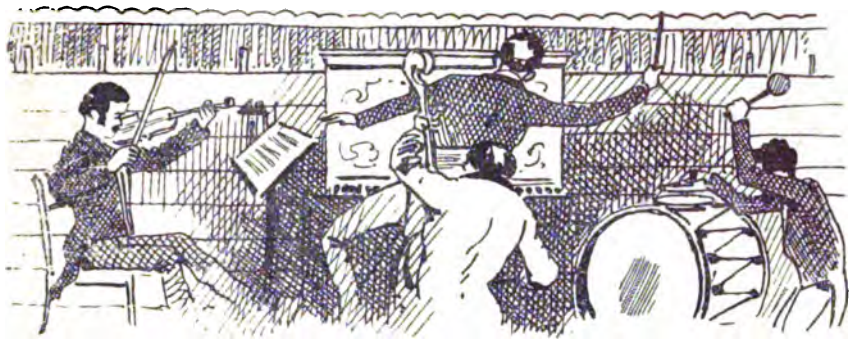
Думская ревизія городскаго банка.



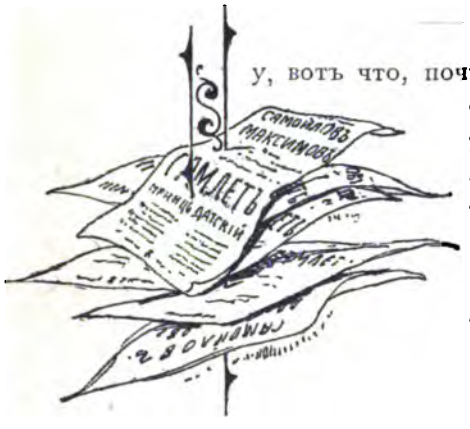
— Рябиновка отличная. Видна художественная рука Маріи Петровны!
— А и балычекъ-то у васъ привозный: дружескій и непротестуемый.
— Позвольте, тутъ какъ бы ошибка, если не ошибаюсь: 5142 р. 26 к. + 1804 р. 7 к. = 3.622 р. 4½ к. Точно будто неточно.
— И охота. Да бросьте вы, Сергѣй Николаевичъ, эту цифирщину и двигайте книгу въ обходъ. Форшмакъ стынетъ.

V.

КОМИКИ И ТРАГИКИ.



ПЕРЕДЪ БЕНЕФИСОМЪ ВЪ ЗАХОЛУСТНОМЪ ТЕАТРѢ.



У, вотъ что, почтеннѣйшій Гуттенбергъ... Да вы не обижайтесь. Я васъ не ругаю. Гуттенбергъ — изобрелъ книгопечатаніе, а вы его ведете. Значитъ, для васъ только лестно. Станьте-же на подобающую вамъ высоту и въ трезвомъ или хотя-бы и въ пьяномъ видѣ, — для меня, голубчикъ, это рѣшительно все равно, — но оправдайте упованія бенефиціанта. Мнѣ нужна, Акиндинъ Петровичъ, такъ сказать, имянинная афишка. Не афишка, а простыня, прокламація, новинка для всего города, воззваніе и къ умамъ, и къ сердцамъ, и къ глазамъ и къ карманамъ почтеннѣйшей публики. Сочинимте же, что нибудь совсѣмъ новенькое. Во-первыхъ, бумага должна быть афишечная, петербургская. Одинъ пріятель изъ сѣтовской труппы мнѣ уже выслалъ ее. Расцѣлуете эту бумагу, когда увидите. Бѣлый фонъ, а по бѣлому фону продольныя зеленыя и голубыя полоски. Такъ глаза у прохожаго точно щипцами и рветъ. Прелесть! Затѣмъ... позвольте однако, что же я васъ сигаркою не угощу. Первый сортъ. Гаванія въ Испаніи и Испанія въ Гаваніи. Хорошенько только раскуривайте и не плюйте — это такой сортъ сигаръ.

Говорящій — первый любовникъ и бенефиціантъ мѣстной труппы.

Это—высокій представительный блондинъ, актерски неопредѣленныхъ лѣтъ, претенціозный щеголь, съ pince-nez, заложеннымъ на лацканъ, съ очень толстою и ш[illegible]кою золотою цѣпочкою и съ фигурною булавкою,—револьверъ изъ крошечныхъ бирюзовыхъ камешковъ,—въ зеленомъ галстучномъ пластронѣ. Театральная фамилія его—Самойловъ-Максимовъ ходя, онъ шаркаетъ скрипучими ботинками на самыхъ тоненькихъ подошвахъ и старается говорить съ легкими юмористическими пріемами почти природнаго оратора; по контракту, долженъ получать 400 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ и два бенефиса; состоитъ однако великодушнѣйшимъ и крупнѣйшимъ кредиторомъ антрепренера, который и питаетъ поэтому къ своему первому любовнику страхъ, смѣшанный съ чувствомъ нѣжности и почтенія. Собесѣдникъ бенефиціанта—мѣстный типографщикъ и афишеръ, отставной наборщикъ главнаго штаба Акиндинъ Щербаковъ,—мелкій промышленникъ, близорукій, псаломческаго вида, имѣющій обычай запускать долги и начинать, а также и кончать каждый заказъ въ полупьяномъ видѣ. Осмотрѣвъ и обнюхавъ данную ему сигару, Щербаковъ закуриваетъ и комфортабельно разсаживается на театральномъ готическомъ креслѣ, съ золоченными ручками и алымъ суконнымъ сидѣньемъ.

— Ну, такъ вотъ, продолжаетъ первый любовникъ;—петербургская бумага, форматъ—аршинъ съ четвертью, кругомъ кайма чистымъ—слышите, почтеннѣйшій, чистымъ, а не пальцемъ мазаннымъ, — золотымъ тисненіемъ. Затѣмъ, вначалѣ афишки, все какъ подобаетъ и какъ властью установлено, черными фигурными шрифтами. Моя фамилія особою строкой и съ этакими—ну, какъ онѣ!.. финтифлюшками, хвостиками по бокамъ. Только замѣтьте, въ финтифлюшкахъ, а не въ ковычкахъ, какъ вы это Перцову сдѣлали. Въ ковычкахъ по смыслу—вы не понимаете, но это такъ,—совсѣмъ по-дурацки выходитъ. Потомъ, деревянными, самыми большими, буквами «Гамлетъ» и красною,—слышите, почтеннѣйшій, настоящею красною, а не рыжею, — краскою. Подъ «Гамлетомъ» внизу «принцъ датскій»,—буквы съ хвостиками. Потомъ, особою строкою «сочиненіе извѣстнаго англійскаго писателя В. Шекспира». Потомъ, списокъ дѣйствующихъ лицъ, но по актамъ. Передъ каждымъ актомъ въ скобкахъ, маленькимъ шрифтомъ, описаніе декорацій. Я ужъ это самъ все заготовилъ.

— А лица всѣ однимъ шрифтомъ?

— Какъ однимъ? Умный вы человѣкъ, Акиндинъ Петровичъ, такія не умныя слова говорите! Я вамъ сейчасъ карандашикомъ подчеркну. Ну, Клавдій, король Даніи, само собою разумѣется, большими буквами. Гамлетъ, принцъ королевскій—также, Полоній, великій каммергеръ—тоже. Потомъ... потомъ... потомъ, придворный посланникъ, Фортинбрасъ, норвежскій принцъ—тоже. А насчетъ дамъ, королеву Даніи, понятно, боль-

„Самъ“
(Антрепренеръ, онъ же и буфетчикъ).
Первый любовникъ.
Мѣстная энженю.
Комическая старуха.
Grrrande dame!
Трагикъ и злодѣй
Благородный отецъ.
Ламповщикъ и „второй“ комикъ.

шими и, пожалуй, Офелію. Только на счетъ Офеліи,—позвольте я сейчасъ вставочку сдѣлаю,—не просто печатайте дочь Полонія, а дочь великаго каммергера Полонія. Сердитѣе выйдетъ.

— Слушаемъ. Все будетъ въ точности, Александръ Николаевичъ... Позвольте спичечку-съ. Потухла сигарка.

— Какъ вы не умѣете курить! Вѣдь потухшая и вновь закуренная сигара, это все равно, что вышедшая замужъ дѣвица. Да кстати, ради Создателя, скажите вы вашей дочкѣ, чтобы она лучше корректуру держала. Вѣдь совсѣмъ неподобное выходитъ. Третьяго дня на аффишкѣ, въ водевилѣ, въ скобкахъ подъ названіемъ слѣдовало поставить по-французски—«a propos papa», а вышло «a prapas poro». Чортъ вѣдь знаетъ что такое. Ну... кажется все. Ахъ да? Совсѣмъ забылъ. Нужны вѣдь еще и маленькія карманныя аффишки для разсылки при почетныхъ билетахъ. Я вамъ писалъ о нихъ. Захватили вы виньеточки?

— Взялъ-съ. Только, знаете, не много, потому, что надобности мало встрѣчается. Къ объявленіямъ только виньетки и идутъ. Вотъ-съ... Я велѣлъ ихъ даже особенно оттиснуть. Уже сами выбирайте, какъ знаете. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

— Домъ... Херувимъ... Собачка... Фортепіано... Карета... Картузъ... Кухмистерскіе судки... Еще домъ... Кресло-качалка... Вѣялка хозяйственная... А это уже чортъ знаетъ что такое: лампа или дама въ модномъ костюмѣ?

— Какъ-же, помилуйте,—дама... только она стерлась немножко.

— Только и есть?

— Да, покуда. Новый прейсъ-курантъ отъ Франца Марка изъ Петербурга получилъ и лежитъ какъ есть на столѣ. Все собираюсь выписать.

— Эхма! Не процвѣтаютъ же у васъ художества, Акиндинъ Петровичъ. А мнѣ вѣдь нужны четыре аллегорическія виньетки. Надо въ каждомъ углу, между тоненькими линейками, по украшенію поставить. Дѣлать нечего! Возьмемъ, что есть... Ставьте тогда въ лѣвомъ углу, на верху афишки, фортепіано—концертная эмблема, въ правомъ—херувима—тоже театральное украшеніе. Даже на потолкахъ всегда голыхъ ангелочковъ пишутъ. Внизу, съ лѣваго края—жарьте гнутую качалку. Въ Америкѣ, говорятъ, всѣ кресла въ театрахъ такія. А съ праваго края внизу—юмористику подпустимъ. Изобразите картузъ: «наше, молъ, вамъ почтеніе, господа».

— А текстикъ, Александръ Николаевичъ, для маленькаго-то, карманнаго объявленія?

— Вотъ вамъ и текстикъ — въ стихахъ и съ каламбурцами. Самъ Шепталовъ сочинилъ. Оно, если хотите, глупо у него вышло, но складно и тепло... А теперь все уже, кажется. Ну, прощайте, почтеннѣйшій Гуттенбергъ.

Типографщикъ еще разъ раскуриваетъ совсѣмъ «обмертвѣвшую» сигару и, взглянувъ косо на сидящаго за столомъ антрепренера, провѣряющаго на счетахъ буфетную записную книгу, уходитъ.

— А на счетъ денегъ, кричитъ ему въ догонку первый любовникъ,— счетъ будете имѣть со мною. Приходите хоть съ солнечнымъ восходомъ, но только послѣ бенефиса... Будьте покойны—у меня какъ въ банкѣ.

— Такъ-то такъ, въ раздумьи бормочетъ типографщикъ, не имѣющій однако, вѣроятно, высокаго представленія о банкахъ, построенныхъ «на актерскихъ началахъ».

Въ театральной «конторѣ», представляющей собою маленькую душную, темную, спрятанную за кулисами комнату остаются Самойловъ-Максимовъ и антрепренеръ — Харлампій Гуровъ, толстякъ съ выпученнымъ животомъ; тоже весь бритый, но, по странному капризу природы, съ весьма высоко зачерченными бровями. Гурову лѣтъ подъ пятьдесятъ. По временамъ онъ отхлебываетъ холодный чай и щелкаетъ счетными костяшками. Гуровъ самъ же содержитъ у себя и театральный буфетъ.

— Да бросьте вы наконецъ считать буттерброды, да бутылки пива! Кухмистеромъ вамъ быть, какъ посмотрю я на васъ, а не антрепренеромъ. Подумайте объ искусствѣ хоть наканунѣ великаго дня столь скудно и неисправно оплачиваемаго первенца вашей труппы.

— Да ужъ не язвите, Александръ Николаевичъ, жалобнымъ тономъ отвѣчаетъ антрепренеръ.—Вонъ Лыткинъ одной водки на сорокъ рублей въ мѣсяцъ накачалъ, а вчера на репетиціи говорилъ, что «самый пустякъ» съ него слѣдуетъ. И народецъ-же! Да вамъ что-же собственно нужно, Александръ Николаевичъ?

— Какъ «что нужно»! Все нужно. Черезъ три дня бенефисъ, а ничего, какъ есть ничего, не сдѣлано. Это вѣдь уже совсѣмъ свинство! И не платите и ухомъ не ведете. Что же это такое? Мнѣ вѣдь, кажется, надо ставить «Гамлета» съ актерами, а не съ буттербродами. Гдѣ этотъ нашъ режиссеръ? Скажу болѣе: нашъ паршивый режиссеръ.

— Плотникъ, а плотникъ! кричитъ Гуровъ; — позови сюда Ивана Семеныча.

Входитъ Иванъ Семеновичъ—режиссеръ, онъ же и «простакъ». У него одутловатое красное лицо, младенческая голая голова и «апоплексическая» шея. Режиссеръ — въ малороссійской, съ елками и пѣтушками, рубашкѣ и длинномъ табачнаго цвѣта сюртукѣ. Фамилія его Лихаревъ;

I. Корифеи труппы.

Трагикъ.

— Мало, мало металла.

— Новое напоминаніе о долгѣ.

— Умри подъ ножомъ Прокопія Ляпунова.

Первый любовникъ.

— Какая-же купчиха устоитъ передо мною?

— Ха, ха, ха, ха, ха, ха! Вотъ, говоритъ, потѣха, Ей, ей, ей, ей-ей умру, умру отъ смѣха.

— Ты страсть, ты божество, ты святыня моя!

холостъ и не дурно продѣлываетъ на любительскихъ вечерахъ разные магическіе фокусы; у него хроническая хрипота, которою онъ хвастается, какъ врожденнымъ для простака комическимъ средствомъ. И антрепренеръ и первый любовникъ относятся къ Лихареву по начальственному.

— Надо съ вами, Иванъ Семеновичъ, на счетъ декорацій столковаться, говоритъ актеръ. «Гамлета» ставимъ. Вы понимаете, что это не—«Азъ и Фертъ». Тутъ нельзя нагромождать на сцену, что подъ руку попало. Тутъ—классика, да еще бенефисная классика.

— Ну что-жъ: и двинемъ ее.

— «Двинемъ»; да какъ двинемъ? Садитесь. Вотъ вамъ сигара. Хорошенько раскуривайте и не плюйте. Это такой сортъ сигаръ. Рѣшимте на счетъ обстановки. Слушайте: «Дѣйствіе I. Сцена I. Терасса передъ королевскимъ замкомъ».

— Есть. Сцена и будетъ терассою. А королевскій замокъ—конечно въ представленіи: будетъ за кулисами. Королевскаго замка нѣтъ у насъ. Сколько разъ я говорилъ Харлампію Сергѣевичу на счетъ королевскаго замка. Холстъ даже выписали; да художника взять не откуда. На одного, помните, въ Тулѣ наткнулись, да онъ на фабрикантшѣ самоваровъ женился и въ круговую зачертилъ.

— Ну, положимъ, огорченно тянетъ первый любовникъ,—пусть будетъ замокъ и за кулисами. Слушайте дальше: «на переднемъ планѣ стѣна замка съ бойницами; въ серединѣ стѣны выступъ, на которомъ расположена терасса; къ терассѣ ведутъ два входа; за стѣной видна верхняя часть дворца съ башнями и освѣщенными окнами. Часовые ходятъ по стѣнѣ взадъ и впередъ. Облачная, но лунная ночь, вѣтеръ». Вотъ какъ надо.

Гуровъ задумчиво молчитъ, наклонивъ голову на бокъ и вперивъ глаза въ потолокъ.

— Все это нужно упростить, Александръ Николаевичъ и даже значительно упростить. Замка у насъ нѣтъ, такъ и стѣны отъ замка тоже нѣтъ. Вмѣсто стѣны придется выдвинуть угломъ—этакъ съ лѣвой стороны—домикъ Клеретты изъ «Анго» или кабачекъ изъ «Птичекъ пѣвчихъ». А солдаты, конечно, могутъ ходить какъ сказано: взадъ и впередъ. На счетъ ночи—облачную сдѣлаемъ: пущу мрака, вотъ и облачность. Ежели вѣдь въ облачную ночь, такъ ничего и не видно. А съ луною бѣда, и не ходитъ, и не горитъ. Чинилъ тутъ ее нашъ ламповщикъ, да вѣдь развѣ это ламповщикъ? Пачкунъ. Копоть, смрадъ, удушье, того и гляди, пожаръ займется, а свѣту отъ луны никакого.

— Эхъ вы! А еще прозываетесь антрепренерами, да режиссерами. Ну, безъ луны обойдемся. Далѣе въ сценѣ IV сказано: «слышенъ вѣтеръ и шумъ волнъ». Можно это устроить?

— Вѣтра напустимъ. Велю отворить всѣ окна, такъ тутъ у насъ пойдетъ такой африканскій сквознякъ, что на ногахъ не устоишь. А

волны не отъ меня зависятъ. Это какъ будетъ угодно Харлампію Сергѣевичу.

— Чего тамъ еще, Харлампій Сергѣевичъ? откликается антрепренеръ.

— Да на счетъ волнъ говоримъ? Волнъ въ «Гамлетѣ» много. Пожарныхъ солдатъ брать надо. Если большая буря, такъ меньше 15 солдатъ никакъ не возможно.

— Плюньте, кратко отрѣзывается Гуровъ.

— Чего плюнуть-то? ажитированно переспрашиваетъ Самойловъ-Максимовъ.

— Да плюньте вы на эти самыя волны, вотъ и все. Не захотите ли еще океанъ поставить? Берите плотника, ламповщика, парикмахера, Мишку изъ буфета и пускай шумятъ; а на счетъ пожарныхъ прошу и не раздражать меня. Убѣдительно прошу, не раздражать!

— Такъ-то всегда у васъ, съ упрекомъ замѣчаетъ первый любовникъ. На пожарныхъ для Шекспира, для самаго Шекспира, раскошелиться не хотите. Тьфу! Ну, пойдемъ дальше. «Дѣйствіе III въ сценѣ III, должна быть молельня короля. Тутъ объ ней сказано: «готическая комната. Справа большое окно, съ цвѣтными росписными стеклами; передъ окномъ налой съ подушками на подножкѣ и открытой книгой»? Какъ съ этимъ быть?

— Книгу раскроемъ. Подушку положимъ. А на счетъ моленьни — вопросъ. Что хотите, то и выбирайте: либо опочивальню изъ «Іоанна Грознаго», либо тюрьму изъ «Летучей Мыши».

— Да какъ же датскаго короля въ опочивальню «Іоанна Грознаго» садить!

— Это какъ вамъ будетъ угодно, Александръ Николаевичъ. Берите тогда тюрьму изъ «Летучей Мыши». Другого ничего подходящаго нѣтъ. Я вѣдь наперечетъ знаю всѣ наши декораціи!

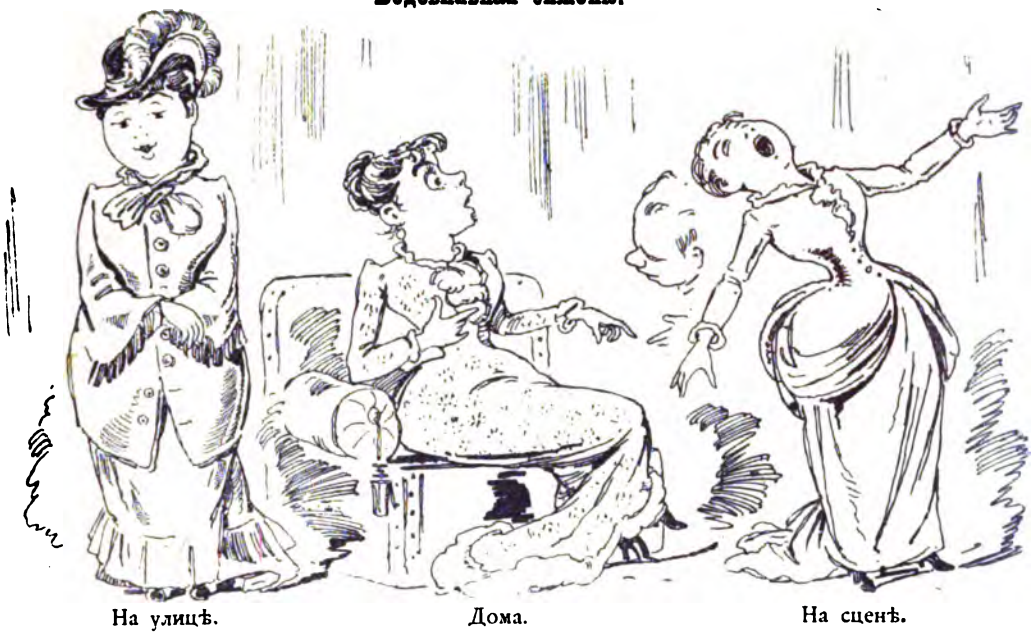
— Охъ, горе мое, горе съ вами, съ пачкунами, съ кухмистерами! Ставьте ужъ тогда опочивальню. Затѣмъ, есть еще закорючка въ V дѣйствіи. Тамъ изображено кладбище. Въ книгѣ сказано такъ: «множество готическихъ памятниковъ съ лежащими статуями; нѣсколько сосновыхъ деревьевъ между памятниками; вдали море, на первомъ планѣ начатая могила. Лунная и свѣтлая безоблачная ночь»!

— Тутъ опять большое упрощеніе потребуется, даже очень большое. Моря совсѣмъ не будетъ, потому Харлампій Сергѣевичъ солдатъ не даетъ. Деревьевъ наставимъ. Это можно. Ночь нужно опять сдѣлать облачною. А касательно готическихъ памятниковъ дайте подумать... Гм... Только и можно поставить пустые ящики, да закрыть ихъ простынями. Во мракѣ и будетъ выходить, какъ-бы на манеръ мраморныхъ мавзолеевъ.

Въ «контору» входитъ запасный плотникъ въ красной рубашкѣ.

II. Корифейки труппы.

Водевильная энженю.



На улицѣ. Дома. На сценѣ.

Комическая старуха.

Въ надеждѣ на прибавку. Въ размышленіи. Въ дѣйствіи.

— Иванъ Сяменычъ! Васъ на сцену требуютъ, зѣвая, баситъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! Ни минуты не дадутъ покоя. Ну, такъ все, Александръ Николаевичъ, по моей части?

— Что-жъ. Будемъ считать, что все! Да, еще Иванъ Семеновичъ, если Бровцына пріѣхала, такъ попросите ее сюда зайти. Она вѣдь Офелію играть будетъ.

Режиссеръ удаляется.

— Это конечно ваше дѣло, говоритъ Гуровъ бенефиціанту, столковаться съ Бровцыною. А только я вамъ долженъ сказать, что, какъ я слышалъ, бабенка капризничаетъ и можетъ даже намъ скандалу надѣлать. Она, сказываютъ, хочетъ играть Офелію на манеръ «Прекрасной Елены»: чтобы платье съ разрѣзомъ и чтобы куплеты ей пѣть.

— Что вы?

— Да ужъ это вѣрно. Услышите сами.

— Бойко шурша домашнимъ, но нарядным платьемъ, входитъ *энженю* Елисавета Николаевна Бровцына-Семигальская. Самойловъ-Максимовъ, не поворачиваясь къ ней, сидитъ въ размышленіи.

Вы что-то не веселы стали,
Скажите отчего? Пріѣздъ не впору мой?

Щебечетъ вошедшая, грибоѣдовскими стихами.

— Нѣтъ въ пору, Елисавета Николаевна. Намъ нужно съ вами толкомъ столковаться. Вы вѣдь—Офелія.

— Такъ что-же изъ этого?

— А изъ этого слѣдуетъ, прежде всего, то, что играть Офелію въ костюмѣ «Прекрасной Елены», извините,—никакъ невозможно.

— А, вамъ уже насплетничали? Я знаю! Это все Лисичкина. Тѣмъ лучше впрочемъ. Желала-бы я знать, почему невозможно?

Первый любовникъ, сдѣлавъ гримасу, медленно пожимаетъ плечами.

— Потому что не мыслимо, возражаетъ онъ, не вѣроятно, не принято. Это будетъ не Офелія, а каррикатура. На всю Россію просмѣютъ. Слыханное-ли дѣло: Офелія, да въ распоротомъ платьѣ.

— Александръ Николаевичъ! Это не ваше дѣло вмѣшиваться въ подробности дамскаго костюма.

— Позвольте! Какъ не мое дѣло, когда у васъ первая роль въ день моего бенефиса! Трагедія—не оперетка.

— Куда-жъ ей до оперетки! Скучищей убить хотите публику. Ну, и убивайте. А я вамъ въ этомъ дѣлѣ не пособница. Кажется, у меня есть, Александръ Николаевичъ, своя репутація, свое имя, свое положеніе и своя школа. Да и невѣроятнаго ничего тутъ нѣтъ. И Елена и Офелія, обѣ онѣ изъ королевской семьи. Вы бы еще благодарили меня за то, что я хочу оживить и освѣжить это ваше трагическое гробокопаніе... Но если такъ, если вы пристаете ко мнѣ съ какими-то замѣчаніями, да

выговорами, да упреками, такъ я и совсѣмъ играть не стану. Пускай Лисичкина играетъ; пускай изъ Офеліи судомойка выйдетъ.

— Елисавета Николаевна, я васъ не упрекаю. Я очень цѣню ваше участіе. А только въ вашихъ же интересахъ возраженіе дѣлаю.

— Александръ Николаевичъ, я сама наилучшая заступница за свои интересы. Или я играю и тогда прошу довѣриться моему вкусу и моей опытности, или я совсѣмъ не играю. Я не привыкла выслушивать нотаціи.

— Ну, Богъ съ вами! Мнѣ впрочемъ что! Не надомной потѣшаться станутъ. Но больше вы уже ничего отъ себя, надѣюсь, къ Шекспиру не прибавите?

— Нѣтъ прибавлю. Шекспиръ давно устарѣлъ. Я еще куплеты пѣть буду.

— Вы шутите?

— Нисколько. Публика любитъ веселыя вещи, а вашъ прославленный «Гамлетъ» такая тосчище, которую перенести совсѣмъ невозможно. Но я уже все обдумала и у меня будутъ куплеты въ послѣднемъ V дѣйствіи.

— Да гдѣ же и какъ вы ихъ тамъ приставите?

— Пожалуйста, не безпокойтесь. Это уже мое дѣло. Впрочемъ, если вы хотите знать, такъ извольте. Есть тутъ у васъ Гамлетъ. . Дайте его. Позвольте, сей часъ. Ну, вотъ... Сцена между могильщиками. Второй могильщикъ ушелъ. Первый могильщикъ роетъ землю и поетъ:

Былъ я парнемъ молодымъ,
Волочился смѣло,
Постарѣлъ—и вотъ, какъ дымъ,
Смѣлость улетѣла.

Тутъ я и пропою, что нибудь такое.

— Но вѣдь не вы же будете играть могильщика?

— Нѣтъ, не я.

— Такъ какъ же?

— Очень просто. Вставочку маленькую сдѣлать нужно.

— Въ «Гамлета» вставочку?

— Да, въ «Гамлета» вставочку. И очень она здѣсь будетъ, скажу я вамъ, кстати. Могильщикъ роетъ яму и поетъ. Въ это время къ нему приходитъ и приноситъ закуску молодая жена.

Антрепренеръ, заинтересованный разсказомъ, отодвигаетъ отъ себя счеты и, облокотившись на обѣ руки, принимается слушать.

— Такъ, такъ, одобрительно говоритъ онъ «звѣздѣ» своей труппы. Елисавета Николаевна всегда сочинитъ что нибудь веселенькое. Умница и паинька она у насъ. Ну, такъ что-жъ дальше? Приходитъ молодая жена могильщика и приноситъ закуску...

Въ суфлерской будкѣ.

Такъ подсказываютъ «истинному другу».

А такъ — «этому подлецу»...

— А эта молодая жена, захлебываясь и тороторя скороговоркою, продолжаетъ Бровцына, этакая веселая и беззаботная натура. А мужъ у нея могильщикъ и при томъ глухой, а дома у нея уланы стоятъ. Мужъ то поетъ про ушедшую молодость, а жена, которой жить еще очень хочется, ставитъ закуску и подходя къ рюмкѣ, исполняетъ подъ музыку «Ахъ, какъ я люблю военныхъ».

— Прошу не безпокоиться. За успѣхъ этой вставки *я* вамъ отвѣчаю.

— Чудесно! Превосходно! восторгается Гуровъ. Сафо, настоящая Сафо! Вашу ручку, Елисавета Николаевна. Вотъ онъ гдѣ, женскій геній, сказывается.

Самойловъ-Максимовъ ходитъ большими шагами по комнаткѣ.

— Что-жъ, пожалуй, соглашается онъ наконецъ. Пускай будетъ по вашему. Ново-то—ново. Къ тому же вамъ хлопать будутъ и приманка явится. Только вѣдь тогда аффишку передѣлать нужно.

— Разумѣется нужно, соглашается Бровцына.

— Ну, тогда я вставлю въ аффишку жену могильщика и обозначу ее, для сюрприза, тремя звѣздочками.

— Вотъ и прекрасно, щебечетъ порхающая актриса.—Какъ васъ, господа, всему учить надо! Ничего-то вы безъ насъ не стоили-бы. Ну, до свиданія. Позвольте, гдѣ же это однако мой нессесерчикъ? У меня вѣдь въ немъ—

Помада есть для губъ и для другихъ причинъ,
Съ духами стклянночка, резеда и жасминъ.

Прощайте, буки!

теперь, тяжело переводя духъ, говоритъ бенефиціантъ, намъ съ вами Харлампій Сергѣевичъ, кое о чемъ перетолковать надо.

— Да, нужно. Я тоже хочу сдѣлать кое-какія примѣчанія, особенно по цензурной части. Ну, говорите вы сначала.

— Вы мнѣ должны сдѣлать для бенефиса одну маленькую обновку. Смотрѣлъ я вашъ гамлетовскій костюмъ. Онъ требуетъ исправленія. Беретъ, кафтанъ, чулки, туфли, шпага, перо — все ничего, а панталоны никуда не годятся. Они совсѣмъ потерты, да и другого цвѣта. Пускай Мельгуновъ сошьетъ мнѣ бархатные панталоны. А не бархатные, такъ хоть плисовые, только черные, подходящіе.

— Александръ Николаевичъ, я къ вамъ какъ есть со всей душой...

Ничего не пощажу. То-есть, если бы вамъ понадобились брюки не то что изъ бархата, а изъ слоновой кожи, такъ и то я бы ихъ сшилъ съ истиннымъ удовольствіемъ. А только вы не въ духѣ пьесы затѣиваете эту реформу.

— Какъ не въ духѣ?

— Да такъ, что не въ духѣ. Въ вашихъ же интересахъ говорю я это вамъ. Мнѣ не жаль денегъ, и гамлетовскіе штаны у меня дѣйствительно старые, да потертые. И другого цвѣта, нежели весь костюмъ они. Это тоже вѣрно. Да, воля ваша, я ихъ не трону. И даже трогать-то нельзя. Иначе всю роль испортите.

— Да что вы глупости говорите! Испорчу роль тѣмъ, что новые штаны надѣну.

— Да, испортите. Страшно испортите. Вы извратите всего Гамлета. Вѣдь подумайте только. Кто такой Гамлетъ? Принцъ. Прекрасно. Но какой принцъ? Во-первыхъ, не расточительный принцъ, а во-вторыхъ еще, — вотъ въ этомъ-то главная суть и есть, — принцъ съумасшедшій. Съумасшедшій онъ принцъ, государь мой, а не просто принцъ. Ну, его скопидомнической, да полоумной натурѣ такіе штаны и слѣдуетъ... Нѣтъ, бросьте вы этотъ панталонный вопросъ, Александръ Николаевичъ, потому что ни къ какому добру онъ васъ не приведетъ. А вотъ лучше выслушайте-ка вы мои, на счетъ «Гамлета», примѣчанія и сдѣлайте-ка въ нихъ маленькія поправки. Я обѣщалъ полиціймейстеру цензуровать всякую пьесу и далъ ему честное слово. Такъ вы ужъ меня, пожалуйста, не подведите. Позвольте мнѣ книжечку сюда. Я тамъ кое-что помѣтилъ карандашикомъ и страницы загнулъ. Вотъ возмемте хотя-бы это мѣсто:

Офелія.

Я, батюшка, сидѣла за шитьемъ
Какъ вдругъ ко мнѣ вошелъ нежданно Гамлетъ:
Одежда въ безпорядкѣ, самъ безъ шляпы,
Чулки спустилися до самыхъ пятокъ.

Все это мѣсто надо вонъ. Такъ крестъ и ставьте.

— Да почему-же вонъ?

— Да ужъ такъ. Сдѣлайте для меня вы это одолженіе. Я далъ слово и человѣкъ я точный...

— Только не въ платежахъ по труппѣ.

— Александръ Николаевичъ, всякій дѣлаетъ что можетъ и вашъ язвительный намекъ меня обижаетъ... Затѣмъ, есть еще другое мѣсто— въ V дѣйствіи. Вотъ оно:

2-й могильщикъ.

Да развѣ Адамъ то дворянинъ былъ?

За кулисами.

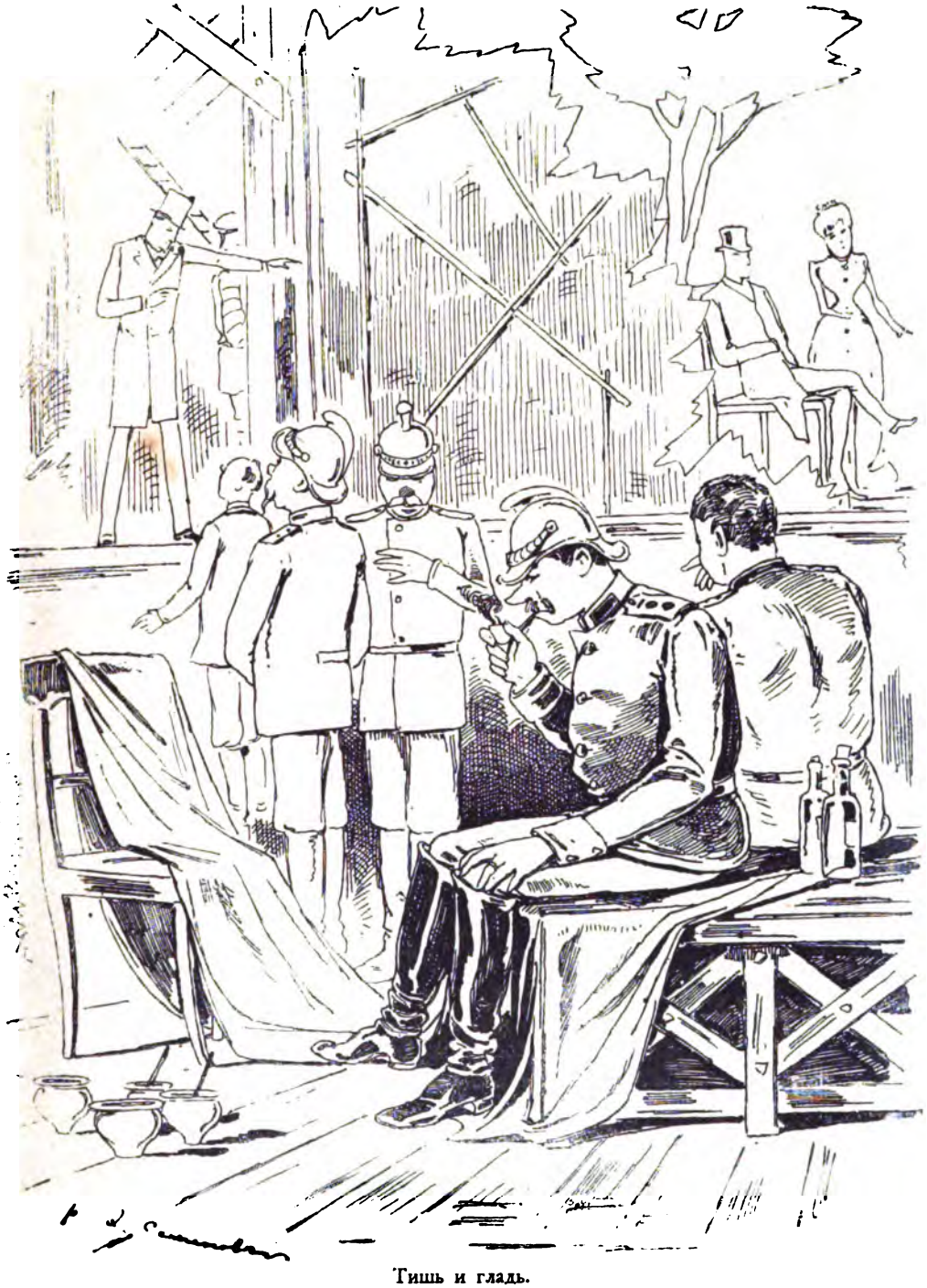
— И въ такихъ-то обезьяньихъ штанахъ я долженъ изображать величайшій типъ классическаго репертуара!

Въ уборной.

— Господа, поразите великодушіемъ и одолжите пятнадцать копѣекъ серебромъ, только до вечера.
— А пиво-то у него, у подлеца, въ буфетѣ, не пивное, а сливное!
— Ты что тутъ шьепъ-то Шмулевичъ?
— Изъ дамска панталонцыкъ куртоцка для трагицкаго паза.

Театральное море.

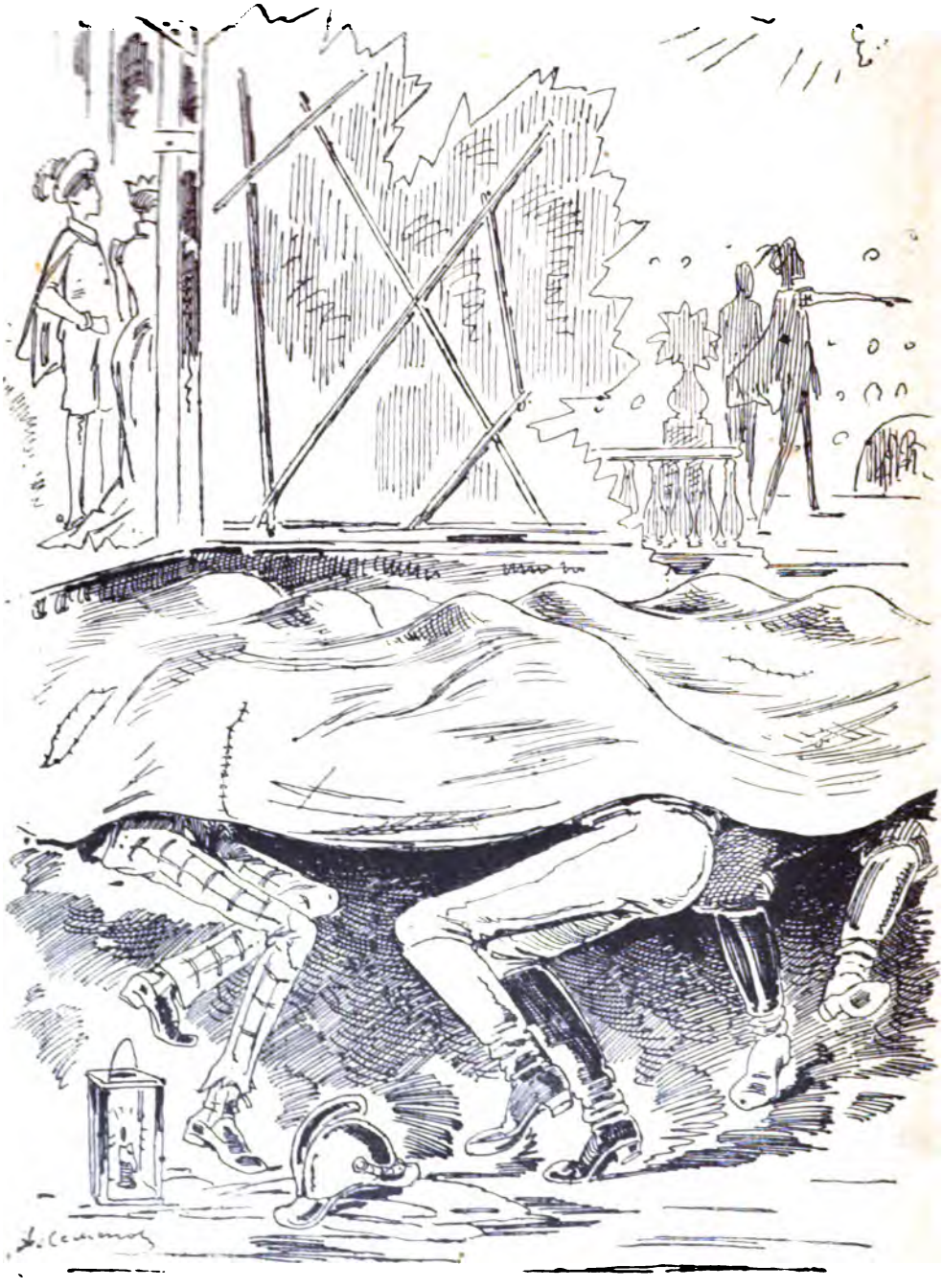
I.



Тишь и гладь.

Театральное море.

II.



Штормъ и шквалъ.

1-й могильщикъ.

Эка голова! Да откуда же дворяне взялись; всѣ отъ этого Адама, значитъ и онъ былъ дворянинъ.

Всю эту сцену цѣликомъ выпустить надо.

— Да что же тутъ въ ней такого, ради чего?

— Ради такта, Александръ Николаевичъ, только ради такта. Теперь, вы сами знаете, у насъ въ городѣ происходитъ дворянское собраніе. Публика наѣзжая, отборная и чуткая; въ такихъ случаяхъ нѣкоторую тонкую политику слѣдить необходимо. Это я предоставляю вашему усмотрѣнію, но думаю, что вы согласитесь.

— Н-да, что-жъ, пожалуй. Ну, вы все сказали?

— Нѣтъ, есть у меня еще одинъ прожектецъ и полагаю, что онъ будетъ кстати. Видите-ли: въ «Гамлетѣ», сейчасъ я вамъ прочту, есть одинъ очень хорошій куплетецъ. Только онъ совсѣмъ не на мѣстѣ. Припомните въ третьемъ дѣйствіи,—ну, гдѣ еще приходятъ актеры и начинается пантомима. Такъ тамъ есть, — позвольте, сейчасъ найду, — вотъ какой стишокъ:

Для актеровъ и для представленья
На колѣняхъ просимъ снисхожденья;
За ошибки просимъ мы награды
Чѣмъ богаты мы, такъ тѣмъ и рады.

Это у Шекспира очень ловко сказано. Такъ, знаете, мило и остроумно. Но, повторяю, не на мѣстѣ этотъ куплетъ; гдѣ-то въ серединѣ пьесы, совсѣмъ пропадаетъ. Просто теряется... Совсѣмъ незамѣтно проходитъ. Нужно бы его выдвинуть и подчеркнуть. А выдвинуть можно вотъ какъ. Пьеса-то кончается чѣмъ? Тѣмъ что Фортубасъ...

— Фортинбрасъ, поправляетъ первый любовникъ.

— Ну, все равно, тѣмъ, что Фортинбрасъ восклицаетъ:

„Стрѣляйте пушки и гремите трубы...

Ну, будетъ какъ сказано: пушки палятъ, трубы гремятъ, а въ это время всѣ участвующія въ пьесѣ лица выходятъ изъ-за кулисъ, полукругомъ становятся вокругъ будки и громко поютъ:—

Для актеровъ и для представленья
На колѣняхъ просимъ снисхожденья;
За ошибки просимъ мы награды,
Чѣмъ богаты мы, такъ тѣмъ и рады.

Вы посмотрите только какой фуроръ произведетъ эта перестановочка! Подъ музыку это и такъ неожиданно. Каковъ проектецъ-то?.. Однако, мы съ вами засидѣлись. Четвертый часъ на исходѣ; у бабы моей, чай, щи, да каша совсѣмъ поостыли. Вы тоже уходите?

— Да, собираюсь.

— Тогда за одинъ притворъ и двинемся. Да!.. чуть было совсѣмъ изъ головы не вышло! Послали-ли вы редакціонные билеты?

— Нѣтъ не успѣлъ еще.

— Ну что-же это вы, батюшка, дѣлаете? Какъ-же это можно? Прежде всего извозъ, а во фракѣ, какъ слѣдуетъ. Ложу Швецову, два кресла Преполовенскому и добавочное кресло Шепталову. Да, кстати уже скажите такъ, между прочимъ, самому Швецову, да и Преполовенскому, что мы тутъ съ Бровцыной, ничего, какъ есть ничего, подѣлать не могли и что если они, слегка тамъ ее постегаютъ, такъ это даже очень хорошо выйдетъ. Бабенка, зазнавшись, совсѣмъ на головѣ ходить начинаетъ. Такъ ужъ пожалуйста... только такъ, вы знаете, между прочимъ, обиняками и больше намеками.

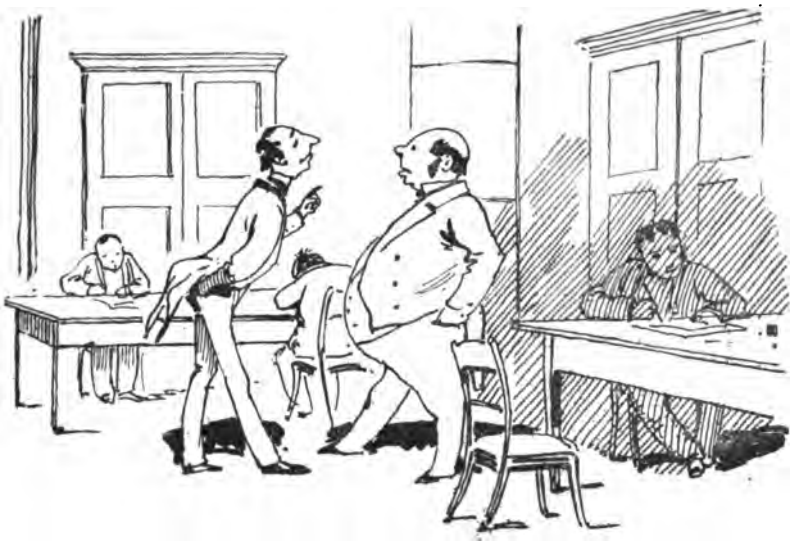
— Скажите, Харламшій Сергѣевичъ,—надѣвъ пальто и нахлобучивъ круглую войлочную шляпу, мрачно спрашиваетъ въ заключеніе, первый любовникъ, — а деньги есть у васъ? Вѣдь вы уже меня третій мѣсяцъ тянете.

— Голубчикъ, милашка, благодѣтель ты мой, — все, какъ есть все, есть у меня, кромѣ только... денегъ.

Плотникъ свѣтитъ при выходѣ маленькою керосиновою лампочкою. Первый любовникъ удаляется одинъ. Антрепренеръ, ругаясь, застрѣваетъ въ корридорѣ, не находя куда-то запропастившихся калошъ.

VI.

ВЪ КАНЦЕЛЯРІИ.



ИСТОРІЯ ОДНОЙ КАНЦЕЛЯРСКОЙ БУМАГИ, ЕЮ ЖЕ РАЗСКАЗАННАЯ.

Я господа, входящая бумага. По ходу канцелярскихъ порядковъ, я всегда являюсь матерью бумаги, именуемой исходящею. Если бы не было бумагъ входящихъ, то не было бы и исходящихъ. Вопросъ обратный этому: былибы-ли исходящія бумаги, если бы не было входящихъ? остается пока открытымъ и я размышляю теперь надъ нимъ, лежа въ глухомъ и печальномъ уединеніи на одной изъ архивныхъ полокъ и размышляя о своемъ, хотя и не особенно бурномъ, но все-таки исполненномъ нѣкоторыхъ приключеній, прошломъ.

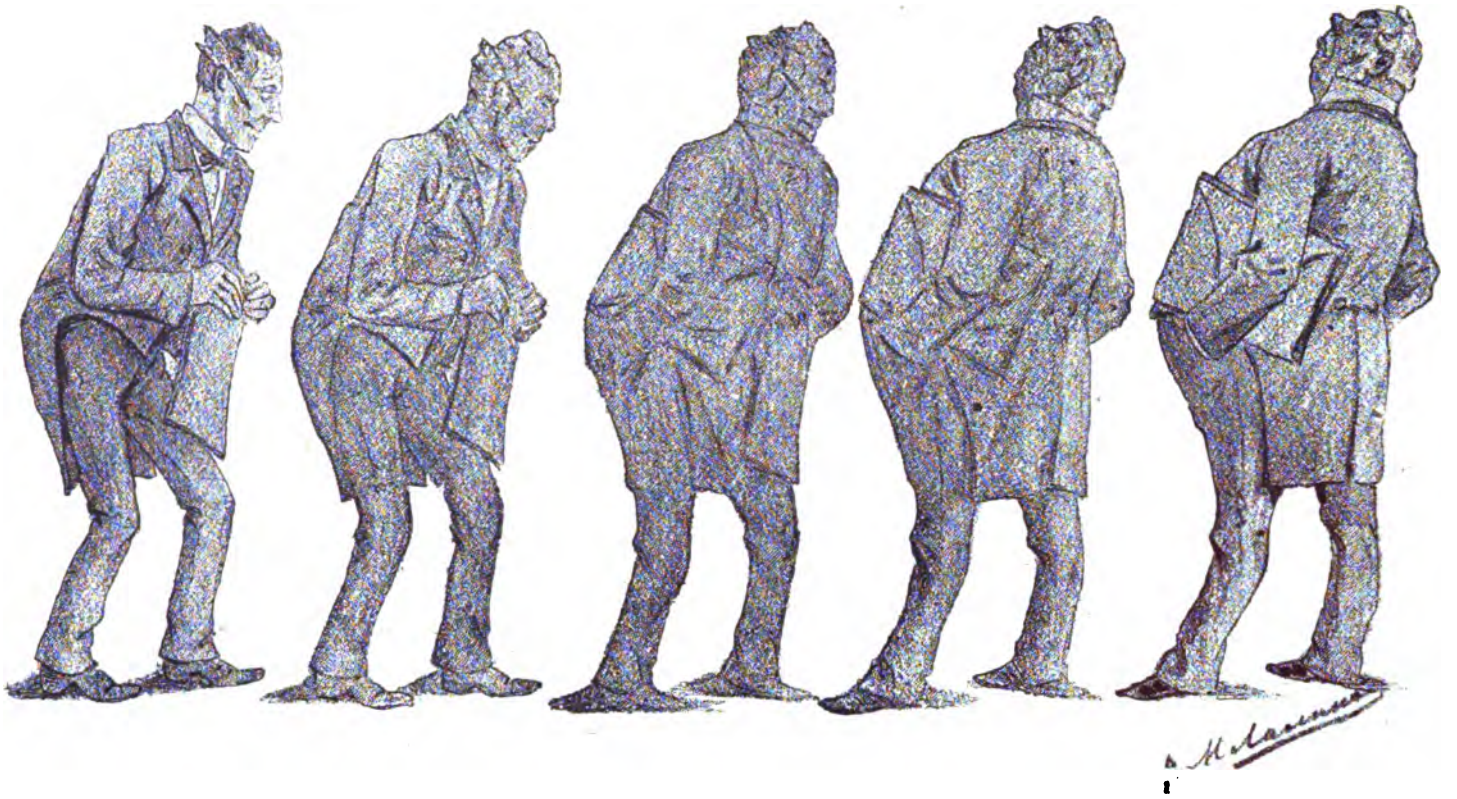
Разскажу, впрочемъ, по порядку.

При появленіи моемъ на свѣтъ, я могла бы считать себя вполнѣ законною и нормальною входящею бумагою. На лѣвомъ углу моего листа,

чисто отпечатанъ соотвѣтственный бланкъ, указывающій не только то учрежденіе, къ которому я принадлежала, но даже отдѣленіе и столъ, въ которомъ я родилась. Текстъ мой изображенъ старательно, даже каллиграфически и скрѣпленъ, на оборотѣ, тремя подписями, расположенными одна подъ другой, и служащими, даже для глазъ, какъ бы ступенями исходящей служебной лѣстницы. Но при выпускѣ моемъ изъ родительскаго дома со мною случилась одна непредвидѣнная катастрофа, имѣвшая, какъ я теперь вижу, довольно плачевныя послѣдствія для всей моей бюрократической карьеры. Будучи еще чернякомъ, писаннымъ рукою столоначальника, я была передана для переписки одному канцелярскому чиновнику, нѣкоему Батогову, снискавшему себѣ своимъ завиднымъ почеркомъ лестную и прочную репутацію въ средѣ переписчиковъ нашего учрежденія. Батоговъ началъ перебѣливать меня весьма старательно, выводя одна за другою красивѣйшія буквы, съ полненькими брюшками, съ кругленькими завитушками и тонкими дугообразными ножками; онъ записалъ уже почти всю первую страницу и долженъ былъ перенести дальнѣйшій мой текстъ на слѣдующую, какъ въ эту самую минуту по улицѣ проходила полковая музыка и наигрывала извѣстный маршъ изъ «Боккаччіо». Батоговъ—большой музыкантъ въ душѣ, самъ даже играющій на гитарѣ,—бросилъ меня на минуту, подошелъ къ окну, съ увлеченіемъ прослушалъ весь маршъ вплоть до послѣдняго закатистаго барабаннаго удара, и вернувшись къ столу, сталъ продолжать покинутую работу. Какъ я уже сказала, ему нужно было начать новую страницу. Крупныя, дородныя буквы опять плавно пошли одна за другою, точно вереница статсъ-дамъ на королевскомъ балу, но только, къ истинному моему несчастью,—изъ невниманія-ли, изъ торопливости или изъ увлеченія маршемъ,—Батоговъ пропустилъ при перепискѣ моего черняка одно слово. Всего одно слово! Что значитъ одно слово! Ахъ, господа, оно было для меня всѣмъ. Это слово,—такъ хотѣлъ уже роковой случай,—какъ разъ было *сказуемымъ* той длинной, сложной, не совсѣмъ уклюжей, сборной, но единственной фразы, изъ которой состоялъ мой текстъ. На этомъ словѣ, какъ на сказуемомъ, естественно построенъ былъ весь мой смыслъ, все мое настоящее и будущее, какъ входящей бумаги. И его-то, сказуемаго, не стало! У меня были нѣсколько подлежащихъ, очень много опредѣленій, дополненій, вводныхъ предложеній, но не было сказуемаго. Въ такомъ видѣ я казалась, даже и самой себѣ, весьма странною и загадочною. Можно было разсматривать меня, какъ вопросъ. Можно было считать меня отвѣтомъ. Можно было уловить какъ бы намекъ на нѣкоторую сущность между отдѣльными запятыми. Но нельзя было составить никакого цѣльнаго и логическаго представленія, взявъ меня во всей моей связности. Изъ меня, въ общемъ, безъ сказуемаго, ровно ничего, кромѣ простаго набора

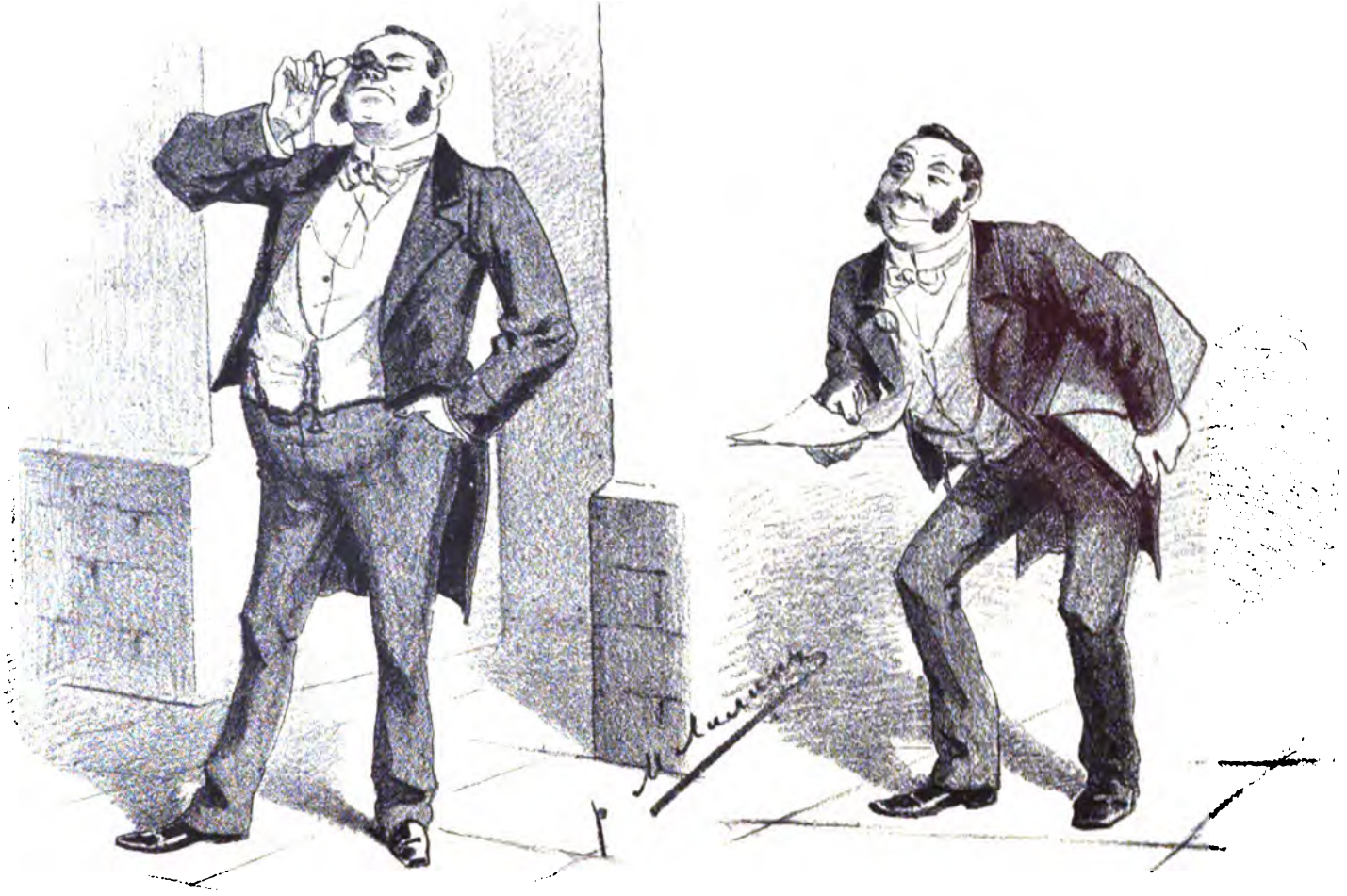
Амбрилогія „самаго“.

(По Дарвину).



Началъ, шелъ, шелъ, шелъ и дошелъ.

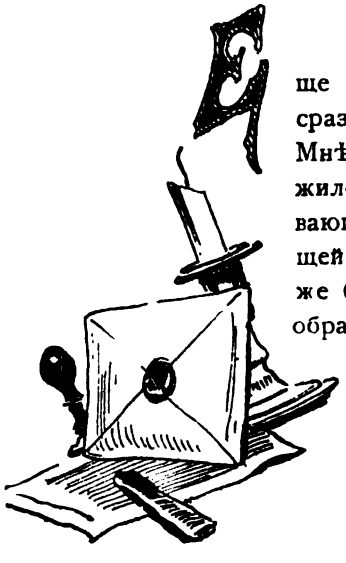
Канцелярскій Янусъ.



— Ээээ... Хорошо, посмотримъ... Эээ... Заходите навѣдаться... Ээээ...

— Разрѣшите поднести на благоусмотрѣніе. Имѣю честь... Честь имѣю...

отдѣльныхъ словъ канцелярскаго обихода, не выходило. Тѣмъ не менѣе жесточайшая описка Батогова прошла совершенно незамѣченною. Какъ это ни прискорбно, но меня подписали вовсе не читая! Замѣтивъ весь ужасъ моего положенія, я хотѣла кричать, вопить, протестовать, но не могла: бумаги безгласны. Меня занумеровали, сложили въ четвертую долю, сунули въ сѣрый конвертъ и запечатали рыжею сургучною печатью. Затѣмъ сдали на почту и я поѣхала по назначенію, съ первымъ отходившимъ поѣздомъ. Въ дорогѣ мнѣ было душно и тѣсно. Товарки-спутницы давили меня со всѣхъ сторонъ. Пробовала я завести отъ скуки какой-нибудь промежуточный разговоръ, но отказалась отъ этой мысли. Вы, господа, совсѣмъ не знаете канцелярскихъ конвертовъ. Всѣ они на одинъ ладъ. Это скучнѣйшіе и ограниченнѣйшіе компаніоны. О чемъ, вы думаете, они препирались въ пути? О томъ, у кого высшій нумеръ на передней сторонѣ изображенъ. Пріѣхавъ по назначенію, я пролетѣла въ почтовой кибиткѣ по тряскимъ улицамъ города и очутилась въ почтовой конторѣ. Ночевала тамъ. На слѣдующій день, утромъ, меня выдали по принадлежности.



Еще лежа въ конвертѣ, нераспечатанной, я уже сразу узнала однако мѣсто своего нахожденія. Мнѣ былъ знакомъ этотъ характерный запахъ жилой крысьей норы, коптящаго сургуча и врывающихся изъ передней паровъ служительскихъ щей, обостренныхъ присутствіемъ махорки. Столь же близко знала я и этотъ свѣтъ, тусклый, однообразный, сѣроватый, пробирающійся съ улицы чрезъ двойныя рамы, съ никогда не моющимися, не выставляемыми стеклами и уныло разливающійся между канцелярскими столами, старинными стульями краснаго дерева и полуотворенными черными шкафами, до верху наваленными пудами мятой, сшитой и несшитой бумаги. Это была канцелярія, гдѣ мнѣ и пришлось явиться входящею бумагою.

Вскрылъ мой конвертъ правитель дѣлъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, чрезвычайно быстрый въ движеніяхъ и какъ-то очень ужъ гладкій—точно весь онъ былъ вымазанъ лакомъ,—въ pince-nez, съ розовою, почти женскою, тщательно выбритою шеею и съ маленькими черненькими котлетными бакенами.

Онъ пробѣжалъ меня наскоро, смотрящими, но не оріентирующимися глазами, очевидно думая совсѣмъ о другомъ, отнюдь не вникая въ мою сущность и, положивъ меня на кипу другихъ бумагъ, сказалъ канцелярскому чиновнику: «снесите въ регистратуру». Самъ же онъ досталъ изъ кармана маленькій напилокъ и принялся выравнивать ногти, которые, слѣдуетъ признать въ интересахъ истины, дѣйствительно держались у него не только въ порядкѣ, но даже въ холѣ.

высокій, старый, совсѣмъ сѣдой человѣкъ, съ оттопыренными сѣдыми бакенбардами и мясистымъ красноватымъ носомъ, досталъ стальные очки изъ футляра, надѣлъ ихъ, поправилъ и принялся записывать насъ, входящихъ, въ книгу, въ очередномъ порядкѣ. Это былъ регистраторъ,— титулярный совѣтникъ Власовъ, третій десятокъ сидящій въ той же должности, на томъ же стулѣ, у того же стола и даже окна. На его глазахъ дочь парикмахера, живущаго напротивъ, черезъ улицу, нѣкогда маленькая дѣвочка, выросла, сложилась, очень похорошѣла, осиротѣла, вышла замужъ за своего подмастерья, потомъ бросила его, мѣняла любовниковъ, какъ щипцы для завивки, и теперь уже души не чаетъ въ какомъ-то драгунскомъ юнкерѣ, котораго даромъ стрижетъ, брѣетъ и завиваетъ. Въ теченіи 25 лѣтъ, почти каждый день видѣлъ онъ всю ту же парикмахершу, приравниваемую, за свою романичность и страстность, брѣющимся у нея учителемъ латинскаго языка, къ Сафо, къ Медеѣ и къ женщинамъ Овидія. Власовъ имѣлъ дѣло только съ тремя книгами: входящею, исходящею и разсыльною. Все, что онъ когда-либо писалъ и пишетъ, всегда происходило въ печатныхъ графахъ. Онъ такъ привыкъ къ нимъ, что чувствовалъ себя несчастнымъ и растеряннымъ, когда ему приходилось писать хотя бы кратчайшую частную записку. На почтовой бумагѣ не было печатныхъ графъ и Власовъ не зналъ, что съ собой дѣлать. Къ разнымъ графамъ онъ относился различно. Однѣ изъ нихъ,

Передъ зеркаломъ.

— Эдакъ будетъ хорошо. Голова назадъ, спокойствіе на физіономію, а носъ бы къ низу немножко, да... Эка незадача! Коли голову въ верхъ, такъ носъ ноздри выказываетъ...

У вратъ чистилища.

Самая убѣдительная и благонадежная «рекомендація».

въ которыхъ нужно было проставлять только лишь текущія числа или нумеръ, ему нравились. Онъ ихъ даже любилъ тою своеобразною привязанностью стараго холостяка, который питаетъ сердечныя симпатіи къ разнымъ неодушевленнымъ предметамъ: къ табачному кисету, къ часовой цѣпочкѣ, къ бархатному вышедшему изъ моды жилету. Но есть и такія графы, на которыя Власовъ смотрѣлъ, какъ на своихъ неизбѣжныхъ, постоянныхъ личныхъ враговъ. Это тѣ, въ которыхъ ему приходилось резюмировать содержаніе входящихъ и исходящихъ бумагъ, излагать ихъ вкратцѣ, нерѣдко по-долгу застрѣвая и путаясь въ непроходимыхъ дебряхъ канцелярскихъ самоповтореній и многоглаголаній.

Сначала Власовъ сдѣлалъ на верхнемъ краю каждой изъ насъ помѣтки о времени полученія; потомъ раскрылъ входящую книгу, содержимую имъ въ большой исправности и чистотѣ, и принялся заносить насъ по очереди. Когда онъ перешелъ ко мнѣ, то дважды прочелъ мой текстъ и лицо его получило характерное выраженіе рѣшительно ничего не понимающей физіономіи. Онъ подозвалъ къ себѣ ближайшаго канцелярскаго, нѣкоего Матрешкина, бойкаго малаго, отлично, сказать кстати, плавающаго. Матрешкинъ держался въ черномъ тѣлѣ, но и онъ самъ и другіе признавали его замѣчательно сообразительнымъ молодымъ человѣкомъ. Матрешкинъ взялъ меня въ руки, съ явнымъ сознаніемъ своего достоинства. И онъ дважды прочелъ меня, но, окончивъ чтеніе, поднялъ плечи до ушей и сначала разставилъ обѣ руки горизонтально, а потомъ опустилъ ихъ книзу, падающими плетями. Руки при этомъ хлопнули его по бедрамъ.

— Никакой ясности тутъ нѣтъ, сказалъ онъ и, засунувъ обѣ руки въ карманы, выставилъ лѣвую ногу впередъ.

— Чертъ ее знаетъ. Я тоже не понимаю, промычалъ Власовъ.

— Пишите вообще,—посовѣтовалъ Матрешкинъ.

— Да ужъ ничего другого не остается.

И Власовъ аттестовалъ меня во входящей книгѣ слѣдующими, дѣйствительно крайне «общими» строками:

«Увѣдомленіе за № 10554 съ запросомъ касательно отвѣта на счетъ извѣщенія собранныхъ свѣдѣній».

Затѣмъ онъ выставилъ съ лѣваго моего края входящій нумеръ и сдалъ въ тотъ же день столоначальнику Биркину.

опавъ къ послѣднему, я скоро замѣтила, по числу накопленныхъ въ столѣ бумагъ, что у Биркина порядкомъ отдохну. Онъ говорилъ обыкновенно обо всѣхъ насъ, толкая нашими растрепанными краями, точно носами, въ подоконникъ: «Небось, въ лѣсъ не уѣдете». Онъ ненавидѣлъ насъ ото всей глубины своей усталой и помятой души. Онъ считалъ насъ виновницами и ревматизма, полученнаго имъ у окна, и геморроя, насиженнаго на табуретѣ. Биркинъ весьма апатично взглянулъ на меня и сунулъ подъ спудъ. Недѣли чрезъ двѣ онъ вспомнилъ однако обо мнѣ. Еще черезъ недѣлю онъ положилъ меня уже на видномъ мѣстѣ. Чрезъ мѣсяцъ онъ хотѣлъ доложить на счетъ меня, но не успѣлъ.

Наконецъ, на пятой недѣлѣ, Биркинъ рѣшительно вытащилъ меня за уголокъ и, раскрывъ предъ собою, озлобленно воскликнулъ:

— Ну, тебя, «дьяволицу». Будетъ съ тебя глаза мозолить?

Какой грубый господинъ! Вѣрно изъ кантонистовъ, или изъ дворовыхъ.

Прочелъ онъ меня. Прочтя задумался.

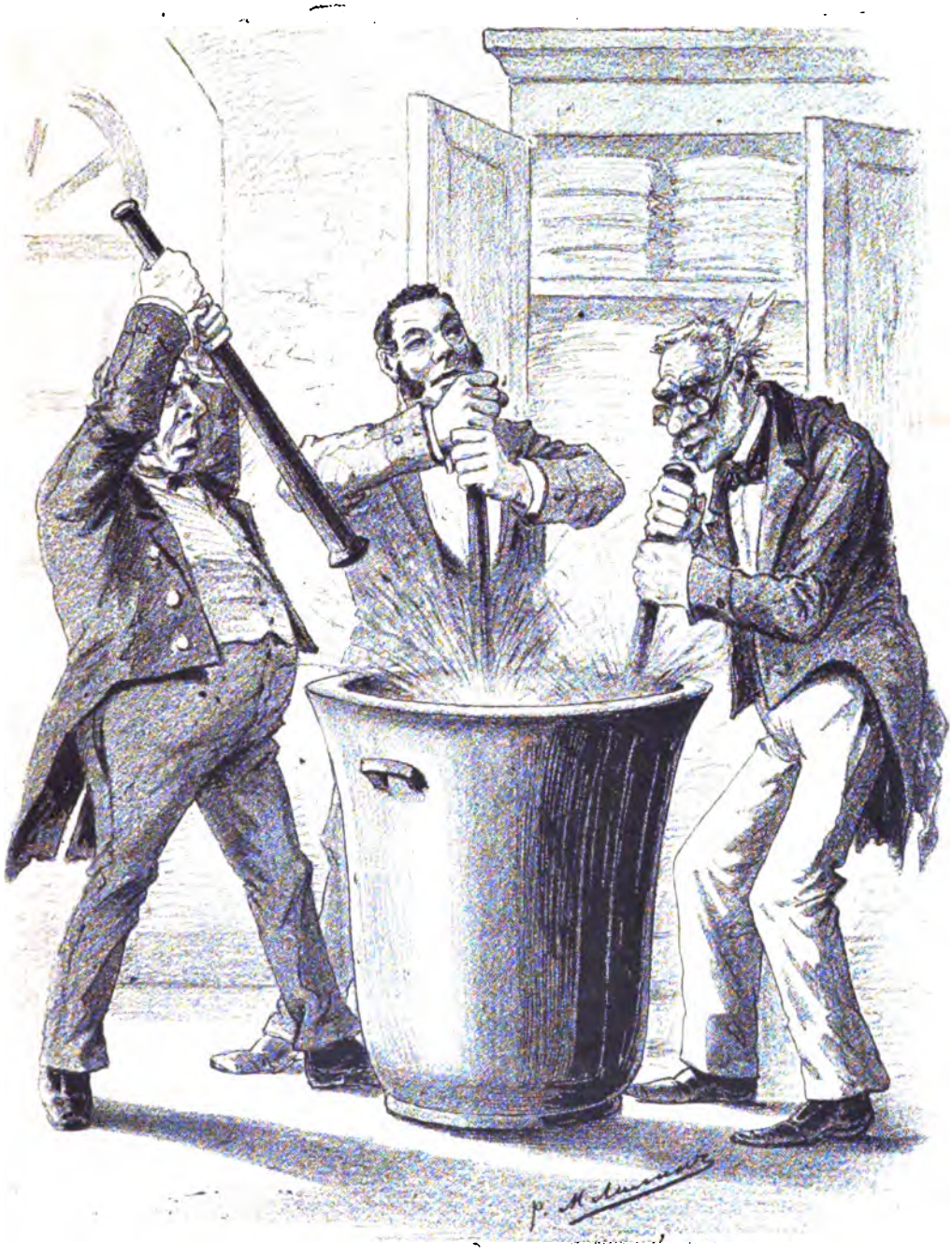
— Вѣдь вотъ какъ пишутъ! Ни складу, ни ладу. Чертъ ногу сломитъ. А недавно еще ихняго Никитина орденомъ наградили.

«Ихній Никитинъ»—это правитель той канцеляріи, изъ которой я вышла. Ему очевидно завидовалъ мой новый повелитель.

Биркинъ еще немного подумалъ. Но очевидно, что никакая свѣтлая догадка на счетъ моего содержанія въ голову ему не лѣзла. Тогда онъ сунулъ меня въ синюю папку, на которой значились слова «къ докладу» и сказалъ, харкнувъ въ уголъ, съ большимъ аппетитомъ:

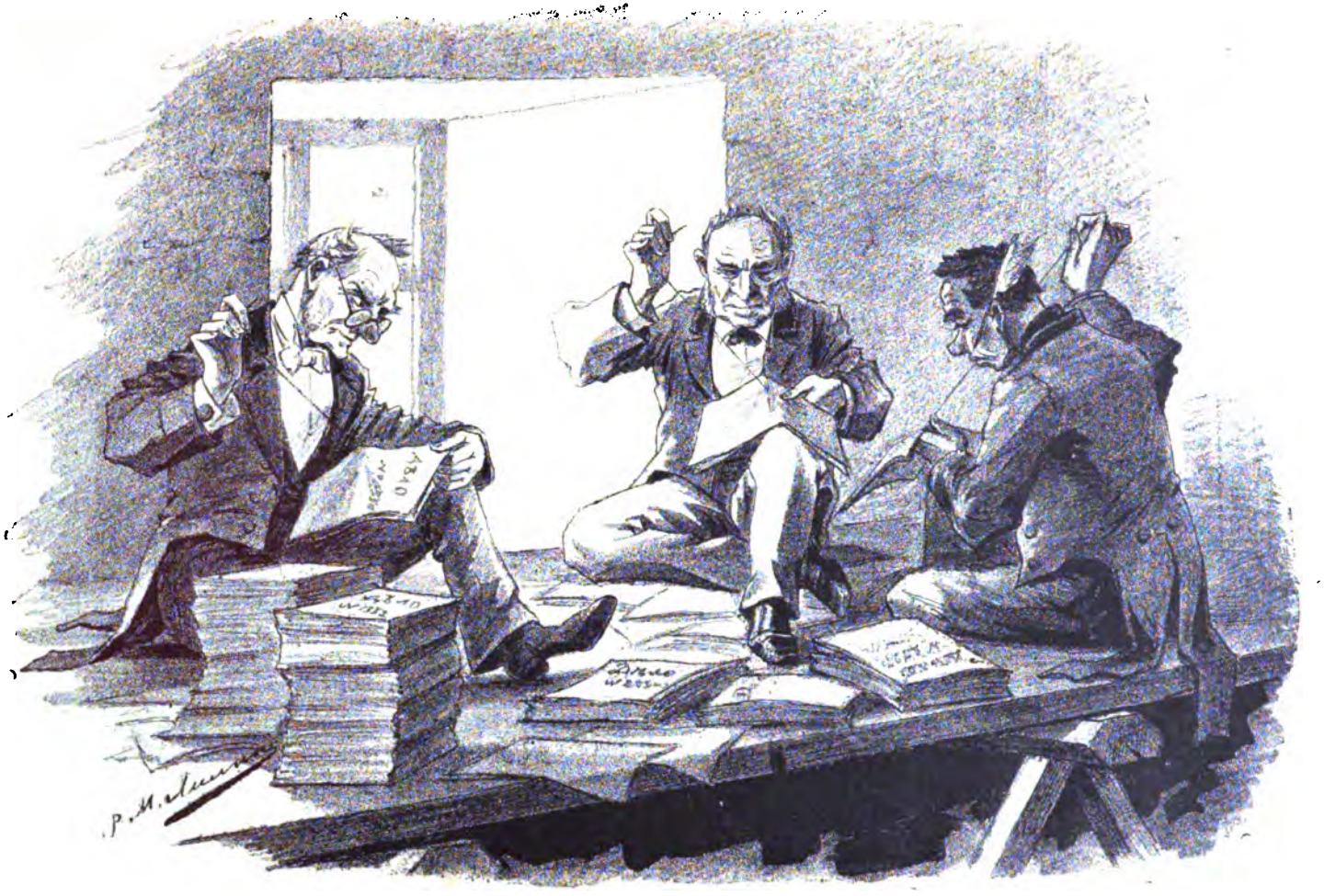
— Надо доложить Петру Степановичу. Тутъ цѣлое, можно сказать, происшествіе. Какъ есть форменная бумага, да совсѣмъ безъ смысла. Оказія!..

Работа кипитъ.



Если въ хорошую ступу, да побольше воды, да чтобы съ отмѣннымъ усердіемъ — такъ вѣдь какихъ подвиговъ не надѣлаешь то!

Работа кипитъ.



— Смотри, Семеновъ, не путай! Опять винокуренную бумагу, вмѣсто метрическаго свидѣтельства подошьешь?
— А ты думаешь это не одна жратва крысамъ-то?

етръ Степановичъ Рыжиковъ—начальникъ отдѣленія. Говорятъ, я слышала, будто онъ очень похожъ, по своей наружности, на гатчинскую форель. Живя въ провинціи, я никогда не видала гатчинской форели и судить поэтому не берусь. Петръ Степановичъ человѣкъ солидный и обстоятельный, хотя и вышелъ въ люди и въ чины изъ соборныхъ пѣвчихъ. Онъ очень аккуратенъ и каждая бумага у него только «гоститъ», словно поѣздъ на станціи, но отнюдь не залеживается. У него есть домъ съ балкономъ и съ хорошенькимъ садикомъ. Сынъ его перешелъ съ наградою въ пятый классъ гимназіи, а у дочери родимое пятно на щекѣ, но она очень хлѣбосольна. Петръ Степановичъ, какъ бы желая маскировать неаристократичность своего происхожденія, прельщаетъ служащихъ отмѣнною вѣжливостью и деликатнѣйшими манерами. Онъ—любимецъ его превосходительства. У Петра Степановича своя особая комнатка, всегда содержимая въ безукоризненномъ порядкѣ. Биркинъ самъ снесъ меня къ Рыжикову. Намусоливъ пальцы и доставъ меня изъ папки, онъ хлопнулъ по моему обороту указательнымъ пальцемъ съ такимъ жестомъ, какъ если бы хотѣлъ дать мнѣ подзатыльникъ.

— Вѣдь вотъ, Петръ Степановичъ, сказалъ обо мнѣ Биркинъ, поступило отношеніе, котораго понять никакъ невозможно. Я, уже, знаете, и знаки препинанія, для облегченія смысла, разставилъ и на части ее, по три строки въ каждой части, разбилъ—нѣтъ, ничего не выходитъ.

Рыжиковъ, въ отвѣтъ, улыбнулся тою величественно-снисходительною улыбкою, которая говорила, что для этого человѣка нѣтъ и не можетъ быть ничего непонятнаго въ мірѣ.

Биркинъ сразу понялъ улыбку.

— Нѣтъ, слегка обиженнымъ тономъ возразилъ онъ, вы сами потрудитесь прочесть, Петръ Степановичъ. Это не то, что мнѣ только кажется. Тутъ какъ есть толку нѣтъ. Воля ваша.

Рыжиковъ, все еще улыбаясь, взялъ меня въ руки, сѣлъ въ кресло и откинулся назадъ. По мѣрѣ того, однако, какъ онъ меня читалъ, улыбка его уменьшалась, сокращалась и наконецъ совсѣмъ исчезла. Вмѣсто нея, на лбу появились складки. Царило молчаніе.

— Да... Дѣйствительно... растягивая звуки, началъ Рыжиковъ. Какъ

же это такъ? А еще просятъ «о послѣдующемъ безотлагательно увѣдомить». И мѣсто-то такое, неподчиненное. Къ тому же, сосѣди по губерніямъ. Надо доложить его превосходительству. Только какъ? Я знаю напередъ, что онъ скажетъ: «такъ это ужъ вы тамъ сами, скажетъ, Петръ Степановичъ...». А что я тутъ сдѣлать могу?

— А вотъ что, оживившись, посовѣтовалъ Биркинъ. Вы объ этой бумагѣ не извольте особенно докладывать, а такъ прямо на столъ ее и положите. Ну, Владиміръ Николаевичъ, повертятъ, повертятъ ее, да и дадутъ какую-нибудь резолюцію. А ужъ я по этой резолюціи и спущу.

— Да ужъ только и остается принять вашъ совѣтъ. Эдакая однако странная бумага!..

— Нѣтъ, Петръ Степановичъ, вы посмотрите, вѣдь Никитинъ-то подписалъ! А ему недавно Станислава на шею дали. И вѣдь какъ можно такія бумаги выпускать. Этого я совсѣмъ не понимаю. Срамъ, какъ есть срамъ. Да вѣдь для всего учрежденія, для всей губерніи срамъ.

— Вы мнѣ однако эту бумагу какъ-нибудь помѣтьте, чтобы я не смѣшалъ ее съ другими.

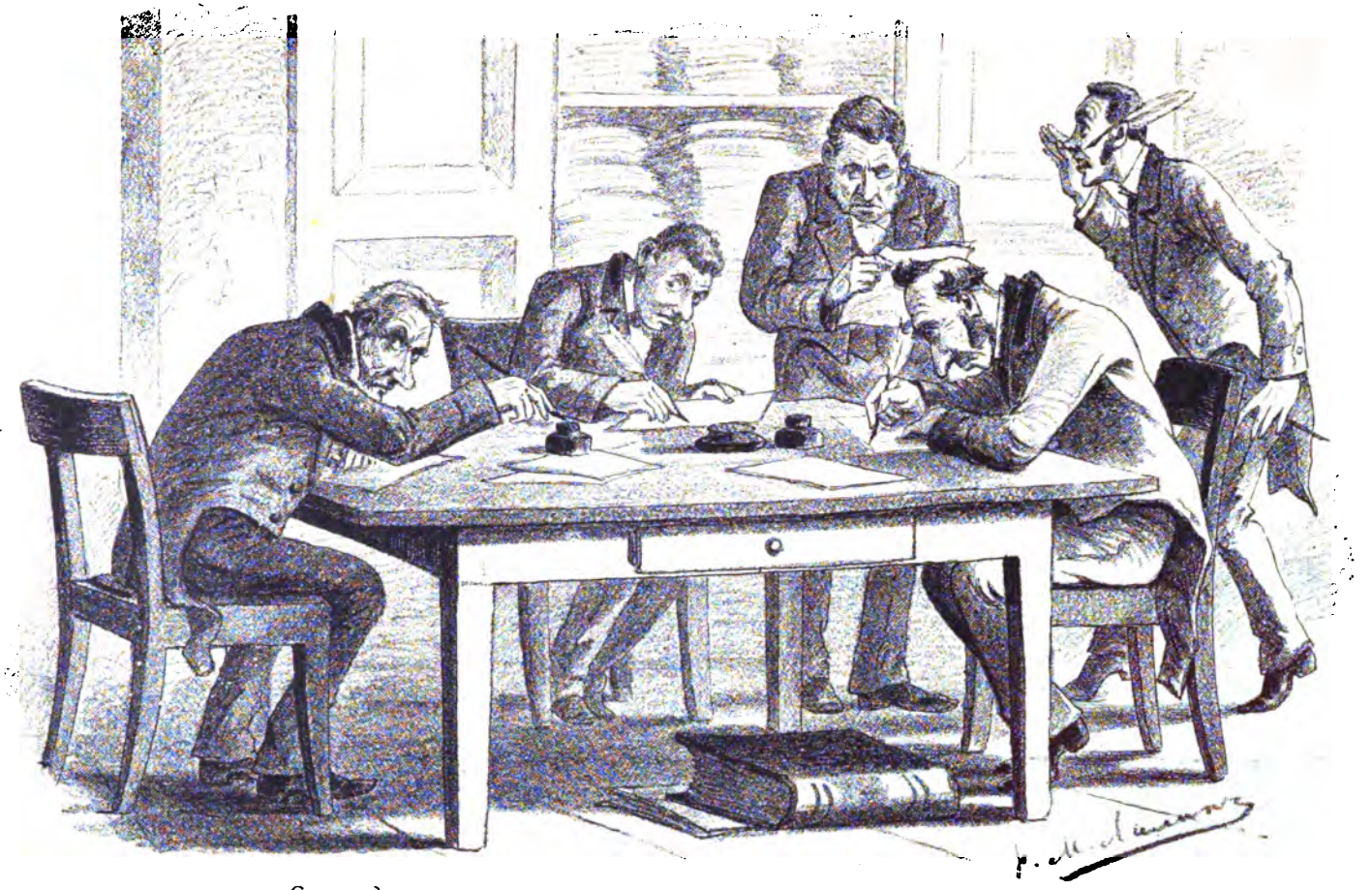
— Извольте-съ. Я вотъ вамъ тутъ, въ уголочкѣ, карандашикомъ точечку кругленькую поставлю.

И меня заклеймили условною точечкою. Но я этимъ не обидѣлась. Я сознавала, что не похожу на другія входящія бумаги и дѣлаюсь героинею. Вы поймете, господа, это чувство. Я вѣдь... женскаго рода, и за мною начинали бѣгать.

ня черезъ два я почувствовала себя совсѣмъ въ иной сферѣ. Я имѣла честь попасть въ большой и довольно нарядный кабинетъ его превосходительства. Я лежала на мягкомъ, чистомъ и новомъ зеленомъ сукнѣ. Надомною высилось мраморное прессъ-папье, имѣвшее форму красивой женской руки, а тутъ-же возлѣ меня стояли разныя богатыя письменныя принадлежности изъ золоченой бронзы. Вообще, обстановка очень понравилась мнѣ своею комфортабельностью и даже шикарностью. Его превосходительству было около 60 лѣтъ. Онъ казался моложавымъ и вальяжнымъ; слегка, едва замѣтно, красился и держался настоящимъ джентльменомъ въ костюмномъ отношеніи; на пальцѣ у него виднѣлся соли-

I.

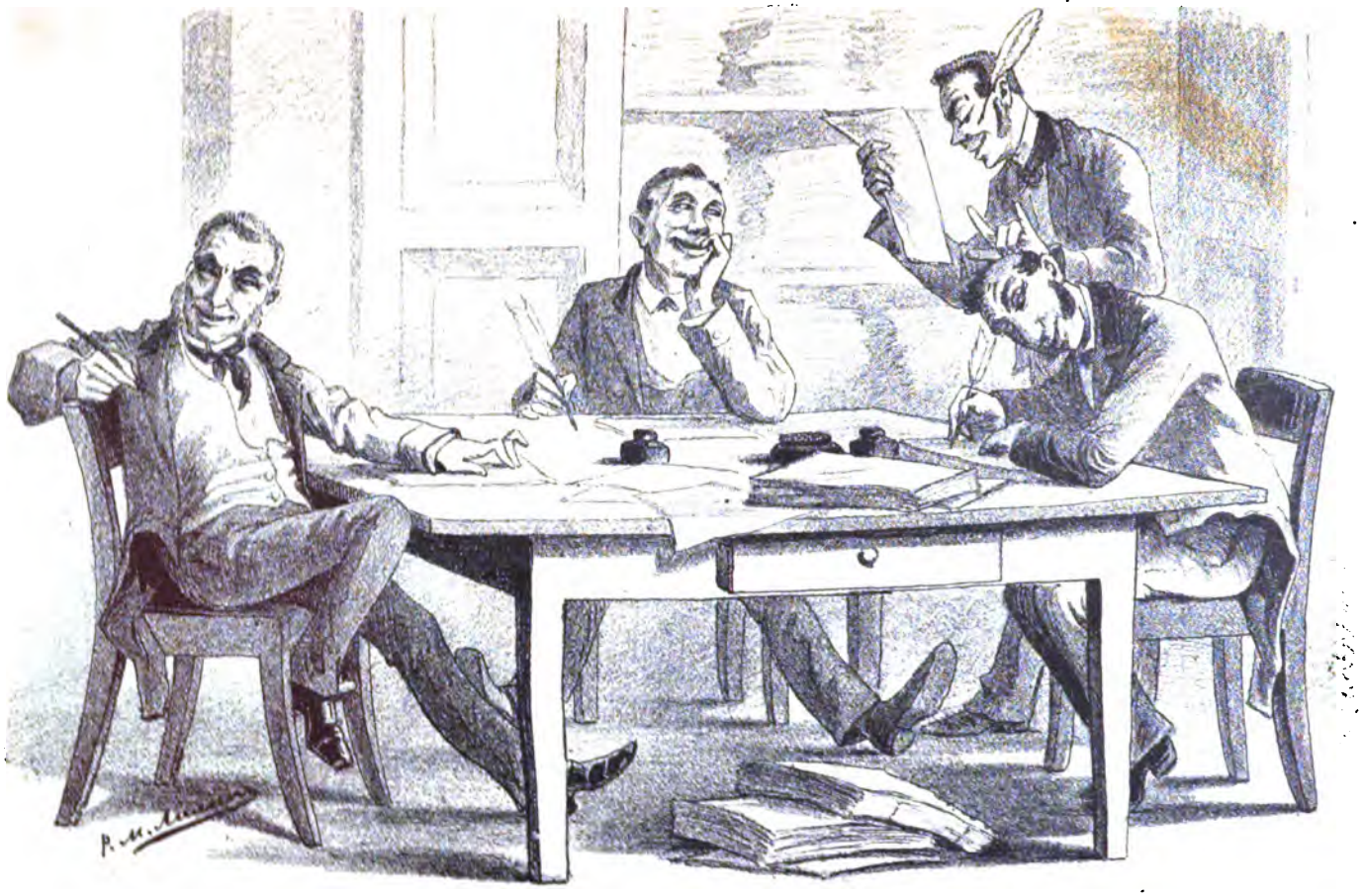
У самаго „облачно“.



— Сердитъ?
— Такъ и мечетъ. Всѣхъ, кричитъ, согну, всѣхъ проглочу и всѣхъ выплюну!
— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!
— Чай, «сама» то, опять баню ему задала?

II.

У самаго „ясно“.



— Изволили шутить?

— Очень даже великодушно. Посмотрѣли въ лицо и покатиться со смѣху изволили. Что, говорятъ, Ивановъ, у тебя за ключья голова. Ну, и тоже фыркнулъ. Очень радъ стараться-я, говорю, вашество милостивы. И такъ это просто...

теръ, а въ галстухѣ, — прекрасная булавка. Я узнала, что Владиміръ Николаевичъ женатъ, но бездѣтенъ. Вслѣдствіе этого его супруга уже пятнадцать лѣтъ какъ не выходитъ изъ третьяго десятка. Кромѣ того, у ея превосходительства—тетка графиня, а братъ спустилъ родовыхъ имѣній болѣе чѣмъ на полмилліона. Ихъ превосходительства любятъ цвѣты, большіе пріемы на манеръ петербургскихъ и ежегодные отпуски. Владиміръ Николаевичъ прекрасно говорилъ по французски, а въ дѣловыхъ бесѣдахъ изъяснялся краткими, но вполнѣ круглыми фразами, музыкою которыхъ онъ всегда увлекался при чтеніи петербургскихъ циркуляровъ.

Онъ усматривалъ въ этомъ стилѣ пушкинскія традиціи.

Владиміръ Николаевичъ добрался до меня, успѣвъ подписать множество бумагъ и сильно поуставъ. Дѣло было вечеромъ. Четыре свѣчи зеленаго абажура рябили въ глазахъ и его превосходительство поскорѣе вершалъ свою урочную работу. Положивъ меня передъ собою и едва скользнувъ взглядомъ по моему довольно объемистому, двухстороннему тексту, онъ зѣвнулъ и, взявъ черный карандашъ, написалъ ту фразу, которая показалась ему наиболѣе ко мнѣ подходящей. Эта фраза, ровно ничего не рѣшая, все однако разрѣшала. Ее можно писать, гдѣ попало, на чемъ попало и всегда она будетъ одинаково умѣстною. Резолюція его превосходительства, написанная мелкимъ англійскимъ почеркомъ, гласила слѣдующее:

«*Сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе и увѣдомить*».

На слѣдующій день правитель канцеляріи убралъ меня съ начальническаго стола, вложилъ въ папку, снесъ къ себѣ и затѣмъ передалъ, для дальнѣйшаго движенія, обратно къ Петру Степановичу Рыжикову.

Когда въ моей карьерѣ наступилъ знаменательный переломъ. Я, входящая бумага, должна была родить бумагу исходящую. Служа какъ бы вопросомъ, я должна была вызвать какъ бы отвѣтъ. Я уже носила свою дочь въ зачаткѣ. Я знала, что у нея будетъ много отцовъ, но главнымъ изъ нихъ былъ его превосходительство. Рыжиковъ позвалъ къ себѣ на совѣщаніе Биркина.

— Вотъ что, сказалъ онъ ему,—его превосходительство положилъ резолюцію.

— Какъ всегда?

— Да, по обычаю. «Сдѣлать соотвѣтствующе распоряженіе и увѣдомить». Ну и дѣлайте теперь соотвѣтствующее распоряженіе и увѣдомляйте.

— Однако, Петръ Степановичъ. .

— А, ужъ это ваше дѣло. Поразмыслите. Ну, что нибудь тамъ, такое, знаете, не совсѣмъ опредѣленное. Эдакъ, знаете, вообще. Что же дѣлать-то? И такъ вы уже продержали у себя эту бумагу больше мѣсяца. Для меня это совсѣмъ ножъ острый. Вы знаете я не люблю залежалыхъ бумагъ и всегда-всегда прошу васъ объ этомъ. Пишите, что хотите, а только чтобы своевременность была. А вы по мѣсяцамъ тянете. Не хорошо. Въ этотъ разъ, пожалуйста, ужъ не задерживайте. Это не подчиненное мѣсто пишетъ. Надо сбыть.

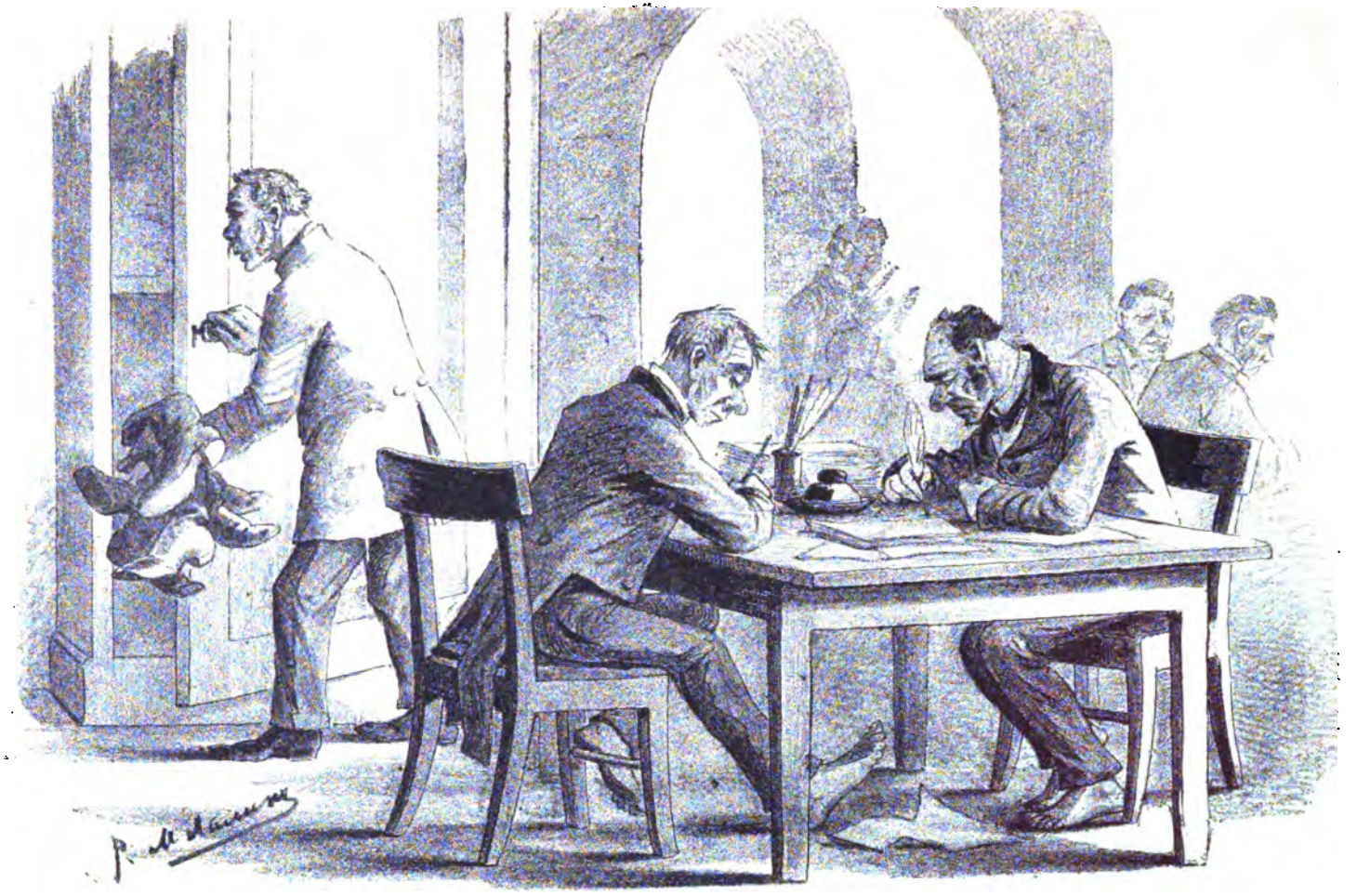
иркинъ возвратился къ своему столу крайне озлобленный. Онъ швырнулъ меня съ такою силою, что я ударилась объ стекло окна и, отскочивъ, упала на полъ. Этотъ человѣкъ непремѣнно изъ дворовыхъ.

— Вотъ вы тутъ и подите, обратился онъ затѣмъ къ своему товарищу, столоначальнику же Братолюбову. Чушь! какъ есть чушь! Бьюсь объ закладъ, что ни одинъ чертъ смысла не пойметъ. А тутъ отвѣчать надо. Да еще съ выговорами велитъ. Пролежала молъ. А кому какой толкъ въ ней? Теперь и пиши отвѣтъ.

Биркинъ въ сердцахъ плюнулъ въ уголъ. Онъ досталъ листъ сѣрой бумаги, разрѣзалъ его перочиннымъ ножикомъ, согнулъ въ четверку, вложилъ въ средину транспарантъ и, выпустивъ черезъ ноздри и ротъ несмѣтное количество табачнаго дыму прямо на бумагу, задумался, водя стальнымъ перомъ по синему картону, прикрывавшему канцелярскій столъ. На этомъ картонѣ успѣли уже появиться многочисленныя подписи и съ росчеркомъ того же Биркина, какіе то росчерки безъ подписей, отдѣльныя слова, были вырисованы даже какъ бы подобія какихъ-то фигурокъ, а отвѣтъ все-таки не лѣзъ въ голову. Биркинъ вздохнулъ, открылъ форточку и постоялъ у свѣжаго воздуха, какъ бы поджидая съ улицы освѣженія и вдохновенія. Наконецъ пришло послѣднее. Биркинъ сильно обмакнулъ перо, ударилъ бокомъ его объ чернильницу и, не останавливаясь, вывелъ сразу нижеслѣдующія строки:

«Въ отвѣтъ на отношеніе отъ 25 минувшаго Августа сего года за № 10554, NN имѣетъ честь увѣдомить, что свѣдѣнія, буде таковыя требуются, согласно указаннаго отношенія, по забраніи соотвѣтственныхъ

Энергическая мѣра.



— Такъ, запремъ... Безъ сапоговъ, небось, никуды не удерете-то. Чистое наказаніе мнѣ съ ними то... «Только въ тебѣ, Савельичъ, самъ начальникъ намедни сказалъ мнѣ это, только и была моя надежда»...

справокъ, могутъ быть представлены на усмотрѣніе подлежащихъ вѣдомствъ и о распоряженіи, которое по сему предмету послѣдуетъ, просить извѣстить».

— Ну, развинтите-ка! самодовольно воскликнулъ послѣ этого Биркинъ и позвалъ къ себѣ Братолюбова, который пришелъ въ восторгъ. Онъ, Братолюбовъ, никогда бы не ухитрился написать ничего подобнаго. Биркинъ молодецъ. Биркинъ—голова и непремѣнно быть ему гдѣ нибудь совѣтникомъ.

была теперь уже не одна, потому и всюду странствовала со своею сейчасъ вамъ показанною дочерью,—исходящею. Послѣднюю снесли перебѣливать. Работу эту исполнилъ умѣло и съ большимъ тщаніемъ знакомый уже мнѣ канцелярскій чиновникъ, отличный пловецъ, Матрешкинъ. Переписывая онъ много хохоталъ и восторженно качалъ головою. Это обстоятельство собрало вокругъ него товарищей, и дочери моей, исходящей, суждено было быть, какъ и мнѣ въ свое время, настоящею героинею. Когда ее переписали, насъ отнесли вновь къ Биркину, который свѣрилъ чернякъ съ бѣловою; разставилъ кое-гдѣ, но довольно-таки безтактно, знаки препинанія и первый подписалъ мою дочь, но изъ почтенія такъ низко, у самаго края ея, что, казалось, будто его подпись сейчасъ свалится съ бумаги и упадетъ на полъ.

Послѣ этого перваго шага слѣдовалъ второй. Биркинъ доставилъ насъ вновь къ начальнику отдѣленія Рыжикову. Тотъ сразу вспомнилъ обо мнѣ, злосчастной.

— Да, кстати, сказалъ онъ, это все та же безтолковая бумага?

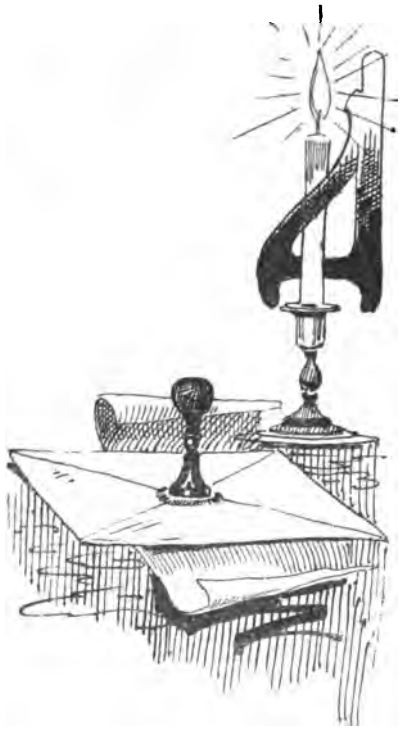
— Точно такъ, сказалъ Биркинъ, и расцвѣлъ, предвкушая близкую похвалу начальника.

— А-а-а. Интересно, какъ вы тутъ справились? Помню, и я самъ вѣдь ничего разъяснить не могъ.

Рыжиковъ вынулъ мою бѣленькую, свѣжую, цвѣтущую дочь изъ моихъ весьма уже потертыхъ объятій и громко, съ чувствомъ, прочелъ ее. Нѣчто въ родѣ словесной музыки пробѣжало по комнатѣ. Кончивъ чтеніе, Рыжиковъ сказалъ:

— Да, очень мило и гладко. Понять, положимъ, ничего нельзя, но вѣдь это простой отвѣтъ на соотвѣтственный запросъ. Ejusdem farinae...

И онъ въ свою очередь подписалъ исходящую, завертѣвъ плетушкой росчеркъ своей подписи. Моей дочери, до полной ея правоспособности и дѣеспособности, оставался уже только одинъ шагъ—скрѣпленіе рукою его превосходительства. Владиміръ Николаевичъ прочиталъ ее со вниманіемъ, слегка почесалъ свою маленькую холеную лысинку на затылкѣ, сдѣлалъ гримасу, покачалъ нѣсколько разъ головою, сказалъ про себя, не-то съ укоромъ, не-то съ соболѣзнованіемъ: «ахъ, какъ они иной разъ пишутъ», но видя, что моя дочь уже украшена двумя подписями, тутъ же вывелъ и свою подпись темно-фіолетовыми чернилами.



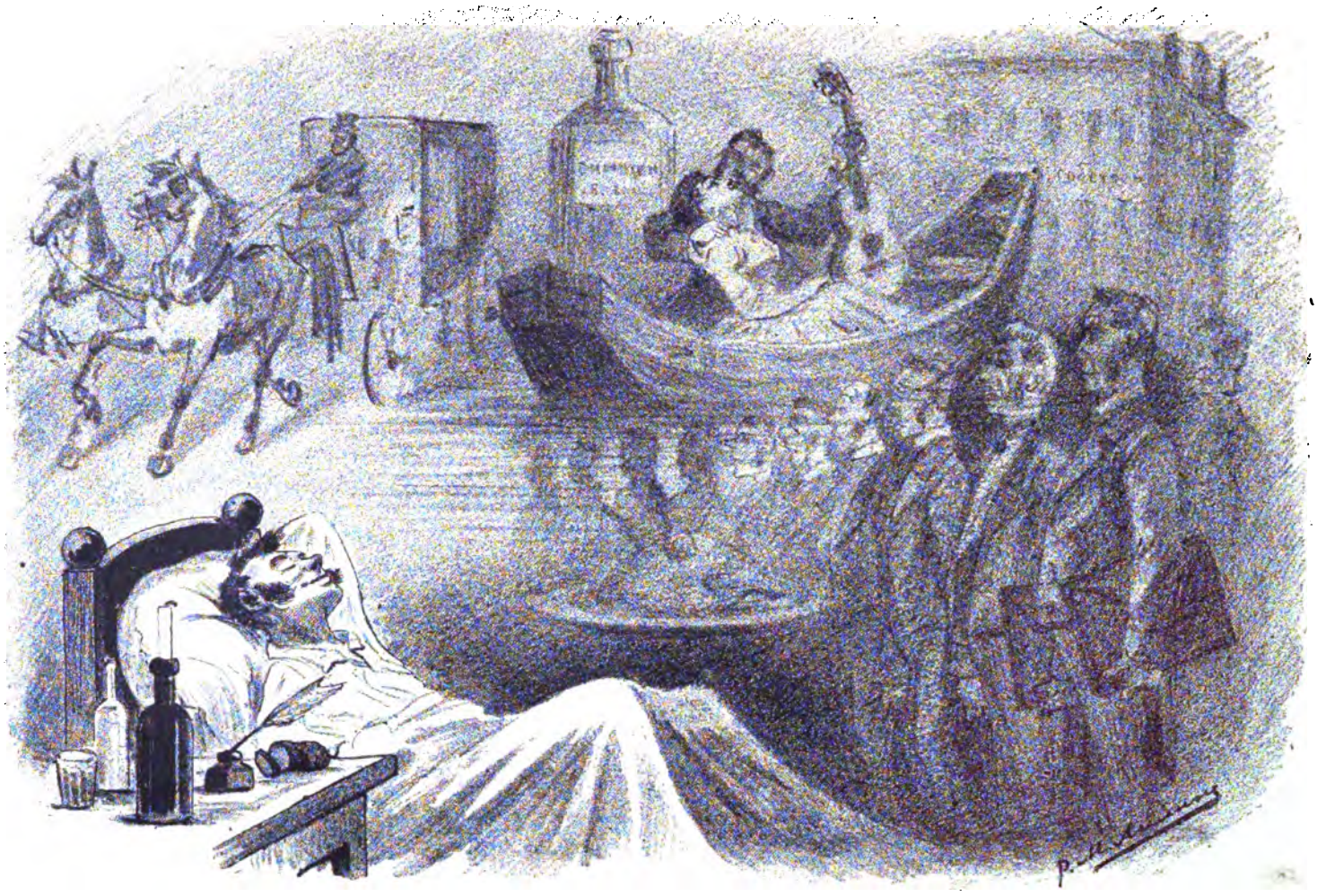
ля меня съ дочерью наступила тогда трогательная минута прощанія на всегда. Я должна была остаться на ся родинѣ, а ей нужно было отправиться на мою. Мы лежали молча, не нарушая праздными фразами торжественно печальной минуты. Я только сказала ей, не столько впрочемъ для упрека, сколько для того, чтобы раскрыть дочери тайну ея рожденія:

— Если тамъ, у меня на родинѣ, въ нашемъ архивѣ, ты встрѣтишься какъ-нибудь съ моимъ чернякомъ и замѣтишь въ немъ сказуемое, то скажи ему, какъ дочь отъ матери своей, что оно, это сказуемое, было причиною всѣхъ моихъ передрягъ и неудачъ, всѣхъ обидъ и огорченій и что изъ-за него, изъ-за этого проклятаго сказуемаго, безумная мать выносила и родила безсмысленную дочь!

Насъ разлучили. Биркинъ оставилъ меня у себя, сдавъ мою дочь Власову въ регистратуру. Принимаясь записать ее въ исходящую книгу, онъ задумался и надъ моею дочерью, точь-въ-точь какъ и надо мною, два мѣсяца тому назадъ. Только тогда это былъ ясный, теплый и нѣжный лѣтній день, а теперь—стояла сырая и промзглая осенняя мгла, столь близко соотвѣтствовавшая моему меланхолическому настроенію.

Послѣ двадцатаго числа

(сонъ въ лѣтнюю ночь помощника столоначальника).



— Держи правѣе, ррразшибу!... «Позвольте, барышня, ручку покрѣпче къ сердцу прижать» .. Садитесь, господа, садитесь»... «По которой, говорите, по пятой? Можно, даже очень можно. Тутъ рябиновка, а вотъ и домашняя настойка»...

Власовъ долго вертѣлъ исходящую во всѣ стороны и наконецъ, махнувъ рукою, выдалъ ей, въ графѣ «содержаніе бумагъ» нижеслѣдующій паспортъ: «отвѣтъ на запросъ за № 10554 касательно извѣщенія собранныхъ по начальству свѣдѣній».

Дочь мою сложили, какъ и меня, въ четвертушку, задѣлали въ конвертъ, запечатали и повезли на почту, а меня на вѣкъ приковали къ какому-то «дѣлу» и похоронили въ архивной катакомбѣ.

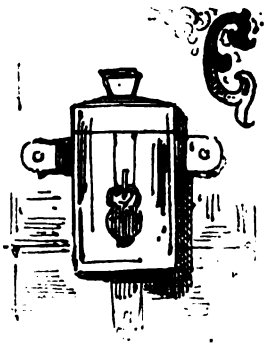
Вотъ, господа, печальная, но правдивая исторія безумной матери и ея безсмысленной дочери!...

VII.

ТАНЦУЮЩІЯ ДЕНЕЖКИ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦЫ.

Вторникъ.



Сегодня, наконецъ, когда Володя послѣ обѣда лежалъ съ сигарою на оттоманѣ, я подошла къ нему въ своемъ capote reine Hortense—это вѣдь маленькій chef d'oeuvre d'aristocratique élegance, и сѣвъ рядкомъ сообщила ему о своемъ планѣ. Я ему сказала, что если noblesse oblige, то и position тоже oblige. У предводительши, графини Тарантасовой, давно есть свое благотворительное общество «Доброхотная денежка». Между тѣмъ, я сижу безъ дѣла и какъ-бы остаюсь въ тѣни. Между тѣмъ, графъ Тарантасовъ, какъ предводитель, представляетъ собою только «мысль», а мы съ Володей—представляемъ власть. А я эту старую гордячку изъ цыганокъ не люблю,—ну просто не люблю. Переварить Тарантасовой не могу. Вотъ я и сказала Володѣ, что само мое положеніе требуетъ болѣе активной роли. Онъ пощекоталъ меня подъ мышкой, но я попросила его говорить серьезно о серьезномъ дѣлѣ. Эти мужчины неисправимы!

Я хочу учредить свой собственный благотворительный кружокъ. Онъ будетъ называться у меня «Сердобольный грошикъ». Названіе новое, но очень милое, хотя Володя и покривился при немъ:

— Serdobolnui groschik, сказалъ онъ,—quel nom bizarre!

Чудакъ! А у него самаго какія есть смѣшныя коммисіи!

Разныя тамъ: «продовольственнаго здравія», «думскихъ пересмотровъ», «тюремнаго попечительства» — enfin, je ne sais lesquels.

Поломался мой Вольдемаръ, но сдался. Самъ только не хочетъ ровно ни къ чему принадлежать. Тѣмъ лучше. У насъ въ кружкѣ веселѣе будетъ. Володю боятся, и потомъ онъ непремѣнно привелъ бы съ собою своихъ скучнѣйшихъ господъ въ вицъ-мундирахъ. Moi,—je déteste les tschinovniks! Ничего не знаютъ, мало говорятъ и все только кланяются.

Не забыть: сегодня я сдѣлала буфетчику Якову первое предостереженіе. Нужно записать. Я ему сказала, что у меня le petit bonjour наступаетъ послѣ трехъ предостереженій. Просто изъ глазъ тащитъ. На дняхъ сама, какъ есть сама, видѣла, что осталось еще полбутылки бенедиктину, а вчера онъ говоритъ, что уже нѣтъ ликеру. Къ тому же и Володя замѣтилъ, что у Якова въ его комнатѣ что-то очень «Фейкомъ пахнетъ». Навѣрное и сигары таскаетъ. C'est embêtant çal

Суббота.

Милая Sophie прелестное письмецо прислала мнѣ изъ Петербурга. О томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, но такъ все это хорошо у нея выходитъ. Я подразнила даже Вольдемара письмомъ остроумной Софи. «Вотъ, сказала я, если-бы всѣ твои чиновники такъ хорошо писали, ты не приходилъ-бы ко мнѣ по вечерамъ съ такою постною физіономіею и не почесывалъ-бы такъ часто своей лысинки —впрочемъ, еще довольно кокетливой лысинки.

Между прочимъ, Sophie пишетъ, что теперь входятъ у нарядныхъ дамъ въ моду черныя шелковыя рубашки съ брюссельскими кружевами. Это должно быть очень, очень красиво. Совѣтуетъ она мнѣ тоже подписаться на новый парижскій журналъ «L'art des femmes»; для образца прилагаетъ выписку изъ него насчетъ lingéries intimes. Вотъ она: «Nous y voilà, et le premier objet à revêtir, qu'on vous y présente, c'est le... pantalon. Ce n'est plus l'horrible gêne d'autrefois, on le fait adorable et coquet, pour qu'il ne trouble pas, d'un accord discordant le délicieux poème qui s'appelle la toilette intime de la femme, et qui semble écrit par ce grand et incomparable poète: l'Amour. Il n'y a que les Anglaises gourmées qui n'osent parler du ***pantalon Chérubin***, si joli avec sa jarretière de ruban, qui le serre au genou, sous lequel s'agite et frissonne un long volant de dentelles».

Какъ поэтически изображено! Такъ только одни французы писать и умѣютъ. Ah, le beau Paris! Говорятъ, новую выставку подготовляютъ. Непремѣнно уговорю Sophie и поѣдемъ.

Засѣданіе общества „Сердобольный грошикъ“.

Предсѣдательница. Я полагаю, что пренія заключены.
Секретарь. Какъ же, ваше превосходительство, заключены, когда они еще не начинались.
Предсѣдательница. Ну, въ такомъ случаѣ, прямо запишите ихъ въ вашъ журналъ.

А своихъ будущихъ бѣдненькихъ я чуть совсѣмъ не забыла. Revenons à nos moutons. Ну, такъ вотъ. Варпасовскій — онъ у меня такой шустренькій Gôgo—уже пишетъ уставъ, а Володя торжественно обѣщалъ мнѣ дать «дальнѣйшій ходъ къ законодательной санкціи». Средства «Сердобольнаго грошика» будутъ составляться изъ ежегодныхъ взносовъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, изъ добровольныхъ пожертвованій и изъ сборовъ отъ благотворительныхъ баловъ, маскарадовъ, спектаклей и концертовъ.

Наконецъ-то начнется жизнь и въ этомъ нашемъ несчастнѣйшемъ изъ несчастнѣйшихъ Неплюевскѣ.

Сегодня выпалъ снѣгъ, совсѣмъ зима начинается. Надо написать къ maman, въ Москву, чтобы она выслала голубую сѣтку на нашу черную пару.

Яковъ вчера ушелъ со двора и сегодня еще не пришелъ. Заглазно объявляю ему второе предостереженіе.

Володя что-то очень мраченъ. Не знаю только, отъ недоимокъ или отъ корреспонденціи. Toujours la politique!

Кажется черезъ двѣ недѣли.

a marche. Уставъ готовъ и очень хорошо напечатанъ такими маленькими синенькими книжечками. Въ нашей газеткѣ посвящена мнѣ цѣлая передовая статья. Обвела ее краснымъ карандашемъ и сюрпризно положила Володѣ на столъ между срочными бумагами. Надо будетъ и редактору дать въ «Сердобольномъ грошикѣ» какую-нибудь должность. Все-таки гласность.

У насъ уже происходило первое засѣданіе дамъ-учредительницъ. Покуда я пригласила: княгиню Уховертову, княгиню Ляликову, бароннессу Хандшу и только. Надо будетъ еще, впрочемъ, завербовать жену головы Папкину и директоршу банка Лабутину, отъ которой, по словамъ Володи, «очень кардамономъ пахнетъ». Фи! Но что же дѣлать. Нужно мириться и съ этимъ au profit des ceux, qui sont frappés par la rude main de la fatalité. Варпасовскій еще очень настаиваетъ на томъ, чтобы у насъ была и Бровцына-Семигальская. Говоритъ, что у нея очень много поклонниковъ и что она всѣхъ приведетъ съ собой. Совѣтовалась съ Володей. Онъ этому сочувствуетъ, даже, какъ мнѣ показалось, черезчуръ уже сочувствуетъ... Подумаю.

Четвергъ.

Ну, какъ я устала! Все къ Софи писала; кажется, обо-всемъ написала. Нужно бы послать ей 600—700 рублей, для уплаты по петербургскимъ счетамъ Мопра и модистки.

Только мнѣ ужасно трудно съ Вольдемаромъ. Maman тоже скупится. Право, не знаю, какъ и быть. Пусть Sophie попроситъ француженокъ, чтобы подождали. Не пропадетъ вѣдь.

Ça marche,—ça marche. Только и говорятъ въ городѣ о «Сердобольномъ грошикѣ». Редакторъ Швецовъ печатаетъ подробнѣйшіе отчеты о нашихъ учредительскихъ засѣданіяхъ. Споримъ и разсуждаемъ, точно въ швейцарскомъ парламентѣ. Есть уже и партіи: fine fleur, предводительствуемый молодымъ княземъ Уховертовымъ, котораго я перетянула-таки отъ Тарантасовой и который совершенно напрасно споритъ съ Варпасовскимъ, и эдакая демократическая, сборная партія подъ командой Лабутина. Говорятъ, Тарантасова страшно злится на меня, просто имени моего слышать не можетъ, и, пріѣхавъ къ мужу изъ заграницы на весь сезонъ, опять хочетъ бросить его и уѣхать. Пускай ее позлится. Мнѣ все равно, je ferai le bien par tendresse de coeur et pour la satisfaction de ma propre conscience.

Народу прибываетъ. Только и дѣлаемъ, что принимаемъ въ члены, получаемъ деньги. Почетныхъ членовъ больше десяти, а дѣйствительныхъ набралось съ полсотни. На счетъ Бровцыной-Семигальской все еще вопросъ открытый. Дамы протестуютъ, но мужчины ужасно тянутъ ея сторону. Не знаю, какъ и выйти изъ этого embarras.

Вчера Володя передалъ мнѣ два прошенія на мое имя отъ бѣдныхъ. Онъ, впрочемъ, говоритъ, что нельзя давать ничего до утвержденія устава. На прошеніяхъ я сдѣлала помѣтку о справкахъ и передала ихъ Варпасовскому. Онъ теперь уже оффиціально у насъ секретарствуетъ, а князь Борисъ взялся быть окружнымъ попечителемъ. По крайней мѣрѣ споровъ и непріятностей не будетъ.

Не забыть: надо выписать изъ Петербурга самодѣйствующій фонтанъ какого-то Біенже. При моихъ цвѣтахъ это будетъ настоящая прелесть. Только недоставало бы маленькой оттоманки-fantaisie изъ шелковъ рококо. Но что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать съ моимъ Вольдемаромъ?

Одна изъ распространеннѣйшихъ JEUX DE SALON.

Погоня за благотворителемъ или десять рукъ за однимъ рублемъ.

— Передъ святымъ дѣломъ помощи ближнимъ, всѣ одинаково равны, *сударыня*...

Суббота.

Sophie забираетъ справки, чрезъ мужа въ Петербургѣ, на счетъ нашего устава. Какъ они медлятъ тамъ, въ этихъ департаментахъ. Ужасно! Все готово, а руки связаны. Сезонъ уже идетъ, а мы ничего еще не сдѣлали.

Просьбы о пособіяхъ поступаютъ ежедневно. Я уже ихъ даже и не читаю. Просто пишу: «забрать справку» и передаю Варпасовскому. Хлопотъ то все-таки много.

Изъ за этой актрисы Бровцыной-Семигальской вышелъ цѣлый скандалъ. Уступя большинству голосовъ, я ее приняла въ члены и послала билетъ. Она и пріѣхала къ намъ на первое же засѣданіе. Да пришлось ей сѣсть рядомъ съ княгиней Ляликовой. Виновата я, конечно: не замѣтила этого mésalliance'а, да и какъ мнѣ было устранить его? Сижу я на своемъ предсѣдательскомъ креслѣ и вижу: дѣло весьма неладно. Ляликова такъ и воротитъ въ сторону отъ Бровцыной свою крашеную физіономію; кряхтитъ она, вертится, пыхтитъ и, гримасничая, все что-то на ухо шепчетъ своей адъютантшѣ Лизочкѣ. Всѣ это замѣчаютъ. Дамы переглядываются. Мужчины улыбаются. Бровцына, понявъ въ чемъ дѣло, сама поворачиваетъ свой стулъ и задомъ садится къ Ляликовой. Что-то такое читаютъ, что-то такое говорятъ, входятъ, уходятъ, чай подаютъ, но я ужъ ничего не соображаю. Такъ въ вискахъ и стучитъ. Думала я, что уже и конца не будетъ этому ужасному засѣданію. Ah, que le rôle d'une présidente est pénible!

Кончили наконецъ. Встаютъ, берутся за шляпы. Но Ляликова остается и все бьетъ вѣеромъ по рукѣ, точно сѣчетъ ее. Веду ее въ маленькую гостинную. Все откашливается. Говорятъ, что когда она зла, то очень много слюны у нея въ горлѣ застрѣваетъ. Садимся.

— Вѣра Павловна, тараторитъ мнѣ Ляликова,—это ужасно jamais je ne croyais, que dans votre charmante société мнѣ придется вынести то, что я сегодня вынесла!

— Позвольте, говорю, — princesse, mais enfin les bonnes oeuvres...

— Да,—говоритъ она и опять хлопаетъ себя вѣеромъ по рукѣ съ такою силою, что мой бѣдный испуганный попка тоже начинаетъ вздоръ какой-то молоть.—Да, но это никому не даетъ права садить меня рядомъ съ какой-то арфисткой!...

Объясняю ей, что я тутъ ни причемъ, что Бровцына выбрана большинствомъ кружка и на основаніи устава.

— Je m'en fiche de vótre oustave! кричитъ она на это.

Выходитъ сцена. Попка оретъ: «пожалуйте ручку», княгиня говоритъ, что ей дурно, Лизочка достаетъ изъ кармана англійскую коробку съ нашатырнымъ спиртомъ. А я сама не знаю, что и дѣлать. По счастію, приходитъ и Вольдемаръ. Вижу и онъ весь взволнованъ.

— Сударыня, говоритъ онъ Ляликовой — замѣтьте, говоритъ «*сударыня*», а не «княгиня», и говоритъ своимъ ледянымъ, невозмутимымъ тономъ—Вашъ образъ дѣйствій могъ-бы заслуживать если не осужденія, то, во всякомъ случаѣ, истиннаго сожалѣнія. Въ такомъ святомъ и почтенномъ начинаніи, какъ благотворительность, всѣ одинаково равны и одинаково желательны. Тутъ нѣтъ ни званій, ни сословій, ни общественныхъ подраздѣленій. Неумѣстно вносить какіе-бы то ни было личные элементы въ общесгво, зиждущееся на чисто христіанской любви къ ближнему. Вы, сударыня, всегда въ правѣ отказаться отъ вашего участія.

— А! кричитъ Ляликова — я въ правѣ отказаться? Такъ хорошо! Прекрасно! Я и отказываюсь; сейчасъ же отказываюсь, сію минуту отказываюсь!

Вольдемаръ съ достоинствомъ кланяется. Я, стоя въ сторонѣ, усмиряю разболтавшагося попку. Противная птица! Лизочка сидитъ у дверей, синевато-зеленая.

Ляликова уходитъ. Мужъ ее провожаетъ. Только на нижней площадкѣ, на лѣстницѣ, вдругъ она останавливается и, вся запыхавшись, кричитъ Володѣ:

— Я ушла! Но позвольте мнѣ мой членскій взносъ обратно. Это не хорошо! Это неблагородно!

Володя достаетъ изъ кармана десятирублевую бумажку и передаетъ ее Ляликовой *чрезъ лакея*.

Послѣ этой исторіи у меня была страшная мигрень. Да и Володя надоѣдалъ. Когда хочетъ, онъ страшно умѣетъ пилить своимъ спокойнымъ, ледянымъ, причитывающимъ тономъ.

Варпасовскій спрашивалъ, что ему дѣлать съ прошеніями. Ихъ у него уже болѣе ста. А я почемъ могу знать?

Понедѣльникъ.

ѣтъ, этимъ француженкамъ рѣшительно недостаетъ приличія и такта. Еще два счета. И все тѣ же. Въ общемъ-то я имъ и должна всего рублей 700—800, не болѣе. Попробовала заговорить по этому предмету съ Володей за обѣдомъ. Онъ вовсе не знаетъ, какъ мнѣ нужны деньги. Онъ все думаетъ, что maman мнѣ воспособляетъ. А maman давно уже не присылаетъ мнѣ ничего, кромѣ московскихъ пересудовъ. Очень они мнѣ нужны! Володѣ я

Всѣ они такіе.

— Такъ нынче третируютъ мужья своихъ любимыхъ женъ.

«... У Варпасовскаго всегда какая нибудь новость. Мы спѣли съ нимъ, за фортепіано, новый и очень милый французскій романсъ «Floréal»...

сказала, что мой туалетъ нуждается въ серьезной реформѣ и что я его убѣдительно прошу ассигновать мнѣ тысячу рублей на это. Но, въ отвѣтъ, онъ сдѣлалъ мнѣ какую-то дурацкую пантомиму и попросилъ не приставать къ нему съ такими «вопросами», потому что онъ сидитъ совсѣмъ безъ денегъ.

Такъ нынче третируютъ мужья своихъ любимыхъ женъ!

Среда.

Сегодня должно было быть наше обычное засѣданіе, но я нарочно не разослала пригласительныхъ повѣстокъ. Съ одной стороны, устава все еще нѣтъ, а съ другой—эти наши засѣданія страшно, по правдѣ, утомляютъ, да и пока ни къ чему не ведутъ.

Только и приняла Варпасовскаго съ бумагами. Онъ доложилъ мнѣ, что въ кассѣ на лицо должно быть около 900 р. Вѣроятно, такъ. Я не считала. Касса «Сердобольнаго грошика» у меня въ особомъ туалетномъ ящичкѣ. Надо будетъ сдать ее Лабутину, на текущій счетъ. У этого Варпасовскаго всегда какая-нибудь новинка. Потолковавъ о дѣлахъ, онъ досталъ изъ портфеля новый романсъ парижскаго изданія. Называется онъ «Floréal» и вотъ его первая строфа:

Bientôt le jour va nâitre
Et le printemps va reparaitre.
Deja l'aube en pleurs sème ses couleurs
Sur les bois et les prés en fleurs.
Voici venir l'aurore
Tout se reveille et se colore.
Depuis les buissons,
Remplis de chansons
Jusqu'aux fleurs qui viennent d'éclore.
Des pommiers fleuris,
Il neige et des nids
Suspendus dans leurs branches
Malgré le ciel pur,
Rayonnant d'azur,
Il pleut des plumes blanches
Et, l'air est embaumé
D'un parfum bien aimé... и т. д.

Мы спѣли этотъ прелестный романсъ за фортепіано, вмѣстѣ съ Варпасовскимъ. У него сносный баритонъ, но очень ужъ онъ ломается. Въ прошломъ году видѣлъ въ Петербургѣ Корсова и все подражаетъ ему! Глупо.

Пятница.

Ah, que je suis malheureuse! Кто-бы могъ думать? Надо-же дойти до такого свинства, до такого предательства, до такого негодяйства! И какъ ловко онъ меня обманывалъ! А я глупенькая ему вѣрила и ни въ чемъ не сомнѣвалась! Если-бы не простой случай, я и теперь ровно ничего не знала бы.

Было у насъ еще одно противнѣйшее засѣданіе. Все шло какъ всегда. Членовъ собралось человѣкъ 15. Разсматривали программу благотворительнаго спектакля. Хотятъ поставить одинъ актъ изъ «Медеи» и пару водевилей съ куплетами. Въ засѣданіе спеціально была приглашена и эта негодная арфистка Семигальская. Нужно сказать, что она уже давно просто поражала меня развязностью своихъ манеръ. Точно у себя дома ломается! А мужчины собачками кругомъ нея такъ и бѣгаютъ.

Вотъ хорошо. Наступилъ перерывъ въ засѣданіи. Мужчины пошли курить въ кабинетъ къ Володѣ. Я отправилась въ буфетъ, что-то сказать Якову. Вдругъ, вспомнила я, что мнѣ нужно о чемъ-то немедленно перетолковать съ Владиміромъ. Иду въ залу. Нѣтъ его. Посылаю лакея въ курительную. Тоже, говоритъ, нѣтъ. Что за исторія! Принимаюсь сама искать. Быстро вхожу въ маленькую голубую гостиную, и что же я вижу?! На диванѣ, небрежно развалясь, полулежитъ Семигальская, а Володя, Владиміръ-то Петровичъ! — наклонясь и рядкомъ сидя, рукою поглаживаетъ ее по ботинкѣ! Тутъ ужъ я не выдержала. Вся кровь такъ и бросилась у меня въ голову. Подъ рукою стояла фарфоровая пепельница, и я пустила ею. Потомъ еще чѣмъ-то бросила. Потомъ еще чѣмъ-то... Ничего не говорю,—ненавижу громкихъ скандаловъ,—но бросаю и бросаю. Все, кажется, перебросала. Вижу еще лежитъ на окнѣ шляпка этой негодницы. Этакая, знаете, новая chapeau Rubens. Схватила я и эту шляпку — да подъ ноги. Когда я пришла въ себя, смотрю, въ комнатѣ никого уже нѣтъ. Только лакей стоитъ у дверей и докладываетъ, что въ залѣ меня давно ждутъ... Это ждутъ-то, чтобы я продолжала засѣданіе послѣ такой потрясающей исторіи!

Пошла я, однако. У меня есть, по счастью, и воля, и характеръ. Сѣла, оглянулась. Вижу, красавчика-то моего нѣтъ. А у присутствующихъ все такія странныя, какъ-бы насмѣшливыя физіономіи.

— А гдѣ же мужъ? спрашиваю Варпасовскаго.

Тотъ привскочилъ, заегозилъ.

— Не могу вамъ сказать, говоритъ.

— Какъ же это? продолжаю.—Онъ намъ хотѣлъ сообщить сегодня, что-то очень важное на счетъ устава. Тамъ требуютъ изъ Петербурга какихъ-

Сюрпризная сцена.

Между молотомъ и наковальнею (...«Я бросала все, все, что только подъ руку попало»...).

то передѣлокъ. Арсеній,—говорю я лакею,—доложи барину, что барыня убѣдительно проситъ ихъ немедленно сюда пожаловать. Скажи, что всѣ тутъ ждутъ барина.

Арсеній пошелъ. Молчаніе. Всѣ ждутъ. А я-то въ душѣ потѣшаюсь. Наконецъ-то! Входитъ мой Владиміръ Петровичъ. И, эдакій іезуитъ, эдакій актеръ водевильный! Хоть-бы что! Какъ всегда—величественъ, спокоенъ, невозмутимъ. Только лѣвый глазъ у него дергаетъ. Тоже садится. Обращаюсь къ нему, въ качествѣ предсѣдательницы, самымъ офиціальнымъ тономъ.

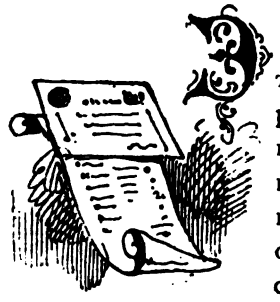
— Владиміръ Петровичъ, говорю я ему,—наше почтенное собраніе надѣется услышать отъ тебя сегодня *точныя* и *обстоятельныя* свѣдѣнія на счетъ положенія нашего устава. Понимаете: *точныя* и *обстоятельныя*. Сдѣлайте, молъ, милость, залейтесь соловьемъ!

И что же?

Да опять ничего. Ахъ, какой іезуитъ! какой интриганъ! А я-то, я-то, дурочка, простушка, комически обманутая наивность!

Все какъ слѣдуетъ—доложилъ, пояснилъ, сообщилъ, и такъ это гладко, любезно, съ собственнымъ достоинствомъ и съ полнымъ удовольствіемъ. Ненавижу этого человѣка. Ну, мужчины...

Воскресенье.



Та скверная арфистка сама всѣмъ похвасталась и все разсказала. Для нея, конечно, лестно быть *моею* соперницею. Положеніе мое ужасное. Въ глаза никто не говоритъ о томъ, что было, но всѣ бранятъ: и нашу жалкую труппу вообще, и Семигальскую въ особенности. А за глаза всѣ вмѣстѣ съ нею-же острятъ и *надо мною* потѣшаются. Но я умѣю постоять за себя. Этотъ іезуитъ дорого заплатитъ мнѣ за свое предательство! И какъ-же славно, какъ умно, какъ находчиво я отомстила ему. Только позеленѣлъ; но ничего, ни одного слова, ни гу-гу.

Умница, паинька, героиня—вотъ кто я?

Послѣ всѣхъ этихъ глупыхъ дрязгъ, получаю я весьма непріятное письмо отъ Sophie изъ Петербурга. Письмо холодное и совсѣмъ дѣловое. Sophie пишетъ, что я поставила ее въ весьма неловкое положеніе. Она рекомендовала меня обѣимъ француженкамъ и поручилась за мою исправность. А француженки, не получая денегъ, лѣзутъ теперь къ ней на квартиру и надоѣдаютъ. Кромѣ того, бранятъ ее за глаза передъ знакомыми и даже незнакомыми. Sophie въ отчаяніи. Сообщая мнѣ объ этомъ, она и проситъ, и требуетъ, чтобы долгъ мой немедленно былъ высланъ по принадлежности, предостерегая меня, на счетъ скандала

Благотворительная лотерея-ALLEGRI.

Послѣ сорока билетовъ «allegri».

— Долго ли вамъ ждать будущаго вашего обладателя.

— Совсѣмъ глупо!...

— Намекъ на осѣдланіе или случайность?

— Складная шляпа! И какая высокая, сколько мѣста... для роговъ.

— Гм...

Дѣло въ томъ, что француженки грозятъ выслать сюда какого-то ходатая, чтобы онъ по суду взыскивалъ съ меня деньги.

Хорошъ муженекъ! Съ одной стороны, обманываетъ, амурничая съ какой-то арфисткой, а съ другой—доводитъ свою жену до непріятнѣйшихъ развязокъ. Прочитавъ письмо, пошла я прямо въ кабинетъ къ мужу. Такъ и такъ, говорю, деньги нужны.

— Какія, говоритъ, деньги? Я, говоритъ, очень занятъ теперь. Да и нѣтъ у меня никакихъ денегъ.

— А-ль, нѣтъ у тебя денегъ, Владиміръ Петровичъ? переспрашиваю я его.

— Извини, матушка, ей-Богу нѣтъ.

— А на арфистокъ, говорю, на «звѣздъ» вашего каскаднаго міра деньги есть?

Молчитъ да все какія-то бумаги перебираетъ, да въ десятки разъ укладываетъ. Я повернулась. У дверей еще разъ спрашиваю:

— Такъ денегъ, говорю, нѣтъ?

— Ахъ, оставь меня, дорогая моя, въ покоѣ.

— Ну, такъ и не надо мнѣ твоихъ денегъ!

Четвергъ.

Ушла я послѣ этого къ себѣ въ будуаръ, сѣла у бюро, и вдругъ мнѣ пришла въ голову дѣйствительно блестящая мысль. Написала я извинительное письмо къ Sophie,— самое сердечное, самое прочувствованное и самое дружеское. Извинилась во всемъ и за все. Затѣмъ, открывъ я свою конторку, достала изъ ящика всѣ деньги нашего «Сердобольнаго грошика», отсчитала изъ нихъ 846 р., вложила въ письмо къ Sophie и сама свезла въ почтовую контору.

Въ тотъ же день за обѣдомъ Владиміръ Петровичъ былъ почему-то очень игривъ и веселъ. Должно быть, или былъ, или собирался къ Семигальской. Прислуживалъ мнѣ, точно женихъ, самымъ усерднымъ образомъ. Между прочимъ, сообщилъ, какъ онъ сказалъ, и «отрадную новость»: что уставъ нашего «Сердобольнаго грошика» уже утвержденъ и будетъ напечатанъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

— Только вѣдь ничего изъ нашего «общества» не будетъ, говорю я.

— Какъ ничего? Да почему-же?

— Да потому, что средствъ нѣтъ.

— Ну, говоритъ, средства найдутся. Съ міру по ниткѣ. У тебя еще полсезона въ твоемъ распоряженіи. Да и сборовъ у тебя тамъ почти-что на 1,000 рублей.

— Да, было около этого!

— То-есть, какъ это было? Смѣю думать, они и есть?

— Вы очень смѣлы, говорю, Владиміръ Петровичъ, и потому можете имѣть смѣлость думать, что вамъ угодно. Но, тѣмъ не менѣе, почти всѣ наши сердобольные грошики уже вчера уѣхали.

Онъ досталъ изъ кармана маленькую гребенку и молча расчесалъ себѣ бакены. Это было за жаркимъ. Подали сладкое.

— Я что-то не понялъ тебя, Вѣрочка, вновь начинаетъ онъ. — Ты все шутишь. Но съ чужими, да еще съ благотворительными деньгами шутить нельзя. Ваши грошики куда уѣхали?

— Въ Петербургъ уѣхали. Хочешь доказательствъ? спрашиваю.

— Пожалуйста! Я ровно ничего не понимаю.

Тогда я достаю изъ кармана свое серебряное портмонэ, раскрываю почтовую росписку и передаю ему.

Онъ кладетъ росписку на тарелочку съ битыми сливками и въ ужасѣ облокачивается.

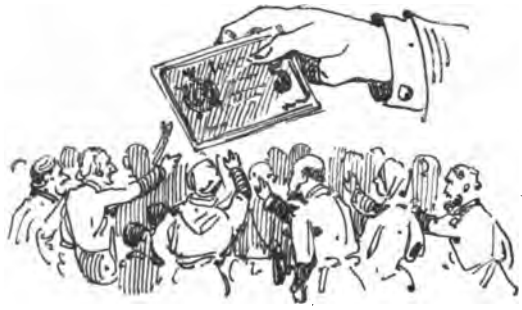
— Да вѣдь это расхищеніе? Растрата! восклицаетъ онъ наконецъ.

— Да, расхищеніе, растрата. Что же. Зови слѣдователя, веди меня въ тюремный комитетъ. Дѣлай, пожалуй, прибавляю, даже очную ставку съ Семигальскою.

Онъ, тяжело вздыхая, пушитъ вечеромъ своего правителя канцеляріи; никуда не ѣдетъ.

Все-равно когда.

рустно видѣть, какъ у насъ кончаются хорошіе проекты. Изъ нашего «Сердобольнаго грошика» ничего вѣдь не вышло. Владиміръ Петровичъ деньги за меня заплатилъ, но уставъ вовсе не печаталъ, а Варпасовскій развезъ обратно какъ членскіе взносы, такъ и прошенія о бѣдности, которыхъ накопилось уже до 300 штукъ. Бѣдные эти бѣдненькіе!..



VIII.

СЛОВО И ДѢЛО.

ВЪ ГОРОДСКОЙ ДУМѢ.

Дѣйствующія лица:

Папкинъ—городской голова, домовладѣлецъ; малый не промахъ; парламентаристъ.
Члены управы: **Самоѣдовъ**—пожилой толстякъ; картавитъ и тяжело сквозь слюну дышетъ.
Чесноковъ—дока по части производства; оперивается; въ сѣрыхъ брюкахъ.
Никольскій—городской секретарь; университетскій; владѣетъ перомъ; холостъ и въ сраженіяхъ не участвовалъ.
Липинъ
Петровъ
Маюровъ
Ивковъ
Кислинскій
Короваевъ
Осиповъ
Миллеръ
Исѣевъ
} Гласные обыватели.
Другіе гласные—фамиліи которыхъ неизвѣстны автору этого сочиненія.
Думскій сторожъ.

Дѣйствіе происходитъ въ думѣ.

СЦЕНА I.

Городской голова. Объявляю засѣданіе открытымъ. До узаконеннаго числа гласныхъ недостаетъ въ эту минуту только одного лица. Но сейчасъ мы будемъ въ полномъ комплектѣ, потому что Петръ Павлычъ Исѣевъ отлучился на минутку.
[illegible] изъ одной кучки. Я здѣсь. Я
[illegible] за папиросами.
[illegible] начинать.
[illegible] Сег[illegible]
[illegible] прос[illegible]
гор[illegible]
обществ[illegible]

котораго для нашей безопасности очевидна. Прежде, однако, не угодно-ли вамъ выслушать журналъ послѣдняго засѣданія.

(Гласные, никогда не слушающіе чтенія журнала, начинаютъ въ полголоса бесѣдовать. Кто-то говоритъ весьма пронзительнымъ теноркомъ, смущенно оглядываясь въ сторону головы, послѣ черезчуръ громко вылетающихъ отдѣльныхъ словечекъ. Секретарь читаетъ журналъ, написанный очень толково, гладкимъ литературнымъ языкомъ. Нѣкоторые гласные, слушая, отъ времени до времени улыбаются и одобрительно киваютъ головами. Всѣ они довольны и общимъ способомъ изложенія и весьма искуснымъ резюмированіемъ не только того, что они говорили, но даже и того, чего вовсе не говорили).

Гласный Петровъ *(гласному Ивкову, сосѣду)*. Какихъ турусовъ на колесахъ напустилъ. Этотъ «полагалъ», а тотъ «съ другой стороны находилъ», а этотъ «соглашался», а тотъ «возражалъ», а этотъ опять «развивалъ». Ничего-то вѣдь этого не было. Самъ былъ. Просто разговоры разговаривали. Умора!

Ивковъ *(серьезно)*. Вамъ смѣшно, потому что вы никогда не говорите, а только по угламъ шипите. Обстоятельный журналъ долженъ быть именно такъ изложенъ.

Петровъ. Ну, да! Хотите: за всякое слово правды что тутъ есть красненькую штрафу заплачу. Свиститъ онъ щегломъ, чтобы, какъ говорится, сладкую волну подъ сердце слушателевъ подкатывать, и больше ничего. Знаемъ. Наслушались...

Ивковъ... органовъ трактирныхъ. *(Съ достоинствомъ отворачивается).*

(Секретарь кончаетъ чтеніе журнала, садится съ физіономіею, выражающею самодовольствіе).

Гласный Маюровъ. Я имѣю сдѣлать замѣчаніе. Къ журналу не приложено мое особое «мнѣніе» по вопросу о смѣтѣ на будущій годъ.

(Голова вопросительно смотритъ на секретаря).

Секретарь *(роясь въ бумагахъ)*. Я не знаю. Даже не помню. Нѣтъ этого «мнѣнія». Мнѣ его никто не передавалъ.

Маюровъ. Я его положилъ прошлый разъ на окно.

Секретарь. Если бы вы его положили на окно, оно не пропало бы— ваше особое «мнѣніе». Это не булавка, да и на окно, впрочемъ, только цвѣты ставятъ.

Маюровъ. Позвольте, однако. Я его написалъ, перебѣлилъ, принесъ и вотъ тутъ на окно положилъ; ужъ это ваше управское дѣло куда вы его дѣвали? *(Язвительно)*. Я знаю, что такіе документы неохотно пріобщаются къ дѣламъ...

Городской голова. Я попрошу гласнаго Маюрова воздержаться отъ предположеній, рѣшительно ни на чемъ неосновательныхъ. Пусть лучше онъ вспомнитъ куда дѣвалъ свое «особое мнѣніе». Не забыли-ль вы его въ сюртукѣ?

Думскіе ораторы.

(Типики).

— Дефицитъ, къ сожалѣнію, наше хроническое бѣдствіе...

— Въ коммисію, въ коммисію!

— Вотъ такъ ловко сказано! Люблю.

— Полно, господа управцы, зубы заговаривать-то...

Маюровъ. Вспоминать мнѣ нечего. Слава богу, я въ здравой еще памяти. Вотъ тутъ на окнѣ.

Гласный Ивковъ *(Маюрову).* Петръ Александровичъ, вы тогда, заговорившись, какую-то бумагу въ прихожей держали. Пожалуй, тамъ на окнѣ и положили.

Секретарь. Это всего вѣроятнѣе. А на управу пеняете.

Голова звонитъ. (Входитъ сторожъ).

Городской голова *(сторожу).* Не забылъ ли тамъ, въ прихожей, господинъ Маюровъ, въ прошлый разъ, одной бумаги? Поищи, да поскорѣй.

(Сторожъ уходитъ и вскорѣ возвращается, поднося секретарю листъ мелко исписанной бумаги, съ круглымъ темнымъ заливнымъ пятномъ по срединѣ).

Секретарь *(слегка улыбаясь).* Тутъ кто-то, очевидно, мокрую шляпу поставилъ на ваше «особое мнѣніе». Ничего разобрать нельзя. Въ такомъ видѣ пріобщить эту бумагу, какъ документъ, нельзя.

Маюровъ. Это вы мнѣ предлагаете вторично перебѣлить цѣлый листъ изъ за вашихъ мокрыхъ шляпъ? Покорнѣйше благодарю. Въ такомъ случаѣ я совершенно отказываюсь отъ своего «особаго мнѣнія». *(Вполголоса).* Все равно, васъ не проймешь. *(Громко).* Но я попрошу занести объ этомъ въ журналъ.

Секретарь. Позвольте. Да вѣдь вы же сами виноваты. И потомъ, что же заносить? То, что вы отказываетесь отъ «особаго мнѣнія», которое вовсе не поступало?

Маюровъ. Да, занесите.

Секретарь. Слушаю-съ.

Городской голова. Г. секретарь! прочтите докладъ городской управы о новомъ предполагаемомъ размѣщеніи городскихъ будокъ.

(Секретарь встаетъ съ мѣста, придвигаетъ свѣчи къ довольно объемистой каллиграфически перебѣленной рукописи и читаетъ. Докладъ начинается словами: „Малочисленность полицейскихъ будокъ и непропорціональность ихъ размѣщенія въ географическомъ отношеніи давно уже представляли собою въ нашемъ городѣ весьма прискорбное явленіе. Малочисленность была поводомъ частыхъ нападеній на обывательскіе дома и имущества и оставляла злоумышленниковъ безсудными и безнаказанными. Непропорціональность же размѣщенія, останавливая нерѣдко бдительный полицейскій надзоръ за мѣстами мало населенными или и совершенно незаселенными, лишала полицейской опеки многіе бойкіе центры въ чертѣ самаго города. Кромѣ того, существующія полицейскія будки, неподдерживавшіяся своевременнымъ ремонтомъ, постепенно приходили въ ветхость и въ послѣднее время почти ужс не могутъ служить надежнымъ кровомъ для чиновъ, поставившихъ себя обереганію городскаго спокойствія и благосостоянія. Многія будки, покинутыя, вслѣдствіе своей непригодности, полицейскими, сдѣлались притонами злоумышленниковъ. Изъ статистиче-

скихъ данныхъ видно, что во всемъ городѣ состоитъ полицейскихъ будокъ...“ Послѣ численнаго перечня существующихъ будокъ, излагается проектъ управы о размѣщеніи новыхъ и читается смѣта на ихъ постройку.

Гласный Кислинскій. Я прошу слова.

Ивковъ. *(Петрову).* Поѣхалъ! Нѣтъ намъ отъ него спасенія. Вѣрители: какъ онъ начнетъ говорить, такъ у меня зеленые круги въ глазахъ и станутъ.

Кислинскій. Мм. гг.! Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ проекта управы по существу, необходимо, мнѣ кажется, взглянуть на разбираемый нами вопросъ съ принципіальной точки зрѣнія. Я хочу сказать, что необходимо подумать: есть ли надобность неуклонно придерживаться прежняго способа размѣщенія будочниковъ по отдѣльнымъ квартирамъ, или, быть можетъ, можно замѣнить его какою-нибудь иною комбинаціею, болѣе практическою въ житейскомъ смыслѣ и болѣе выгодною для городскихъ интересовъ? Вы мнѣ позволите выразить нѣсколько критическихъ мыслей по поводу полицейскихъ будокъ вообще. Разсуждая отвлеченно и теоретически, полицейская будка, какъ вполнѣ самостоятельная постройка, имѣетъ несомнѣнное право на существованіе. Она даетъ кровъ и семейный очагъ полицейскому служителю. Въ ней помѣщаются его жена и семья, если таковая есть. Въ ней онъ подкрѣпляетъ свои силы и отдыхаетъ, пользуясь смѣной. Въ ней онъ чувствуетъ себя, хотя и очень скромнымъ, небольшимъ, но самостоятельнымъ хозяиномъ. Въ ней же онъ, стоя на посту, можетъ найти, по близости, стаканъ горячаго чая въ зимніе морозы или кружку холоднаго кваса въ лѣтнія жары. Не спорю, поэтому, что, теоретически разсуждая, полицейскія будки могутъ и даже какъ бы должны существовать и въ будущемъ. Но, мм. гг., вы согласитесь со мною, что практика и живая дѣйствительность выставляютъ противъ этого учрежденія многіе и, къ сожалѣнію, весьма вѣскіе доводы. Самый главный изъ нихъ тотъ, что полицейская будка, по причинамъ, подробный разборъ которыхъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко, привлекаетъ къ себѣ проходящихъ, особенно принадлежащихъ къ низшимъ классамъ населенія, съ такой стороны...

Гласный Липинъ. Со всѣхъ сторонъ, а не съ такой стороны!

Гласный Кислинскій *(продолжаетъ)*... съ такой стороны, которая идетъ въ разрѣзъ со всѣми заботами городскаго управленія о санитарной удовлетворительности и внѣшней красотѣ города. Много уже говорилось по этому поводу въ печати и много было принято весьма разнообразныхъ мѣръ для пресѣченія этого прискорбнаго, но исторически упрямаго обычая. Дѣлались соотвѣтствующія надписи и обращенія на стѣнахъ самихъ же будокъ, на особыхъ досчечкахъ; ставились рогатки; расклеивались по угламъ увѣщевающіе приказы полиціймейстера и бывали даже случаи многочисленныхъ арестовъ и болѣе или менѣе острыхъ столкновеній

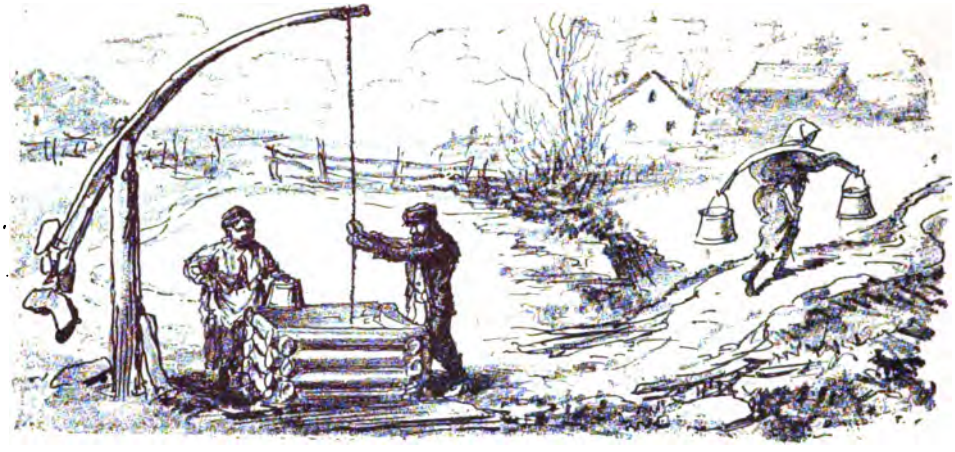
Думскій барометръ.

Тихо. Ясно.

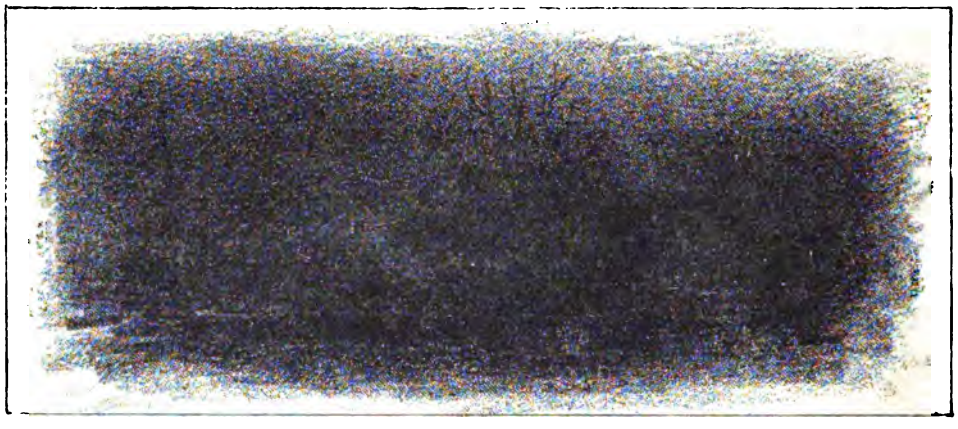
Облачно.

Буря.

Городское хозяйство.



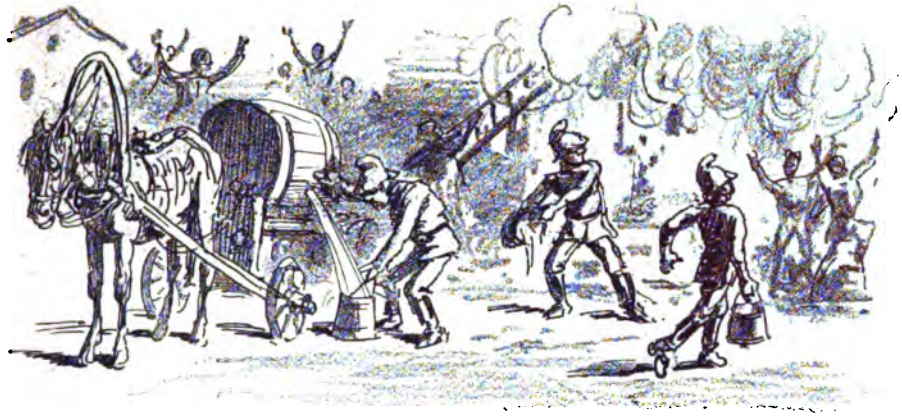
Водоснабженіе.



Городское освѣщеніе.

Мостовыя.

Городское хозяйство.
II.

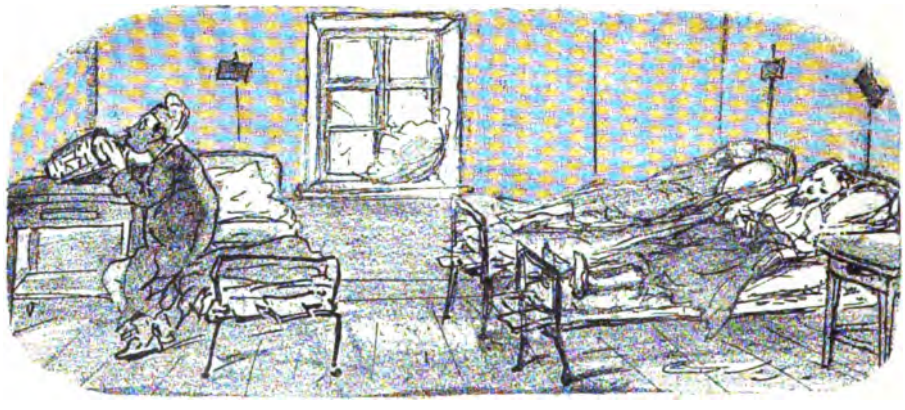


Пожарная часть.

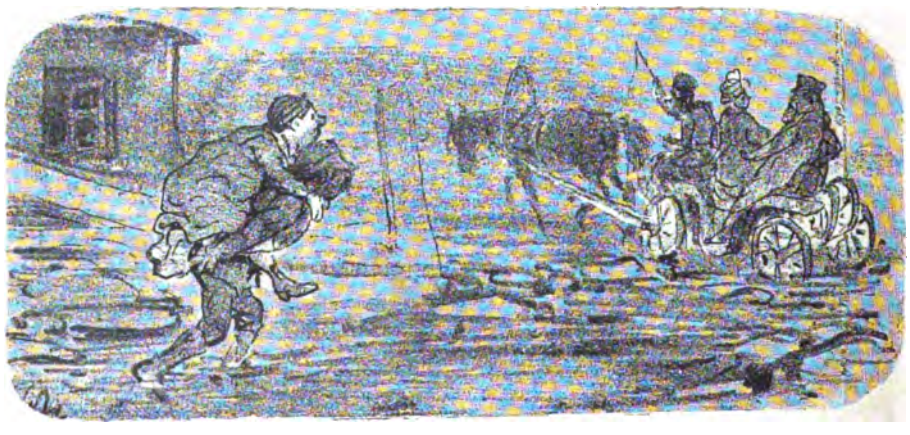
Полиція.

Санитарная часть.

Думская школа.



Городская больница.



Извощичій «вопросъ».

низшихъ классовъ съ представителями полиціи. Всѣ эти мѣры прошли, однако, совершенно безслѣдно, и въ настоящее время каждая наша полицейская будка представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ весьма печальную, наводящую на серьезныя размышленія, картину...

Голоса гласныхъ. Что вѣрно, то вѣрно. Одинъ только срамъ... Да ничего не подѣлаешь!.. Естество.

Кислинскій. Мало этого. Близость полицейскихъ будокъ къ постамъ городовыхъ влечетъ за собою послѣдствія, весьма невыгодныя для успѣшности и рачительности самой полицейской службы. Городовой, заходя въ будку зимой, за стаканомъ чая, выпиваетъ весь самоваръ и, забывъ о служебномъ долгѣ, ложится спать. А лѣтомъ, напившись квасу, онъ немедленно раздѣвается и тоже ложится спать. Онъ поручаетъ въ это время наблюдать за своимъ постомъ, чрезъ будочное окошко, своей женѣ; но такой порядокъ вещей не можетъ быть признанъ ни нормальнымъ, ни желательнымъ. У женщины есть свои прямыя обязанности по домашнему очагу, а при нихъ караульная служба женщины не можетъ быть надлежаще сосредоточенною. Въ виду этихъ, смѣю думать, стоящихъ внѣ всякаго спора, обстоятельствъ, я полагаю, что принципіально дальнѣйшее существованіе полицейскихъ будокъ въ нынѣшнемъ ихъ видѣ совершенно нежелательно. Противъ нихъ возстаютъ и гигіена, и городское благоустройство, и сама польза охранной полицейской службы.

Городской голова. Что же вы полагали бы взамѣнъ нынѣшнихъ будокъ?

Кислинскій. Сейчасъ я буду имѣть честь изложить свой контръ-проектъ по занимающему насъ вопросу. Я рекомендовалъ бы городу обратиться къ началу артельному. Почему бы городовымъ не жить въ особыхъ общежитіяхъ? Можно было бы устроить для всѣхъ полицейскихъ служителей въ городѣ одинъ домъ, одну казарму, состоящую изъ множества маленькихъ квартирокъ. Затѣмъ, слѣдовало бы снести до основанія всѣ нынѣ существующія будки, чтобы отнять притонъ у злоумышленниковъ и повліять на возможное искорененіе того, позволю себѣ такъ сказать, историческаго обычая, о которомъ я уже говорилъ. *(Ораторъ садится).*

Городской голова. Не угодно-ли кому сказать что либо по поводу сейчасъ слышаннаго нами контръ-проекта.

Гласный Короваевъ Мнѣ сказать угодно. Я согласился бы съ мыслью г. Кислинскаго, если бы меня не безпокоило только одно непредусмотрѣнное имъ обстоятельство. Дѣло въ томъ, что если бы устроить въ городѣ такой казарменный домъ для всѣхъ нашихъ будочниковъ, то—такъ какъ вы ихъ сами знаете, господа—намъ привелось бы завести и содержать на свой счетъ еще и особую добавочную караульную команду для наблюденія за благочиніемъ дома служителей благочинія. Это былъ бы не домъ, а Содомъ.

Липинъ. Правильно сказано. Никто не жилъ бы возлѣ этакого помѣ-

щенія. Весь кварталъ запустѣлъ бы. А ежели кому, особенно ночью, пришлось бы мимо проходить? Что и говорить!

Кислинскій. Сознаюсь, что я дѣйствительно не имѣлъ въ виду сейчасъ приведеннаго, дѣйствительно очень важнаго, обстоятельства. Оно разстраиваетъ мой проектъ въ основѣ. Но тогда пусть, по крайней мѣрѣ, при сооруженіи новыхъ будокъ сдѣланы будутъ какія нибудь улучшенія. Нельзя-ли было бы—такъ какъ надписи и запрещенія рѣшительно ничего не помогаютъ—по крайней мѣрѣ окружить каждую будку частоколомъ.

Гласный Осиповъ. Да тогда вашъ историческій обычай перейдетъ отъ будки къ частоколу.

Кислинскій. Въ такомъ случаѣ можно было-бы частоколъ окружить рвомъ.

Осиповъ. А туда-то мы съ вами, при нашемъ освѣщеніи, будемъ летать по ночамъ носами.

Короваевъ. Вотъ если бы развѣ частоколъ выводить съ этой стороны рва? Да нѣтъ, все равно. Какъ ни раскидывай, а все кругомъ каждой будки заколдованный кругъ выходитъ.

Городской голова. Въ виду разнородности мнѣній по этому предмету и необходимости подробно выработать нѣкоторыя новыя техническія условія для постройки будокъ, не признаетъ ли дума полезнымъ избрать для этой цѣли особую коммиссію.

Голоса. Вѣрно! Коммисію...

Городской голова. Въ такомъ случаѣ, не угодно ли вамъ приступить къ выбору членовъ коммисіи. Я полагаю по запискамъ.

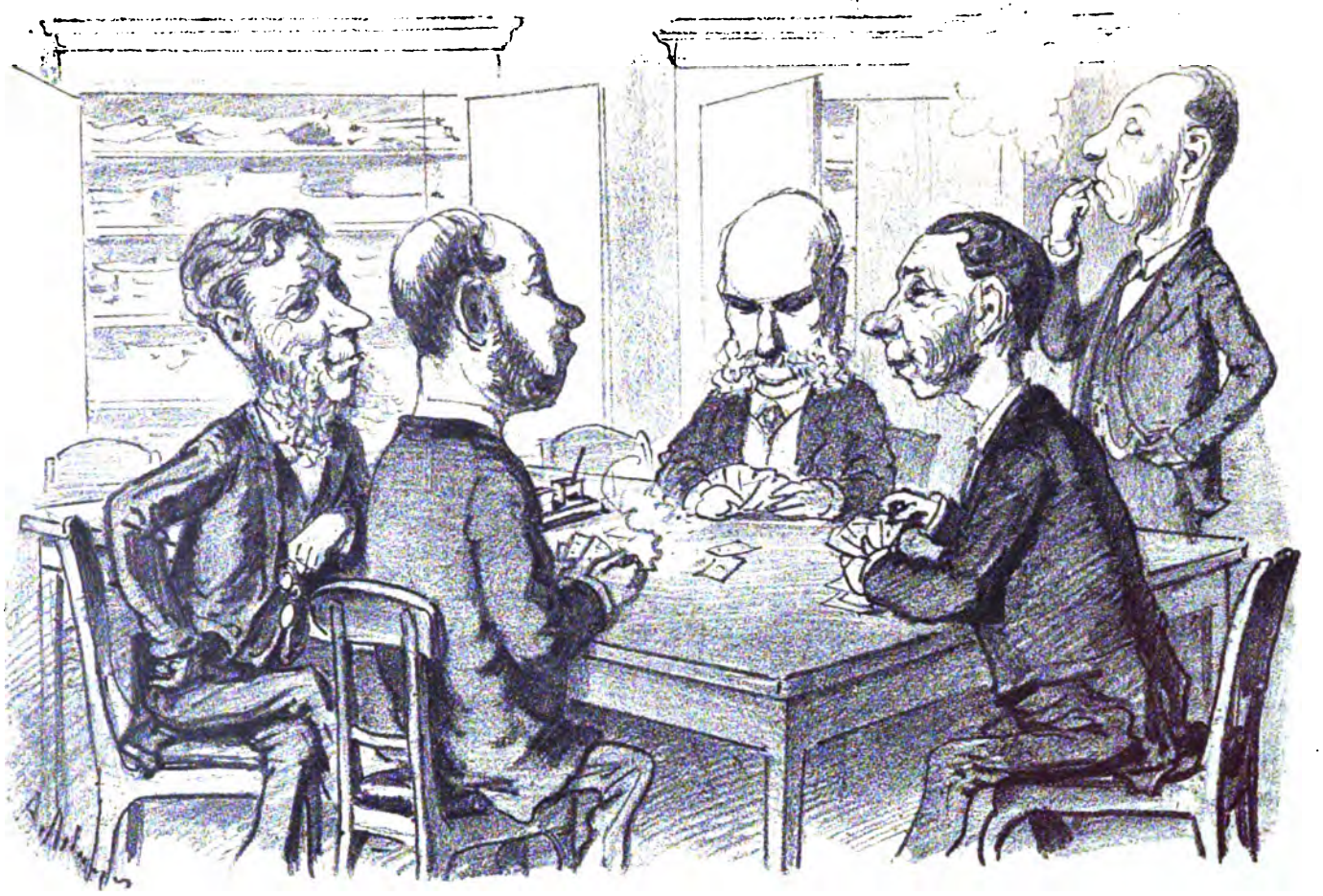
(Секретарь раздаетъ записки. Избранными въ коммиссію оказываются гласные Кислинскій, Короваевъ и архитекторъ Шприцъ. Кислинскій совѣтуется съ двумя своими товарищами).

Кислинскій. Наша коммисія—мы будемъ именовать ее «коммисіею по преобразованію полицейскихъ будокъ»—будетъ собираться дважды въ недѣлю. Въ трехмѣсячный срокъ мы надѣемся кончить возложенное на насъ порученіе и представить думѣ свой докладъ. *(Рукоплесканія).*

Городской голова. Значитъ, принципіально дума рѣшаетъ и впредь оставить существованіе полицейскихъ будокъ нынѣшняго типа въ городѣ. Прежде чѣмъ перейдемъ къ хозяйственной сторонѣ предмета, я сдѣлаю перерывъ на десять минутъ.

(Всѣ встаютъ со своихъ мѣстъ. Образуются кружки. Думская зала наполняется дымомъ. Многіе незамѣтно берутся за шляпы и столь же незамѣтно, пожимая руки ближайшихъ сосѣдей, уходятъ).

Ревизіонная коммисія.



— Такъ таки, Павелъ Акинфіевичъ, отчетъ того? Все еще зрѣетъ? Подготовляете?
— За 1873 годъ скоро кончимъ и представимъ.
— Да вѣдь ему уже земская давность миновала.
— Вамъ же лучше... И покойнѣе... Пассъ.

СЦЕНА II.

ласный Петровъ *(Липину)*. Вы то ужъ только, Владиміръ Сергѣевичъ, ради бога не бѣгите. Вы у меня въ дѣйствующихъ числитесь. Тамъ вѣдь были только одни разговоры, а теперь пойдетъ настоящее дѣло. Я вѣдь вамъ сказывалъ...

Липинъ. Да вы вѣдь стоите за хозяйственную постройку будокъ, а голова хочетъ подрядной.

Петровъ. Какъ ему не хотѣть! Онъ долженъ хотѣть. Онъ давно уже обѣщалъ сдать будки Миллеру, потому что Миллеръ—свой человѣкъ; вмѣстѣ съ Лабутинымъ одна компанія. А безъ Миллера Папкину кто вексель то учтетъ? Ну, у нихъ своя исторія и идетъ. *(Помолчавъ)*. Видите, видите, какъ голова-то егозитъ, то къ одному, то къ другому и все къ окну, все на ухо. Ручки жметъ, папиросами подчуетъ. Ну и каналья же человѣкъ. А только, если онъ выведетъ когда нибудь меня изъ себя, такъ ужъ не сдобровать ему. Большое будетъ зашибленіе. Я ему въ точности все роспишу. И какъ онъ большую улицу одну только и вымостилъ, потому что домъ у него на ней, и какъ ему пожарные даромъ воду возятъ, и какъ они у него мусоръ вычищаютъ, и какъ онъ городскіе огороды свояку за безцѣнокъ,—ну, просто, даромъ,—отдалъ. Весь реестръ подведу. Да и фонари тоже напомню. Вы вотъ рѣдко на большой улицѣ бываете, такъ можетъ не замѣчали. А только посмотрите при случаѣ. Въ улицѣ то фонари кое-гдѣ, такъ что и ихъ то самихъ съ фонарями искать надо, а у папкинскаго дома сразу три фонаря: одинъ у воротъ, одинъ у подъѣзда и одинъ противъ дома. Да такъ, каналья, наладилъ, что фонарь противъ самой дѣтской торчитъ, такъ что и свѣчей никогда не нужно. И тутъ нажилъ. Какъ есть все ему годится. Сынки гимназисты изъ думскихъ бланокъ тетрадки шьютъ; дочкѣ, изъ Питера, вмѣстѣ съ новыми пожарными инструментами, и фортепіанъ, на городской счетъ, выписалъ; супруга всѣ георгины изъ городскаго сквэра въ свой садикъ перетаскала. А теперь онъ друга пріятеля выручаетъ. Вонъ Кислинскаго опутываетъ... Батюшка, Владиміръ Сергѣевичъ, будьте добры, окажите божескую милость. Спицынъ уходитъ. У него сегодня имянины. Шепните-ка ему, чтобы Кислинскаго на карты съ

собою прихватилъ. Съ этимъ Кислинскимъ—чистая бѣда. Дѣловъ не понимаетъ, а путаетъ и съ толку сбиваетъ. Пусть онъ уберетъ его заодно.

Липинъ. Могу. А только выгоритъ ли у васъ дѣло то?

Петровъ. Да вотъ посмотримъ... кажется, все подстроено. Управскіе Чесноковъ и Никольскій у меня въ компаніи. Обѣщали. А васъ тоже, Владиміръ Сергѣевичъ, ужо въ банковую ревизію пристроимъ. Мигомъ поправитесь. Пора нынѣшнимъ ревизорамъ и честь знать. Нализались, наѣлись и на солнышкѣ нагрѣлись. Такъ ужъ вы, пожалуйста, Кислинскаго - благороднымъ манеромъ... *(Липинъ уходитъ).*

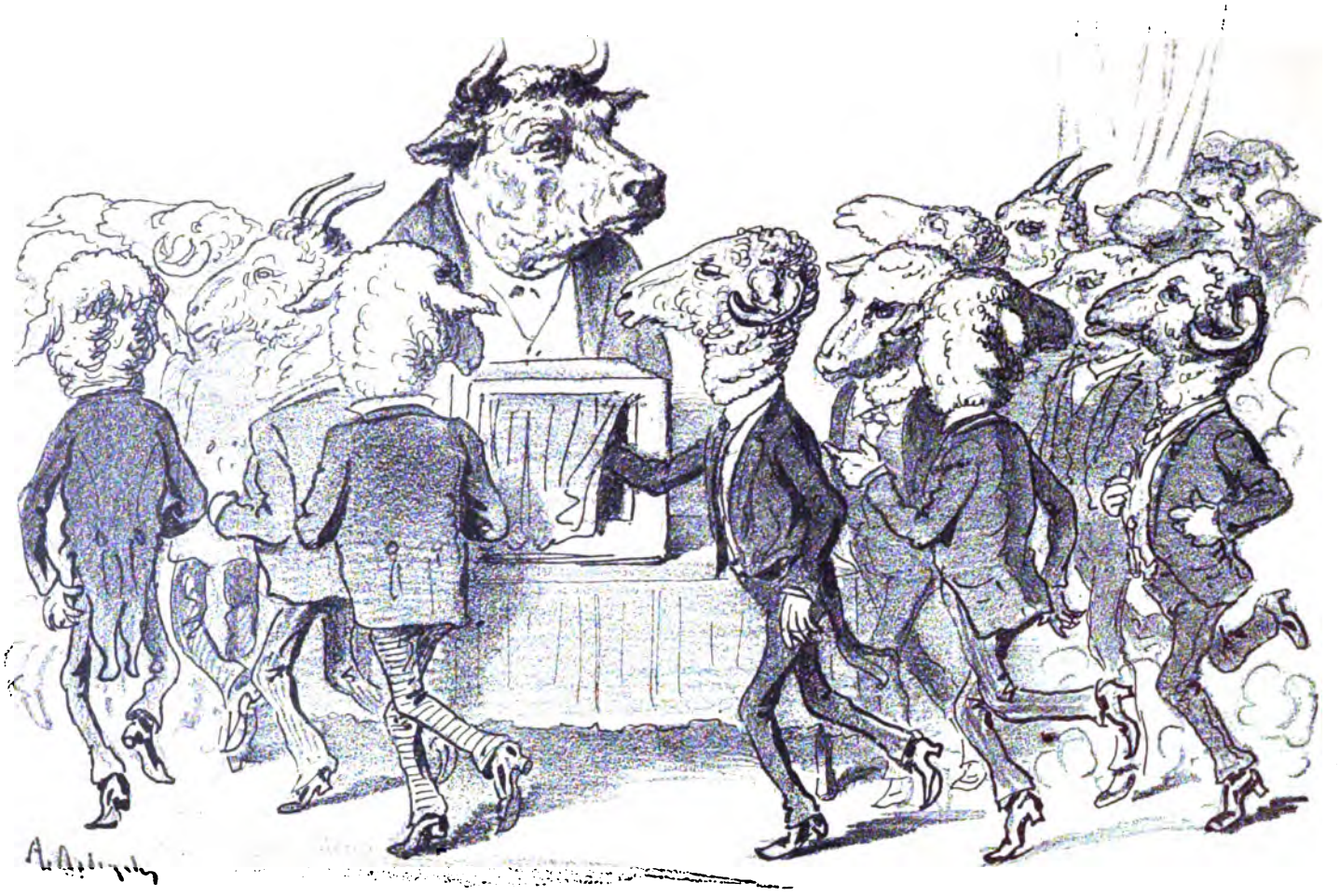
СЦЕНА III.

(Голова, поправляя цѣпь, садится на свое мѣсто. Думскій сторожъ, звеня стаканами, разноситъ чай).

Городской голова. Не угодно-ли вамъ теперь рѣшить вопросъ, какимъ способомъ строить будки: хозяйственнымъ или подряднымъ? Управа предлагаетъ первый способъ, но я остаюсь въ этомъ случаѣ при особомъ мнѣніи, и вотъ по какому поводу. Хозяйственный способъ черезчуръ сложенъ и не представляетъ городу требуемыхъ гарантій какъ относительно прочности, такъ и исправности работъ. Мы пробовали примѣнять его при постройкѣ моста на Быстрой и при ремонтѣ городскаго театра. Но мостъ весною снесло при полноводіи, а театръ до сихъ поръ закрытъ, по неимѣнію въ немъ противупожарныхъ выходовъ. Я и думаю, что интересы города требуютъ предпочесть подрядный способъ, какъ болѣе простой и основательный.

Миллеръ. Я совершенно раздѣляю это мнѣніе Николая Петровича. Хозяйственный способъ только соблазняетъ своимъ названіемъ, а на повѣрку выходитъ, что онъ и обходится въ три-дорога и только думу пе-

Избирательная горячка.



Быкъ. Прошу шаровъ не глотать. На право, всѣ на право!
Бараны. Рады... Бэээ!.. Очень рады!.. Бээээээ!..

редъ обывателями конфузитъ. Можно, конечно, поручить управѣ, чтобы она, сдавая подрядъ на будки, имѣла въ виду только солидныхъ и заслуживающихъ довѣрія подрядчиковъ.

Петровъ. Къ примѣру—хоть бы господина Миллера?

Миллеръ *(косо озираясь)*. Тутъ нѣтъ разговора о лицахъ. Мы говоримъ и обсуждаемъ вопросъ вообще—какъ бы намъ лучше устроиться. Мы хорошо помнимъ, какъ очень кстати указалъ сейчасъ и г. голова, и мостъ на Быстрой и ремонтъ театра, и можемъ только сожалѣть, что въ этихъ хозяйственныхъ аферахъ довольно открыто принимали участіе нѣкоторые гласные нашей думы...

Короваевъ. Я протестую противъ словъ «хозяйственныя аферы» и прошу ихъ занести въ журналъ. Такъ нельзя выражаться.

Миллеръ. Да что тутъ выражаться, когда все это дѣлалось, да еще съ разрѣшенія нашихъ пріемныхъ коммисій. Нечего пенять.

Петровъ. Нечего пенять на зеркало, коли рожа крива. Эту присказку г. Миллеръ можетъ самъ записать за свой счетъ. Онъ вѣдь отъ насъ банкъ провѣряетъ. А что ужъ тамъ у Лабутина дѣлается...

Городской голова *(строго)*. Вы не имѣете права, г. Петровъ, высказываться такимъ образомъ о Петрѣ Тимофеевичѣ. Нашъ почтенный директоръ избранъ въ банкъ единогласно и постоянно даетъ весьма убѣдительные доводы своей заботливости о городскихъ интересахъ.

Миллеръ. Тѣмъ менѣе слѣдовало бы г. Петрову отзываться такимъ образомъ о банкѣ, что онъ самъ хлопоталъ объ увеличеніи ему кредита и что, слѣдовательно, тутъ могутъ проглядывать личности.

Петровъ *(краснѣя)*. Никакихъ личностевъ тутъ нѣтъ, а если я такъ говорю, такъ потому, что твердо знаю. Одно слово: шайкой ходите!

Липинъ. Именно шайкой, прости господи. *(Среди гласныхъ шумъ, смѣхъ и движеніе).*

Городской голова *(спокойно)*. Я лишаю слова гласныхъ: Петрова и Липина. Но мы совсѣмъ удалились отъ вопроса. Такъ какъ мнѣнія раздвоились...

Миллеръ. Вовсе не раздвоились. Это они только вдвоемъ безобразятъ.

Петровъ. Нѣтъ, раздвоились.

Городской голова. У васъ нѣтъ слова, г. Петровъ.

Петровъ. Слава богу, я не глухонѣмой.

Городской голова. Я вынужденъ буду принять мѣры.

Петровъ. Принимайте мѣры на счетъ пожарныхъ, что вамъ даромъ воду возятъ и мусоръ со двора убираютъ.

Миллеръ. Я предлагаю вопросъ рѣшить баллотировкой безъ дальнѣйшихъ преній. Все такъ ясно...

Членъ управы Чесноковъ. Я думалъ бы, что не всѣ еще успѣли высказаться по этому предмету.

Голосъ справа. Всѣ! Всѣ!

Липинъ. Никто ничего не говорилъ, а выходитъ, что всѣ высказались.

Голосъ слѣва. Да ну, господа, поздно. Давайте голосовать.

Голосъ сзади. Хозяйственный то вѣдь мостикъ на виду у всѣхъ уплылъ. *(Смѣхъ и шумъ. Многіе поднимаются со своихъ мѣстъ. Голова усиленно звонитъ).*

Городской голова. Я заключаю пренія и предлагаю приступить къ баллотировкѣ сидѣніемъ и вставаніемъ.

Голоса. Ну, и прекрасно. Давайте кончать. Ставьте вопросы. Полночь на дворѣ.

Липинъ *(пошептавшись предварительно съ Петровымъ).* Нѣтъ, погодите, господа, баллотировку то дѣлать нельзя. Она будетъ незаконная.

Голоса. Отчего незаконная?.. Да ну его. Что онъ тамъ еще путаетъ.

Липинъ. Нѣтъ, не путаю. Мы не въ составѣ. Насъ семнадцать человѣкъ, а должно быть двадцать два. Сосчитайте сами.

(Голова сконфуженно считаетъ. Всѣ умолкаютъ).

Липинъ *(Петрову).* Вотъ загнулъ загвоздку то!

Петровъ *(Липину).* А тамъ еще посмотримъ, кто кого на шило посадитъ.

(Гласные берутся за шапки и медленно расходятся. Голова удаляется подъ руку съ Миллеромъ. Сторожъ убираетъ недопитые стаканы, тушитъ лампы и, замѣтивъ спящаго въ сосѣдней комнатѣ, облокотясь на столъ, гласнаго Маюрова, говоритъ: „въ тотъ разъ бумагу оставилъ, а теперича себя самаго позабылъ").

IX.

ВЪ ЗЕМСКИХЪ ДЕБРЯХЪ.

Наиболѣе трепещущій вопросъ.

— Ничего, не дуренъ.
— Вотъ съ этого края, тутъ съ морковкою.
— Нѣтъ, съ того нѣжнѣе: съ вязигою.
— Сахарный, одно слово! Такъ и таетъ.

ШЕСТЬ ПИСЕМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦА БЕРЕНДЕЕВСКАГО УѢЗДА И ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСКАГО ГЛАСНАГО, Ѳ. В. БУЗИНА, КЪ ЕГО СУПРУГѢ, И ТРИ ТЕЛЕГРАММЫ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Милая мамочка!

Не въ добрый часъ снарядила ты меня въ путь. Впрочемъ, на этой паршивой дорогѣ, какъ говорится, носъ изъ глазъ украдутъ. Утащили у меня ночью твою корзинку съ провизіею. Не столько мнѣ было жаль цыплятъ, масла, яблоковъ и варенья, сколько твоей супружеской заботливости. Заявилъ я о происшествіи жандарму, но не скрою отъ тебя, что надеждъ на розысканіе мало.

Остановился я, какъ всегда, въ «Парижѣ». За тотъ-же номеръ, что всегда ходилъ въ одинъ рубль, плачу теперь полтора. Настоящіе разбойники! Ссылаются на съѣздъ. А много-ли насъ понаѣхало? Этимъ живодерамъ лишь-бы предлогъ для дранья. Вечеромъ былъ въ театрѣ. Совсѣмъ поотсталъ я въ этомъ отношеніи; да и пьесу-то давали стараго, знакомаго автора. Крылова комедія шла. Признаться я и не зналъ, что Крыловъ, кромѣ басенъ, еще и пьесы писалъ. Комедія «Чудовище». Очень смѣшно, особенно когда гимназистъ въ любви изъясняется. Публики было не много. Была, впрочемъ, новая губернаторша. Этакая вальяжная дама и все жмурится. Черномазая. Аппетитная еще

барыня. Изъ ложи, какъ изъ парфюмернаго магазина, такъ и неслись благоуханія. Послѣ театра пошелъ ужинать въ клубъ и видѣлъ тамъ кое-кого. Между прочимъ, долго бесѣдовалъ съ Тартаковымъ, секретаремъ нашей губернской управы. Ловкій малый, всюду залѣзъ и всею управою вертитъ. Онъ мнѣ будетъ нуженъ для поддержки, на собраніи, моего центральнаго проекта. Всѣхъ знаетъ и безъ масла въ душу влѣзаетъ. Предсѣдатель управы, князь Уховертовъ, такъ ему въ глаза и смотритъ. Поподчивалъ Тартакова ужиномъ. Девять рублей съ двоихъ подлецы взыскали. Спрашивалъ у Тартакова, есть-ли кто изъ нашихъ, берендеевскихъ? Сказалъ, что пріѣхали Петровскій, Атуевъ и Стаммеръ. Собраніе начнется послѣ-завтра. Извини, что плохо пишу. Отвратительное перо, да и спать хочется. Третій часъ пошелъ. Крѣпко цѣлую тебя, милый дружечекъ.

Любящій тебя мужъ

Ѳедоръ Бузинъ.

P.-S. Вели, пожалуйста, Соня, Архипу, чтобы онъ не ставилъ въ конюшню «Джальму» возлѣ сѣраго. Совсѣмъ забылъ наказать ему. Разнесутъ мнѣ всю постройку.

P.-S. Еще кстати: пускай хоть теперь Сергѣй приглядываетъ за хозяйствомъ. Пора ему перестать лодырничать, да остепениться. Чистая бѣда мнѣ съ нимъ.

12-го октября 1884 г.
Неплюевскъ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Дорогая мамочка!

акъ видишь, я очень исправенъ, и каждодневно даю тебѣ маленькій отчетецъ.

Былъ вчера утромъ съ визитомъ у новаго губернскаго предводителя. Живетъ настоящимъ бариномъ. Лакеи во фракахъ, попугаи кричатъ, ковры, люстры, ну и все прочее. Ты знаешь, теперь вѣдь у насъ предводителемъ графъ Тарантасовъ. Не старый еще человѣкъ, но какъ-бы болѣзненный, и согбеннаго вида. Каждый годъ въ Карльсбадъ ѣздитъ. Жена у него все заграницей. Говорятъ, не въ ладахъ онъ съ нею,—ну, да это ихнее дѣло. Очень обласкалъ и запросто фриштикать пригласилъ. Мадера удивительная,—конечно, ужъ не здѣшняго Глушкова. Сигара тоже такая, что пальчики облизать. Признаться, позавтракалъ я съ большимъ аппетитомъ.

Онъ все накладывалъ, а я истреблялъ. Разговаривали о текущемъ. Спрашивалъ о нашихъ берендеевскихъ помѣщикахъ. Сказалъ я, какъ-есть: разоряемся. Съ платежами совладать не можемъ. Больше противъ мужиковъ платимъ? «Какъ больше?» спрашиваетъ меня. Очень просто, говорю: положимъ, что земля и у насъ и у мужиковъ одна и та-же, да доходъ она разный даетъ. «Какъ разный?» — Вы только примите во вниманіе, ваше сіятельство, слѣдующій разсчетъ: мужикъ-то получаетъ съ земли: доходъ + рабочій трудъ, а я получаю: доходъ — рабочій трудъ. А податная оцѣнка равная. Улыбнулся. Кстати, закинулъ я слово и на счетъ главной своей цѣли, касательно моего центральнаго проекта. Выслушалъ онъ меня съ большимъ вниманіемъ. Очевидно человѣкъ вникающій и просвѣщенный. «Я, говоритъ, въ земскихъ дѣлахъ еще неопытенъ; потому что вновѣ, но приложу все усердіе». Потомъ, свернулъ на политику. «Только, теперь, говоритъ, ужасно трудно, потому какъ моя роль — роль высшей дипломатіи. Надобно, говоритъ, обнаруживать равновѣсіе, при разительномъ развитіи силъ». Откровенно говоря, милая моя бабуся, не совсѣмъ я его тутъ понялъ, но изъ деликатности показалъ видъ, что понимаю все до тонкости. Между прочимъ, за завтракомъ былъ бифштексъ съ яйцомъ наверху. Очень вкусно и называется «по-гамбургски». Когда вернусь, непремѣнно пусть Андрей попробуетъ. Кусокъ говядины и простое яйцо, а вѣдь какъ выходитъ обворожительно.

Представь себѣ, что Атуевъ и Стаммеръ живутъ тутъ-же въ «Парижѣ», рядомъ со мною. Встрѣтилъ ихъ обоихъ въ гостинномъ дворѣ. Атуевъ, точно сапожникъ, съ семью парами ботинокъ. Этакая семьища, и малъ-мала меньше. Условились вмѣстѣ обѣдать въ клубѣ. Забылъ сказать: Стаммеръ какъ есть цѣлую челюсть вставилъ у дантиста. Чего только эти жиды не придумаютъ? Челюсть на винтахъ и въ бархатной коробкѣ, точно дамскій браслетъ какой. Рѣшили обѣдать вмѣстѣ. Познакомилъ я и ихъ со своимъ центральнымъ проектомъ. А въ клубѣ, знаешь, кормятъ не важно. Народъ измельчалъ. Дворянъ поубыло, а чиновнику много-ли нужно: селянку, да бутылку пива, да одобреніе начальства—вотъ онъ и сытъ. Послѣ обѣда подцѣпили мы еще предсѣдателя управы, милѣйшаго князиньку Уховертова. Онъ еще растолстѣлъ. Пять разъ духъ переведетъ, прежде чѣмъ слово скажетъ. А впрочемъ славный баринъ, изъ старинныхъ и настоящій безсеребренникъ. Дулись въ винтъ. Мнѣ не везло, какъ оглашенному. Благо по маленькой, по двадцатой играли. Сорокъ цѣлковыхъ, однако, оставилъ. Да и Стаммеръ совсѣмъ тупица: во время не выкозыриваетъ, а въ концѣ розыгрыша спрашиваетъ: «а кто, господа, во что игралъ?» Страшно бѣсилъ. Онъ меня больше всѣхъ и подкатилъ. Говорилъ и съ Уховертовымъ на счетъ центральнаго проекта. Да онъ вялый какой-то. «Теперь, говоритъ, знаете, не время для большихъ предположеній и, потомъ, говоритъ, необходимо

соблюдать равновѣсіе». Заучили они это словцо.—На счетъ Сергѣя самъ хорошо помню. Уховертовъ обѣщалъ познакомить меня съ вице-губернаторомъ. Попрошу, нельзя-ли опредѣлить парня въ губернское правленіе. Что ему сидѣть-то въ деревнѣ, да дѣвокъ совращать. Какъ-нибудь скажи, черезъ ключницу, попадьѣ, что я, молъ, не дремлю и что дѣло наше съ попомъ стоитъ въ окружномъ на самой мази и во всей строгости законовъ.

Въ твоемъ спискѣ значится мука, а какая? не сказано. Черкни разъясненіе, а то, пожалуй, какъ говорятъ, кви-про-кво выйдетъ. Крѣпко цѣлую тебя.

Весь твой

Ѳ. Б.

14 октября 1884 г.
Неплюевскъ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Милая цыпочка!

Сегодня у насъ произошло открытіе губернскаго земскаго собранія. Открывалъ губернаторъ; онъ тоже изъ новыхъ, изъ петербургскихъ. Удивительно прекрасно говоритъ: точно у него свистулька какая въ ротъ вставлена. «Главная, говоритъ, забота должна сводиться къ любви къ отечеству. Изъ любви, говоритъ, все должно выходить и въ любовь должно входить. Мы, говоритъ, должны быть сѣятелями, а будущее явится жнецомъ. Въ распознаніи самихъ себя, въ претвореніи нетронутыхъ силъ, въ единеніи земскихъ элементовъ, на пользу разумно понятаго блага, и въ укрѣпленіи бодрствующаго духа должна заключаться программа для истиннаго гражданскаго ума и сердца». Переходя затѣмъ къ отдѣльнымъ вѣтвямъ земскаго хозяйства, Владиміръ Николаевичъ указалъ на печальное состояніе врачебнаго дѣла, училищнаго устройства и путей и средствъ сообщенія. При этихъ словахъ я даже покраснѣлъ отъ радости. Точь-въ-точь то же, что у меня говорится въ моемъ центральномъ проектѣ: точно онъ прочелъ его. Затѣмъ губернаторъ раскланялся, этакимъ ловкимъ гвардейцемъ, и уѣхалъ, а мы соборне отправились въ клубъ позавтракать. Осмотрѣлъ нашу компанію. Все, знаешь, свои. Только одинъ батюшка есть. Волостной старшина тоже какой-то пріѣхалъ. Сидитъ съ медалью, точно бонза какой. А предводитель его кличетъ: «господинъ Севастьяновъ!» А «господинъ Севастьяновъ» каждый разъ за голову хватается, думаетъ, что шапку снять надо. А шапка-то уже снята и въ передней оставлена. Потѣха!

Передъ выборами.

— Попаду пальцами — выберутъ; не попаду — проберутъ.
Разъ... два... три!

Гимнастическія упражненія, для болѣе искуснаго и ловкаго обращенія съ баллотировочнымъ шаромъ.

Тартаковъ заранѣе просилъ у меня перебѣлить и представить свой проектъ. Его пустятъ въ голову разныхъ другихъ нашихъ ходатайствъ и предположеній. Онъ-же рекомендовалъ мнѣ и переписчика изъ управы. Не писарь, а каллиграфъ! Вотъ-бы у кого поучиться Сергѣю.

Въ письмѣ своемъ ты пишешь, что фонарь при молотилкѣ разбили. Такъ я и зналъ. Зачѣмъ-же его сняли съ блока? А теперь новый расходъ. Искалъ для тебя по всему городу англійскихъ духовъ, да не нашелъ. Есть какіе-то броккаровскіе, московскіе, да я знаю, они ничего не стоютъ. Въ Москвѣ хороши поросята, а не духи.

Сегодня вечеромъ картежки у Уховертова. Тамъ у него крупно играютъ. Авось отыграюсь. Ну прощай, дорогая хозяюшка. Сто поцѣлуевъ запаливаетъ тебѣ

Твой

Thedousse Bouzine.

15 октября 1884 г.
Неплюевскъ.

ТЕЛЕГРАММА.

Станція Конопатка. Софьѣ Бузиной.

Слѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ вышли двѣсти рублей. Получи впередъ Разуваева. Все благополучно.

Бузинъ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Дорогой дружочекъ!

пѣшу съ разъясненіемъ телеграммы, которая могла навести на тебя нѣкоторое недоумѣніе. Маленькая «незадача» вышла на вечерѣ у Уховертова. Онъ посадилъ меня играть, какъ я его и просилъ, съ вице-губернаторомъ, съ какимъ-то инженеромъ ужасно противнаго вида, да еще съ банковскимъ директоромъ Лабутинымъ. И чертъ его дернулъ отрекомендовать меня, будто я крупнѣйшій землевладѣлецъ во всемъ Берендеевскомъ уѣздѣ. Не спорить-же мнѣ съ нимъ было! Сѣли играть. Мнѣ самому спрашивать, по чемъ играютъ,—неловко, а они не говорятъ. Ну, думаю себѣ, авось вывезетъ. Прекрасно. Играемъ. Только по первымъ сдачамъ вижу не хорошо: фоски, да фоски, да тузы пустые. Нѣтъ ничего вѣдь хуже тузовъ пустыхъ. Завлекать—завлекаютъ, а толку никакого. Разъ заремизили,

нимаетъ. А только, знаете, далеко: и для кармана тяжело, и для отцовскаго сердца разстаться обидно. Я и просилъ бы, ваше пр—во, нельзя ли было бы опредѣлить моего сына во ввѣренное вамъ губернское правленіе.

Скажу тебѣ прямо, если бы я зналъ, что онъ мнѣ отвѣтитъ, совсѣмъ и не просилъ бы пошляка этого.

— Видите-ли, говоритъ онъ мнѣ, теперь опредѣлиться въ городѣ очень трудно. Сокращеніе штатовъ, переполненіе служащихъ и потомъ у меня въ правленіи всѣ вакансіи заняты. Но такъ какъ вы, говоритъ, желаете вообще по административной части своего сына вести, то вотъ развѣ, если вы не прочь противъ уряднической мѣста, такъ я вамъ всегда могу оказать вѣрную протекцію.

Тутъ ужъ я не выдержалъ.

— Это, я говорю, дворянскому юношѣ, да въ урядники!!

Онъ пожалъ плечами.

Я поклонился ему этакимъ, знаешь, язвительнымъ поклономъ, ниже пояса , и ушелъ къ нашимъ земцамъ. Не повезло мнѣ въ этотъ вечеръ... Пожалѣй хоть ты, милая, твоего

горячо любящаго тебя
Thedouss'a.

17 октября 1884 г.
Неплюевскъ.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Нѣсколько дней не писалъ я тебѣ, золотая бабулька моя. Да никакъ нельзя было урвать свободнаго времени. Самый разгаръ былъ въ нашемъ собраніи. Первыя три засѣданія прошли ни шатко, ни валко и даже довольно скучно. Разсматривали смѣту, слушали доклады коммисій, разбирали сухіе, очередные вопросы на счетъ продовольствія, раскладокъ, народнаго здравія, народнаго образованія. Тоскище вѣдь все это страшная. Многіе совсѣмъ не ходили и по гостинницамъ винтили. Другіе собственныя дѣла по городу справляли. Только я, да батюшка, всѣ эти засѣданія сиднемъ мы высидѣли. Остальные, то приходили, то уходили. Я неизмѣнно дежурилъ по совѣту секретаря Тартакова. «Вы, сказалъ онъ мнѣ, еще у насъ новый губернскій гласный, такъ ужъ посидите, чтобы лучше врѣзаться въ память». По всѣмъ этимъ дѣламъ преній почти что не было. Заведутся маленькіе разговоры между прочимъ, словесныя вставочки этакія, да сейчасъ и стихнутъ. Уховертовъ за все это время орломъ выглядѣлъ. Что управа ни предложитъ, то сейчасъ и прини-

маетъ. Тартаковъ мнѣ еще сказалъ, что нашей сессіи совсѣмъ бы и не видѣть настоящаго конца, потому что гласные до срока разъѣхались бы по домамъ, если бы управа не прибѣгла къ одной уловкѣ. Ты знаешь впрочемъ сама, Соня, что вся живая суть, весь смакъ нашихъ собраній какъ въ уѣздѣ, такъ и въ губерніи, въ выборахъ. Кто кого, кто противъ кого и кто надъ кѣмъ? По этому предмету только и бываютъ настоящіе споры, настоящая дѣятельность и настоящее оживленіе. Только ради выборовъ очень многіе и пріѣзжаютъ. Иначе кому какая была бы охота за тридевять земель ѣхать киселя хлѣбать? Вотъ управа-то, чтобы держать гласныхъ на привязи, и назначаетъ выборы на самый послѣдній день. Послѣ этого хочешь не хочешь, а сидишь. Теперь по этой части, на счетъ выборовъ, у насъ тутъ двѣ земскія партіи: уховертовцы и шиловцы. Уховертовцы стоятъ за избраніе вновь предсѣдателемъ управы князя Уховертова и за прибавку ему жалованья. Шиловцы-же тянутъ въ гору отставнаго полковника Шилова и хотятъ взять сбавкой жалованья на 500 цѣлковыхъ въ годъ. Тутъ и вся нехитрая штука, а споровъ разговоровъ, интригъ, стараній на весь городъ. «Безмятежный Вѣстникъ» поддерживаетъ Шилова. У редактора Швецова вышли какія-то личности съ княземъ,—кто говоритъ, изъ-за управскихъ объявленій, а кто,—что изъ-за одной актерки? Князь ей покровительствуетъ; а въ газетѣ былъ непочтительный отзывъ объ этой самой актеркѣ. Отсюда и размолвка. Я пока держусь нейтрально и образовалъ свою собственную партію: Атуевъ, Петровскій и Стаммеръ со мною. Посмотримъ, какъ шиловцы и уховертовцы отнесутся къ моему проекту; а сообразно этому и распредѣлимъ уже наши голоса. Шиловцы догадываются о нашей политикѣ и видимо ухаживаютъ за нами. Мы покуда молчимъ; какъ есть ни гу-гу. Суть-то въ томъ, что шиловцы въ меньшинствѣ, и что голоса моей партіи были-бы для нихъ настоящими брилліантами.

Я думаю, что завтра выступлю и я со своимъ центральнымъ проектомъ.

P.-S. Хозяйственные припасы купилъ. Такой матеріи, какъ ты хочешь для Дунички, нѣтъ во всемъ городѣ. Цвѣтъ-то подходящій, да тутъ по кофейному фону какъ бы глистики идутъ, а тебѣ нужны перышки съ кружечками. Какъ быть? Ты пишешь, что горячиться нечего и что лучше спокойно пораздумать надъ вице-губернаторскимъ предложеніемъ. Что-жъ, пожалуй... Наполеонъ I и тотъ былъ барабанщикомъ. Я-то никогда не ломался. А ты все Сергѣя въ гусары готовила. По моему, пускай лучше по полиціи служитъ, чѣмъ голубей да дѣвокъ гоняетъ. Впрочемъ, какъ хочешь. Думай. Я тоже буду думать.

Весь твой

Ѳ. Бузинъ.

29 октября 1884 г.
Неплюевскъ.

Земскія партіи.

1. Крайняя правая.
2. Правая.
3. Центръ.
4. Лѣвая.
5. Крайняя лѣвая.
6. Флюгерный.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Душечка!

Мой центральный проектъ, наконецъ, разсмотрѣнъ.

— Ну, что же? спросишь ты. Побѣдилъ или побѣжденъ?

— Ни то ни другое. Я и самъ опредѣлить не знаю. Впрочемъ, разскажу по порядку. Нужно тебѣ сказать, что во все время нашего собранія, во всѣхъ докладахъ и по всѣмъ предметамъ постоянно слышалась одна и та же неизмѣнная нота: «денегъ нѣтъ, денегъ нѣтъ, давайте господа дѣлать сбереженія, да экономіи». Эти мотивы были мнѣ какъ нельзя болѣе на руку. Но я сидѣлъ молча, не проговариваясь ни однимъ звукомъ. Я только радовался, что цифры и факты выясняли и подтверждали сущность и спасительность моего предложенія. И вотъ, когда пришла очередь къ разсматриванію земскихъ ходатайствъ и когда предсѣдатель собранія, графъ Тарантасовъ, обращаясь ко мнѣ, попросилъ меня прочесть свой проектъ, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что наше собраніе было въ полномъ составѣ, что и въ мѣстахъ для публики было порядкомъ набито и что за газетчиковскимъ столомъ сидѣлъ самъ редакторъ Швецовъ. Онъ даже попросилъ меня передать ему копію моего проекта. Я тутъ немного его еще подправилъ и мое предложеніе дѣйствительно отличалось и новизною, и практичностью. Когда собраніе узнало въ чемъ дѣло, когда я имъ, какъ дважды два доказалъ, что разумныя земскія сбереженія возможны только въ такомъ случаѣ, если въ уѣздахъ немедленно будутъ упразднены всѣ школы, всѣ больницы и всѣ почтовыя станціи и вмѣсто нихъ основаны въ каждомъ уѣздѣ, одна центральная школа, одна центральная больница и одна центральная почтовая станція, расположенная въ центральномъ пунктѣ каждаго уѣзда, то слова мои произвели очень большое впечатлѣніе. Всѣ гласные пришли въ движеніе и вмѣстѣ заговорили. Князь Уховертовъ сочувственно мнѣ улыбался. Предводитель долго звонилъ, пока не возстановилъ полнаго молчанія. Желавшихъ говорить записалось девять человѣкъ. Первымъ говорилъ какой-то мировой судья Бобриковъ. Говорилъ долго и все, знаешь, старыя избитыя вещи. Прикидывался настоящимъ дуракомъ и все «никакъ понять не могъ». Онъ не могъ понять ни того, какъ дѣти будутъ ходить со всего уѣзда въ одну центральную школу, ни того, какъ это, молъ, больныхъ будутъ развозить за десятки верстъ, ни особенно того, какая, молъ, будетъ польза въ земской почтѣ, если нужно будетъ нанимать частную почту, чтобы доѣхать до центральной

земской почты. Бобрикова поддерживали другіе болтуны и краснобаи. Что меня удивило, такъ это то, что самъ предсѣдатель высказался противъ моего проекта. Когда наговорились и нагалдѣли вдоволь, я попросилъ позволенія высказать и свое слово. Я имъ сказалъ:

Мм. гг.! Критиковать, молъ, легко, да создавать трудно. Всякій проектъ можно разрушить. Полнаго совершенства нѣтъ въ мірѣ. Но при оцѣнкѣ какого-либо предположенія нужно принимать во вниманіе и относящіяся къ нему побочныя обстоятельства. Въ теченіи нынѣшней сессіи только и раздавались жалобы на наше земское безденежье. Рѣчи, которыя я имѣлъ здѣсь удовольствіе слышать, преимущественно говорили о сбереженіяхъ и сокращеніяхъ въ расходахъ. Моя мысль была та, чтобы придти на помощь земскому дѣлу, находящемуся въ затруднительномъ положеніи, съ прямыми и рѣшительными средствами. Я и выработалъ такой проектъ, который далъ-бы намъ возможность, не отступая отъ нашей прямой задачи и не отрѣшаясь отъ нея, сократить, однако, ее до возможныхъ предѣловъ. Вы—сказалъ я—законные судьи моего предложенія. Но, давая приговоръ о немъ, имѣйте въ виду, что можно забраковывать только тогда, когда есть чѣмъ замѣнить забраковываемое.

Сказавъ это, я сѣлъ. Тогда вторично начались пренія, томительныя, однородныя, на нервы дѣйствующія. Спорили добрыхъ два часа. Видимъ, дѣло подходитъ къ обѣду. Предсѣдатель резюмируетъ пренія и ставитъ вопросъ: онъ предлагаетъ открытую баллотировку. Я и моя партія стоимъ тоже за открытую. Пускай противники высказываются гласно, съ открытыми забралами. По крайней мѣрѣ и мы будемъ знать кто за насъ и кто нѣтъ. Но шиловцы требуютъ закрытаго баллотированія, шарами. Мы, конечно, сейчасъ догадались, въ чемъ дѣло: накрыться хвостами хотятъ. Что же, ваше дѣло! Принесли ящики, тарелки, шары. Всѣхъ гласныхъ въ собраніи было 22 человѣка. Для большинства значитъ нужно 12 голосовъ, сосчиталъ я мысленно. Кажется, выйдетъ требуемое. Ты знаешь: пренія вѣдь это одно, а баллотировка совсѣмъ другое. Сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что на словахъ разнесутъ, а шарами взнесутъ. Потянулись мы хвостомъ къ ящику.

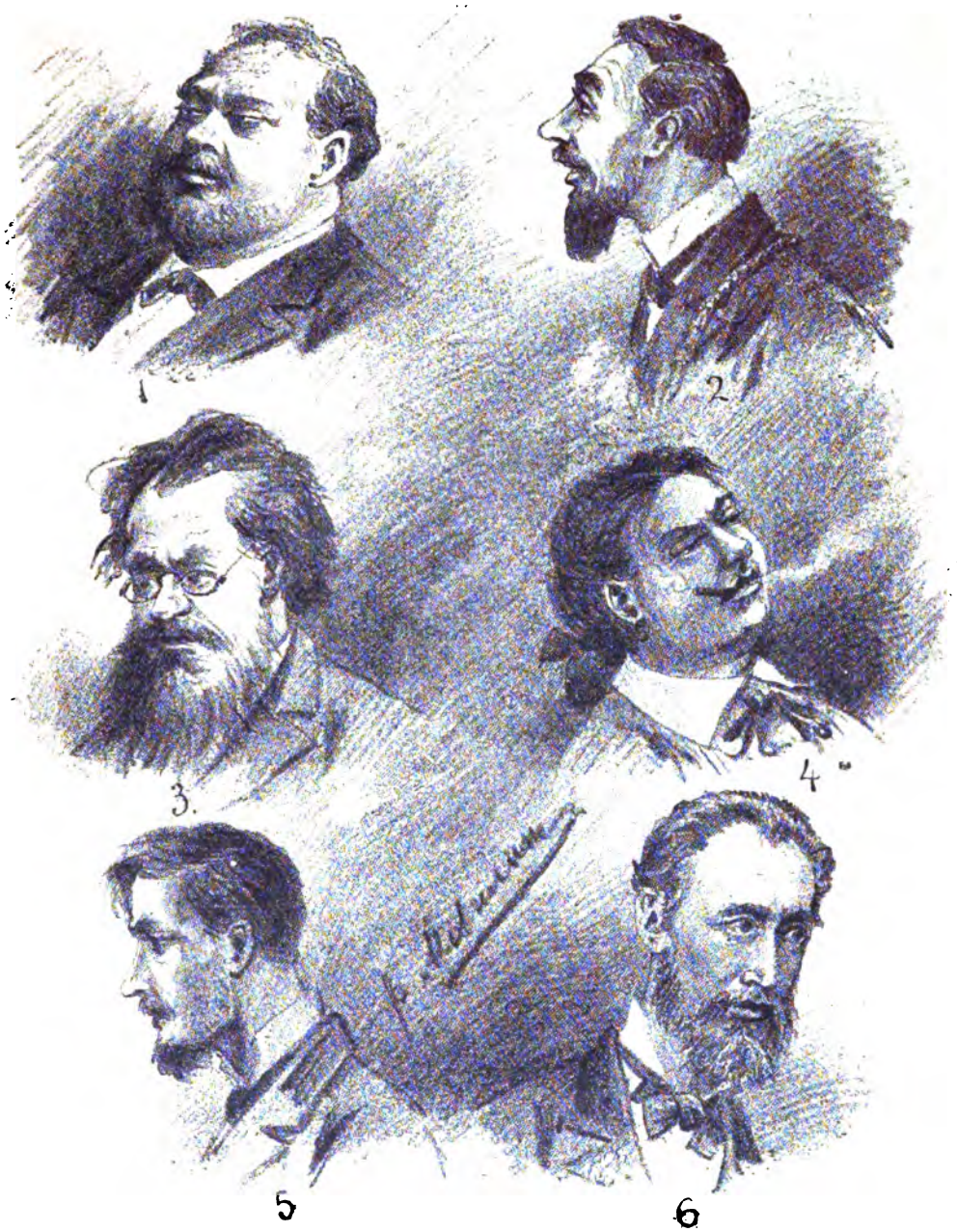
Процедура кончилась. Достаетъ предсѣдатель правый ящикъ, беретъ въ руку тарелку и начинаетъ бросать. «Одинъ!» Это мой. «Два!» Это Петровскаго. «Три!» Это Стаммера. «Четыре!» Это Атуева. «Четыре, четыре, четыре» считаетъ предсѣдатель, считаю и я, считаютъ и другіе... Измѣнники! Подлецы, одно слово! А вѣдь какъ обѣщали! Какъ подхваливали... До свиданія, милая.

Твой „огорченный"

Ѳ. Б.

P.-S. Сегодня даетъ для разъѣзда вечеръ графъ Тарантасовъ. Наконецъ-то ужъ повезетъ, должно быть.

Земскія власти.



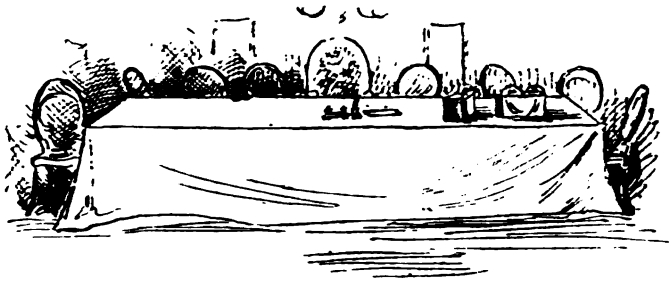
1. Предсѣдатель уѣздной земской управы.
2. «Мировая судья».
3. Земскій докторъ.
4. Земская акушерка.
5. Народный учитель.
6. Подрядчикъ (изъ просвѣщенныхъ).

ТЕЛЕГРАММА.

Станція Конопатка, *Софьѣ Бузиной*. Убѣдительная просьба выслать сто, получивъ задатокъ мельника. *Ѳ. Бузинъ*.

ТЕЛЕГРАММА.

Неплюевскъ, *Парижъ. Бузину*. Безстыдный. Деньги посылаю. Сергѣй согласенъ урядникомъ. *Бузина*.



GENERAL BOOKBINDING CO.

PG 3470
V24 N3
1884

PG 3470 .V24 .N3 1884 C.1
"Nashi nravy,"
Stanford University Libraries
3 6105 036 464 274

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-600
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

F/S JUN 30 1997

DEC 31 1998

11/2 79FB